

ПРОБУЖДЕНИЕ

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ:

На развитие	-----	Жан Гран
Экономический крах большевизма	-----	Его же
Экономический материализм	-----	Б. Вышеславцев
Проблема диалектической философии, общественности и А. Боровой	-----	А. Пастухов
Философские предосмысли мировоззрения П. Кропоткина	-----	А. Солонович
Какими книгами пополнить библиотеки	-----	Н. Рубакин
Очерки по истории музыки	-----	Д. Александров
Критика "Организационной платформы"	-----	М. Сун
Как дошли мы до жизни такой	-----	Е. Моравский
Наше мнение	-----	Союз друзей свободы
Стихотворения	-----	Л. Н. и Сергеев
Записки группы "Пробуждение".		
Отчет по изданию журнала		

Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ.

ИЗДАНИЕ РУССКИХ ПРОГРЕССИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Адрес:

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 8

ИЮНЬ, 1929.

НА РАСПУТЫИ

(Смятенные годы)

“Нельзя одним прыжком перенестись из современного общества в общество будущее”, — таков обычный довод, который выдвигают против нас реформисты и они правы. На довод этот им почти что не возражают.

Кое кто из товарищей уделяет много внимания затронутой здесь проблеме, но пути к разрешению ее намечаются ими не достаточно четко.

Большинству анархистов революция мнит ся самоудовлетворяющей, всеобъемлющей и всемогущей. Но иные смотрят на вещи глубже. Социальный переворот они мыслят как завершение длительного исторического процесса. Поэтому те, кому предстоит делать революцию, должны быть „подготовлены настолько, чтобы они в состоянии были справиться со всеми трудностями“. Вопрос, таким образом, сводится для них к надлежавшей подготовке, к идейному выступлению масс.

Разумен ли такой подход к проблеме? — Бесспорно. Но подготовка эта должна быть не только теоретической, как думали до сих пор, а прежде всего практической. Между тем эта сторона дела у нас совершенно упускалась из виду.

Кроме того, возможны случаи, когда революция наступает преждевременно, опережая свое историческое развитие, как это имело место в России. Что делать тогда?

Обсуждая этот вопрос с одним из товарищей, я доказывал, что всякая власть, какова бы ни была ее природа, оказывается ничтожной в разливе революционной стихии. На это он мне возразил, что все-же „какая-то власть необходима, хотя бы в начале революции, чтобы дать упрочиться новому порядку вещей и предупредить возможность реакции“.

Товарищ этот — старый участник движения и называет себя, повидимому, вполне искренно анархистом.

Истина, однако, в другом: революция может оказаться достаточно мощной, чтобы сокрушить эксплуатацию и гнет, но сама по себе она бессильна создать новый порядок: она может лишь очистить ему дорогу. Нельзя за один день перестроить общество от основания до вершины с помощью революционных декретов. В лучшем случае мы повторяем ошибки прежних революций; старые учреждения, со всеми темными их сторонами, оказываются восстановленными под

am

каким-нибудь громким революционным названием.

Примером может служить Россия.

Анархисты, сознавая, что они не в состоянии руководить революционным строительством, предложили свою поддержку большевикам, обещая помощь им стать у власти. Большевики, в такой же мере не подготовленные к подлинному руководству, рассуждали иначе. Они неспособны были наладить хозяйственную жизнь страны, но — чернь шла за ними!.. „Захватим сначала власть, а там видно будет!“ решили они.

Впоследствии главная квартира анархистов была окружена, и помещение подвергнуто обстрелу. Захваченные товарищи были расстреляны „во имя спасения революции“ — большевики не додумались ни до чего лучшего. Впрочем, при подобных же обстоятельствах прославившийся своими жестокостями палач реакции, знаменитый „вешатель“, Муравьев, заявил, что действует „во имя охраны порядка!“ Перед нами явления, тождественные по своей природе.

Весьма возможно, что среди большевиков нашлись лица, которые убеждены были, что стоит им только сесть на место царских чиновников, как революция немедленно восторжествует. Конечно, в каждой партии имеются бесчестные авантюристы. Но я предполагаю и хочу верить, что большинство коммунистов действовало из искренних побуждений. — Им удалось стать у власти. И, тем не менее, банкротство революции стало признанным фактом.

Представим себе поселенцев в девственной стране, где нужно сызнова закладывать фундамент общественной жизни: помимо своей культуры, своих традиций, своих навыков и предрассудков, они принесут с собой начатки той социальной организации, какую они оставили у себя на родине. Тем паче в момент революции основы существующей системы не могут быть сразу же и полностью поглощены пришедшим ей на смену строем, который, несмотря на внезапное потрясение всех устоев, не может быть ничем иным, как продолжением старого уклада.

Таким образом, возражение реформистов вполне основательно. Необходимы постепенные преобразования, которые облегчили бы нам переход к иному социальному строю.

В одном только мы расходимся с реформистами: преобразовательные их проекты имеют целью продлить существование известных социальных форм, которые они стремятся улучшить, тогда как мы, напротив, хотим заменить эти неудовлетворяющие нас формы иными, более совершенными.

Поэтому сегодня перед нами, с большей чем когда-либо настойчивостью, встает вопрос: „Как перейти от современного общества к тому социальному строю, который является предметом наших чаяний и упований?“

Правда, большинство анархистов не ставит этого вопроса в такой форме, но это не меняет дела.

„Что делать на другой день после переворота?“ — таким вопросом задаются те, кто считает, что революция и социальное переустройство суть два различных этапа, две фазы исторического процесса. — „Какова должна быть позиция анархистов в той борьбе, которая всыхнет, когда разразится революция?“ — вопрошают другие.

Товарищи эти недалеки от истины, но вопрос поставлен ими неправильно. Заниматься социальным переустройством нужно не во время и не после революционной борьбы — ибо тогда будет слишком поздно — а теперь же, по ходу нашей повседневной пропаганды, причем работа в этом направлении должна быть не только теоретической, но и практической.

Чтобы дать представление о тех нелепостях, какие изрекают иногда некоторые субъекты, именующие себя анархистами, приведу возражение, сделанное во время одной дискуссии по адресу Малатесты, (который был так наивен, и настолько утратил способность судить о людях, что затеял дискуссию с господами из „Libertaire“^a):

„Если крестьяне во время революции“, заявил ему оппонент, „откажутся доставлять нам продовольствие, то мы возьмем его силой, а если нужно будет — расстреляем!“

Жалкий глупец! он не понимает того, что расстреливать крестьян и отнимать у них силой их припасы — это отнюдь не поощрительная мера к развитию земледелия. Последствием этого было бы то, что ограбленные крестьяне стали бы производить ровно столько, сколько необходимо для удовлетворения их собственных нужд, и не больше.

Таким путем революция далеко не улучшила бы, а скорее ухудшила положение широких масс.. Об этом свидетельствует опыт революции в России.

Однако, дискуссии эти указывают на то, что вопрос все же становится актуальным и многие товарищи начинают постигать, что недостаточно проповедывать революцию и помогать ее осуществления — нужно еще много потрудиться, чтобы революция эта могла быть плодотворной в смысле реальных достижений.

„Разрушение мостовых, постройка и защита баррикад, стычки с правительственными отрядами — таково неизбежное начало всякой революции, будь то революция политическая, или социальная“. Но этого мало. В чем особенности социальной революции?

„Нужно уничтожить налоговые книги, акты гражданского состояния, реестры и нотариальные архивы, чтобы сделать невозможным восстановление частной собственности“, отвечают одни. „А если будут пытаться сформировать какое-нибудь правительство, то нужно будет отправить в Отель-де-Виль и вышвырнуть его членов в окно“, прибавляют другие.

Это уже лучше, но еще далеко не все. Это разрушительная работа, которую следует выполнить, но особой важности она не представляет.

„Нужно захватить магазины и распределить среди нуждающихся необходимые им вещи“, предлагают третьи. „Сжечь нездоровые трущобы бедных кварталов и разместить их обитателей в пустующих квартирах, покинутых приверженцами рухнувшего режима, или просто трусливыми обывателями, давшими тягу“.

Отлично, но и это не более, как кра-

сивый жест момента, который ни в чем не затронет экономической организации общества. Между тем именно этот вопрос заслуживает особого внимания, так как старая организация должна будет уйти из жизни в силу самого факта революции.

Некоторые из товарищей пытались обрисовать в общих чертах структуру анаarchического общества, как они его себе представляют. Прекрасно! Но их концепции построены так, точно эта будущая организация должна явиться на свет в совершенно законченном виде из недр революции. Они заявляют, что подобный механизм не может быть построен в одно мгновение. Да, когда „лес рубят, щепки летят“; да, необходимо разрушить экономическую систему старого строя, а для этого достаточно революции. Но когда дело коснется того, чтобы установить новый модус взаимоотношений между индивидами, то понадобятся зачатки новой организации, если мы не хотим запутаться в неразберихе и способствовать увеличению общего зла, вместо того, чтобы это зло уменьшить.

Некоторые из нас предусмотрели эту проблему и пытались, хотя безрезультатно, привлечь к ней внимание других товарищей.

И вот теперь вопрос этот встает даже перед теми, кто в свое время считал излишним над ним задумываться.

Вопрос поставлен, но, как я уже говорил, поставлен неправильно. Он должен быть выражен не только в такой форме: „Что делать во время революции, чтобы организовать будущее общество?“, но „Что делать сейчас, начиная с сегодняшнего же дня, чтобы в тот момент, когда разразится революция, мы оказались на высоте положения и в состоянии были обеспечить нормальное течение производства и распределения“. Ибо только при этом условии революция не приведет, на первых же порах, к отягощению нищеты народной, а напротив, внесет, говоря словами Кропоткина, заметное улучшение в быт наших обездоленных братьев и облегчит их горькую участь.

Ждать, куда разразится революция,

чтобы начать действовать в смысле реорганизации взаимоотношений между индивидами, значило бы слишком поздно приступить к делу. Уничтоженные нами буржуазные экономические организации должны быть немедленно заменены организациями общественными, способными обеспечить нормальное течение жизни. Такие организации, обслуживаемые кадром интеллигентных работников-революционеров, не могут появиться из ничего, мы должны суметь подготовить для них заранее почву. Если эта подготовительная работа не будет проделана своевременно, то позже нельзя уже будет поправить дело. Придется сохранить определенные буржуазные организации, могущие впоследствии облегчить возврат к тому режиму, который мы будем считать уничтоженным.

Но как наши товарищи не постигают всей полноты затронутого ими вопроса, совершенно также они заблуждаются и в отношении тех причин, благодаря которым анархисты до сих пор не в силах были его разрешить.

Малатеста, впервые поднявший этот вопрос в своем обозрении „Мысль и Воля“ („Pensiero e Volonta”), приписывает наше невежество той „небрежной манере“, в которой Кропоткин, по его словам, рассматривал и трактовал данный вопрос, утверждая, что добрая воля народа „уладит все и вся“.

Когда приходится критиковать известные положения или идеи, весьма удобно от ответственности за них возлагать на Вольтера, Руссо, или даже Кропоткина! Но в нашем движении, где каждый вправе действовать, мыслить и высказываться совершенно свободно, „вина других“ есть также и вина тех, кто не сумел дать искомого решение вопроса, потребность в котором ощущается сейчас с такой остротой.

Возможно, что в некоторых отношениях Кропоткин действительно проявлял излишний оптимизм. В таком случае другим пропагандистам надлежало отыскать иное, лучшее решение проблемы, вместо того, чтобы выжидать с их критикой до сегодняшнего дня.

И если пока такого решения нет, то

это потому, что мысль о нем не совсем созрела. Внимание пропагандистов было занято другими вопросами, которые казались им более важными, или более актуальными.

Я еще помню те возгласы негодования, которыми нас встречали всякий раз, когда мы пытались заговорить об организации будущего общества. Нам говорили: „К чему рассуждать о том, каково будет общественное устройство в 2000-м году; устраивать восстания, готовить революцию — вот наша прямая задача. Еще довольно будет времени заниматься социальным строительством, когда придет революция — иные говорили даже: когда закончится революция. — Мы не знаем, какие трудности нас ожидают. К чему вести дискуссии в пустое?..“

Подобные настроения настолько прочно овладели значительной частью революционеров, что когда явился Эрвэ, с его неумеренным революционным красноречием, то он нашел широчайшую поддержку среди анархистов, предпочитавших „играться теорией“ — да и немудрено: ведь это избавляло их от необходимости отдавать свои силы живому делу.

Сеять ненависть к существующим общественным институтам, устраивать восстания, с целью приблизить час революции — к такой программе склонялось более или менее все. Даже те, кто все же сознавал, что нужно бы подумать и о той созидательной работе, которая предстоит нам и до, и после, и во время революции.

Причины этого кроются в тогдашней ситуации. Движение наше, тогда только нарождавшееся, должно было сколько-нибудь упорочиться, чтобы занять место, которое оспаривали у нас с ожесточением парламентские социалисты. Сознывая нашу малочисленность, мы стремились в первую голову увеличить наши ряды, а для этого нам пришлось держаться критики тех общественных институтов, которые предполагалось уничтожить, и наряду с тем вскрывать повседневные факты гнета и эксплуатации. К тому же наша малочисленность не позволяла нам создать никакой организации, способной на

полезное дело, или хотя бы просто жизне-способной.

Да и самым идеям нашим разве не предстояло еще развиваться, кристаллизироваться, найти истинную формулировку?

Поглощенные необходимостью внести больше ясности в наши собственные концепции, упрочиться, доказать обоснованность нашей критики, усилить нашу аргументацию новыми, более вескими доводами, вербовать себе сторонников, — принужденные бороться изо дня в день — мы должны были по мере пренебрегать важными задачами активной работы, или касаться их только слегка. Ибо то были задачи будущего, не требовавшие, как нам казалось, столь постоянного разрешения.

Внушить каждому индивиду ненависть к власти и государству, развить в нем любовь к свободе и дух независимой инициативы, представлялось многим из нас гораздо более насущной задачей. Создать сильное революционное меньшинство — не значило ли это потрудиться на пользу революции?

А если это меньшинство, к тому же, имеет отчетливое представление о том, чего оно домогается, и умеет увлечь за собой нерешительную, колеблющуюся массу (которая всегда будет податливым материалом в руках тех, кто знает, как на нее действовать; — то это „все, что потребно для данного момента“.

Большинству из нас представлялось несомненным, что будущее строительство явится логическим следствием революции. Мы до такой степени были в этом уверены, что разрешали себе уходить с головой в „дела текущие“. Да и потом: „На всякий день довольно забот“, говорит народная мудрость — не так-ли? — Нет, это не так. Бывают механизмы, к сооружению которых нужно приступать задолго до того, как придет время пустить их в ход. Не из победоносной революции должно возникнуть организованное общество будущего — оно выйдет из недр нынешнего общества; революция же лишь откроет ему дорогу, сметая преграды, лежащие на его пути.

Ничто не рождается из пустоты. В законченную общественную систему входят раз-виться лишь те части социального механизма, которые удастся организовать забла- временно трудами групп революционной про-паганды.

Сейчас наше положение не лучше, чем оно было до войны; я и сказал бы даже, хуже, ибо, с одной стороны, мы имеем пустоту, в которой мечется без толку все, кто хотел бы что-нибудь сделать, но не знает, как за это взяться — тогда как, с другой стороны, на первом месте оказались ду-шные нам элементы, ведущие двойственную игру, цель которой заключается в распыле-нии революционной энергии (я говорю, в данном случае, о Франции).

Но как мы ни плохо подготовлены к задачам общественного строительства, все же вопрос этот сейчас встает перед нами с большей чем когда-либо силой и остротой.

Заняться снова критикой существующе-го строя значило бы беспечно повторять са-мих себя. Жизнь теперь требует иного.

Ряд революций, пришедших вслед за войной, после непродолжительного и эфемер-ного успеха, закончились плачевным кра-хом.

Причина этого та, что рабочие, оказав-шиеся хозяевами положения, не сумели ис-пользовать свою победу, чтобы заменить буржуазные экономические организации ор-ганизациями общественными, способными обеспечить нормальное, без перебоев, тече-ние хозяйственной жизни, вне которого не-мыслимо улучшение быта широких масс.

Народ не может ждать, когда новая сис-тема общественных организаций будет при-способлена к его нуждам. Необходимо есть не только каждый день, но и по несколько раз в день. Необходимо производить.

Сменить лиц, стоящих у власти, — без всякого ущерба для общественной жизни — нетрудно. Но новые лица, оказавшиеся на месте своих предшественников, не смогут ни в чем изменить существующий порядок ве-

щей, если в недрах общества не произошли еще до того глубокие перемены.

В самом деле, что может предпринять какойнибудь парламентский представитель, которого случайный кризис в Палате поставил во главе министерства? Он может только снестись с начальниками подведомственных бюро и разослать инструкции и циркуляры, которые если не выбрасываются в корзину, то кладутся под сукно и затем добросовестно забываются.

Если бы ему удалось продержаться несколько дольше, то он мог бы, пожалуй, изменить кой-какие незначительные мелочи социального обихода, и то при условиях, где смысл его преобразований не будет искажен, на пути их осуществления, благодаря „толкованиям“ различных посредников.

Каково же придется тем, кто задумал преобразовать все общество, от основания до вершины!

Независимо от их взглядов на социальное переустройство, чтобы удовлетворить хотя бы насущнейшие потребности момента, они должны будут воспользоваться тем аппаратом, который окажется у них под рукой, т.-е. той самой капиталистической хозяйственной организацией, к уничтожению которой направлена революция!

Я знаю, мне скажут: „Отчего же и не воспользоваться старыми формами, если их предварительно почистить, преобразить и украсить революционными ярлыками, под стать новому положению вещей!“ — В самом деле, разве это не проделывалось во время всех респектабельных революций!..

— „Но, чорт побери! мы конфискуем все частные предприятия и превратим их в общественную организацию!..“

Возможно, но я не вижу, что от этого выиграет общество. По моему, это послужило бы только лишним доводом к тому, чтобы оставить в покое порочную капиталистическую организацию и не стараться продлить ее существование.

Пусть я немного туго воспринимаю вещи, но я продолжаю твердо стоять на своем: кого бы мы ни поставили во главе органи-

зации, какие бы наименования мы ей ни давали, она не произведет на свет ничего, кроме того, к чему она предназначена по своей природе.

Если продолжают существовать капиталистические организации, то это означает ни более, ни менее, как то, что продолжает существовать и буржуазное общество, подготавливая почву для нового напора реакции.

У нескольких буржуа, возможно, будет отнята их собственность, но только для того, чтобы тут же породить новую буржуазию. Стоит ли хлопотать о революции, ради таких жалких результатов?

В Германии и Венгрии социальная революция потерпела крах из-за того, что руководители ее не сумели осуществить тех экономических перемен, которые сделали бы ее более жизненной.

В Италии рабочие, ставши хозяевами фабрик и заводов, должны были оставить их, так как не умели их вести: — Пора, давно пора революционерам начать учиться всему, что должны знать будущие „строители нового мира!..“

**

Единственная страна, где революционеры, как будто бы, остались победителями, это — Россия. Но и то лишь на первый взгляд. Правда, революционеры не только захватили там власть, но и сумели удержаться у власти. Многие их ставленники занимают сейчас ответственные посты — хотя, с другой стороны, не мало и царских чиновников осталось на своих местах. Но не в том суть. Революция была проделана без наличия какой-либо новой экономической организации, хотя бы в зачаточном виде. Пришлось воспользоваться прежним аппаратом, приспособив его кое-как к новым условиям. А в результате?

В результате — рост политического гнета, превосходящего во много раз гнет царизма, рост нищеты и лишений. Конечно, ответственность за всеобщую разруху не лежит всецело на новом режиме, но он во многом способствовал и ни в чем не смягчал ее остроты.

Если когда либо существовал общественный класс, подготовленный наполовину исторически к восприятию режима коллективной собственности, то таким было русское крестьянство. Как же воспользовались этим новые господа положения? Вместо того, чтобы насаждать в деревне земледельческие коммуны, они превратили крестьян в мелких собственников, т.е. в будущих „буржуев“.

Мало-по-малу буржуазная экономическая система, якобы уничтоженная революцией, стала снова открыто входить в силу. Правительство, которое держится исключительно с помощью террора, вынуждено искать поддержки извне. Оно призывает на помощь иностранных капиталистов, предлагает им выгодные концессии, территориальные и иные, и восстанавливает, таким образом, по всюду частную собственность, с которой будто бы все покончено.

Революция торжествует—в лице новых правителей, которым удалось удержаться у власти, благодаря тому, что они действуют вопреки самым принципам этой революции. Переворот удался, это правда, но переворот правительственный, а не социальный.

Это понимают, хотя и смутно, те из наших товарищей, которые не утратили еще способности критически мыслить и наблю-

дать. Они чувствуют инстинктивно, что нам предстоит еще разрешить немало проблем. Отсюда их критика прежних попыток — разумеется, попыток, проделанных другими; — отсюда их беспокойное стремление к познанию того, что им надлежит предпринять, когда наступит дни переворота.

Мы видели, что не всегда данная ситуация выдвигает людей, которые разрешили бы связанные с нею задачи. Нужно быть наготове, чтобы преодолеть все преграды — та и тогда еще останется достаточно непредвиденных затруднений.

Как я уже говорил вначале, вопрос: „Что делать в период революции?“ связан неразрывно с другими вопросами: „Какова должна быть природа тех экономических объединений, которые надлежит подготовить путем повседневной пропаганды, дабы во время революции они послужили связывающим звеном между обществом отмирающим — и тем, которое должно прийти ему на смену“.

Вот та проблема, рассмотрением которой я хотел бы заняться, если только читатели „Пробуждения“ заинтересуются в достаточной мере данным вопросом, требующим, на мой взгляд, безотлагательного решения.

ЖАН ГРАВ.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРАХ БОЛЬШЕВИЗМА*

Передо мной книжка „Коммунистического Бюллетеня“ (№ 33, год издания 5-й), в которой имеется, между прочим, статья под заглавием „Материалы 5-го конгресса Коммунистического Интернационала“, содержащая доклад об общем положении в России, прочитанный на конгрессе (в заседании от 27-го июня 1924 года.) одним из советских заправил, Рыковым. Доклад этот

заслуживает того, чтобы ознакомиться с ним ближе.

Оценка положения приводится Рыковым на основе сравнения с периодом до-военным.

Под рубрикой „Состояние индустрии и положение рабочего класса“ докладчик констатирует, что производство достигло по меньшей мере 45% до-военных размеров. Данные эти представляются как доказательство прогресса, ибо в 1920 г. индустрия была сокращена до 15% (стр. 775).

В действительности, если здесь и можно признать некоторое улучшение, то лишь в очень относительном смысле. Это прогресс по сравнению с 1920 г., но безусловное уху-

*) Статья Жана Гравы об экономических достижениях большевиков написана несколько лет тому назад, а поэтому некоторым читателям она может показаться устарелой. В действительности же экономические достижения большевиков очень мало изменились за последние годы, а поэтому статью Гравы мы и сочли нужным поместить в журнале. — РЕД.

шение сравнительно с тем положением, какое существовало до войны, во время царизма!

Заметим также, что упомянутые 45%, долженствующие свидетельствовать об успехе, представляют собой не более, как некоторую **среднюю** величину. В известных отраслях производство, быть может, восстановлено полностью, но зато в других его уровень значительно ниже 45%. Так, в металлургии, или в „тяжелой индустрии“, как ее называет докладчик, пресловутый прогресс все еще не превышает 15%!..

Прибыль, полученная государством от производственных операций, выражается в сумме 20 миллионов (докладчик не указывает, имеются ли здесь в виду золотые рубли), за отчетный период 1923-24 г., причем на 1924 г. ожидается увеличение прибыли до 40 миллионов.

Положение рабочего класса, по мнению г. Рыкова, тоже улучшается — так как общее число рабочих значительно возросло.

Это мне напоминает забавный эпизод, имевший место еще в то время, когда я служил в морской пехотной ротации. Командир соседней роты, желая отпраздновать достойным образом рождение своего незаконнорожденного отпрыска, созвал своих людей, дабы объявить им о столь радостном событии, и закончил свою речь тем, что в виду наличия в ротной кассе некоторого остатка, он намерен улучшить дневное довольствие: с завтрашнего дня его люди будут получать усиленную порцию воска и сала... для винтовок!..

Помимо этого классического „увеличения числа рабочих“, в качестве доказательства „улучшения их быта“, приводится еще более замечательный аргумент — а именно: увеличение заработной платы!

Последняя, действительно, увеличивает — но ее **реальная** покупательная способность в пределах 65-75% до-военной! Не знаю, как по-русски, но на чисто французском языке это означает, что в материальном положении рабочих, по сравнению с временами царизма, наблюдается явный **регресс**!..

С другой стороны, здесь можно было бы сослаться на знаменитый „железный“ закон заработной платы, столь излюбленный Гезом

и прочими марксистами того же толка. Закон этот, как известно, гласит, что с увеличением заработной платы неизбежно повышается и стоимость жизни. Итак?! —

Итак — „положение улучшается!“ Это все, что „товарищ“ Рыков мог сказать в пользу новых правителей России. Он забывает, однако, отметить, что улучшается, собственно, ситуация, созданная **большевистской революцией**, и что несмотря на это, настоящие условия быта рабочих все еще на 25-35% ниже существовавших при царском режиме!.. Не подлежит сомнению, что с экономической точки зрения октябрьская революция не только не принесла с собой прогресса, но явилась определенным шагом назад. Не лучше обстоит дело и в политическом отношении. Правда, теперь не вешают, но зато расстреливают, ссылают, морят голодом и дурным обращением всех тех, кто отказывается признать, что появление марксистской клики у власти есть последнее слово социального прогресса.

„Положение улучшается“ — решено, и быть по сему! — Но, по словам самого же Рыкова, все держится исключительно благодаря до-военному аппарату, который — не взирая на явную ветхость — они пока не в состоянии заменить!..

Г. Рыков, правда, позаботился оговориться, что члены Коммунистического Интернационала не должны думать, будто советское правительство считает настоящее положение идеальным, или хотя бы удовлетворительным (я думаю!..). Напротив, оно признает, что рабочий все еще не получает необходимого минимума (какое великодушие!), но им принимаются и будут приниматься и впредь все возможные меры к улучшению рабочего быта. — Так ли?

(Отметим, мимоходом, эту беспардонно-покровительственную манеру советского вельможи: „Мы приняли и продолжаем принимать все зависящие от нас меры!“.. Во что же превращается, при таких условиях, свободная инициатива и самостоятельность масс?.. Неужели им суждено навсегда оставаться послушным материалом в руках тех,

кто ими владычествует и повелевает?! Таков печальный вывод, который напрашивается невольно под впечатлением общего тона доклада).

Весьма поверхностно, в противоположность этому, докладчик касается вопроса о причинах упадка промышленности и ухудшения условий жизни пролетариата.

Такая уклончивость нас несколько не удивляет — достаточно вспомнить то катастрофическое состояние полнейшего упадка и застоя, которое переживала страна, пока наши экспериментаторы — марксисты пытались применить на практике свои учения доктрины. В конце концов правительство уразумело свою неспособность справиться со все растущим кризисом, отказалось от дальнейших экспериментов и начало постепенно восстанавливать ураздненную — было буржуазную экономику. В торговле и промышленности, наряду с государством, дано было место частным предпринимателям-капиталистам, — промышленникам и помещикам, — и только после этого острота положения несколько смягчилась, и стали появляться кой-какие признаки улучшения.

Неудача эта выдается г. Рыковым за успех, а наивные люди, заседающие в Коммунистическом Интернационале, считают отпечатать его доклад в миллионах экземпляров, вместо того, чтобы попросту швырнуть его в огонь!..

В действительности, если положение немного улучшилось, то лишь благодаря тому, что представителям старой — или новой — буржуазии разрешили торговать и эксплуатировать, как при старом режиме; и еще потому, что большевистское правительство признало известные права за частными собственниками — отказавшись от всех принципов социализма, не сохранив ничего, кроме социалистического ярлыка.

Таков итог семилетнего пребывания большевиков у власти! Таков курьезный путь, которым они намерены привести массы к социализму!..

Но это еще не все. Достигнутое улуч-

шение не может быть долговечным, если не удастся установить и восточное равновесие между ценами на промышленные изделия и сельскохозяйственные продукты. Другими словами, фабричные изделия, и в особенности сельскохозяйственные машины, стоющие чрезвычайно дорого, должны стать более доступными потребителю — крестьянину.

Какое же средство искали советские экономисты для достижения подобных результатов? — Наряду с удешевлением производства — что разумеется само собой — они усиленно рекомендуют поднятие цен на сельскохозяйственные продукты!.. Великолепный прием, как нельзя более уместный, в смысле понижения дороговизны и улучшения быта широких трудовых масс!..

И, в качестве подлинного свидетельства достигнутых в этом направлении успехов, г. Рыков присовокупляет, что при реализации урожая ржи, в 1923 г., удалось поднять цены на 60% и установить их на одном уровне по всей территории страны, причем в отдельных случаях наблюдалось даже повышение до 150%!.. (стр. 779 и 781).

Нужно ли говорить, что в этом „коммунистическом“ обществе, организованном на чисто-капиталистических принципах, процветает хроническая и острая безработица. Число безработных в стране достигает приблизительно миллиона, хотя цифра эта, по мнению Рыкова, преувеличена, ибо, как выяснилось при многочисленных арестах, произведенных среди спекулянтов, с целью высылки их в Печорский край (место ссылки в Архангельской губ.), все они, без исключения, были зарегистрированы, в качестве безработных, на Бирже Труда.

Итак, в России арестовывают спекулянтов! Подобная мера, я полагаю, была бы весьма своевременной и у нас, во Франции, где потребитель, буквально, стонет под тяжестью дороговизны и систематического обирательства со стороны всех этих обыкновенных прохвостов. Сомневаюсь только — принимая во внимание обычные приемы Чека — действительно ли спекулянтов арестовывают и подвергают столь бесприщадному ост-

ракизму? Я ничего не утверждаю, но считаю позволительным поставить такого рода вопрос...

Переходя к тем мерам, которые принимаются властью для оказания помощи безработным, отметим, что в поддерживающие их кассы социального обеспечения отчисляется до 18%... заработной платы, которая и без того была признана недостаточной!..

„Причина всех этих бедствий“, по признанию самого Рыкова, „заключается в том, что несмотря на успешную национализацию индустрии и транспорта, государственная торговля остается все еще не достаточно организованной. Не располагая ни нужными средствами, ни людьми, для создания прочного торгового аппарата, могущего обслуживать население в 150 миллионов, правительство вынуждено было пустить в ход налаженную кое-как, „из обломков“, коммерческую организацию. В результате правительственным предприятиям удалось все же монополизировать почти полностью оптовую торговлю, но розничный сбыт до сего времени остается наполовину в частных руках“ (стр. 781).

Мы видим, что в то время, как государство извлекает доходы из торговых и промышленных операций, частные капиталисты, в свою очередь кладут в карманы солидные барыши, обдывая свои собственные делишки! Не постигаю только, что выиграет от всего этого злополучный „массовый“ потребитель!.. И к чему вообще, в таком случае, понадобилась социальная революция?..

Само собою разумеется, что все заявления Рыкова и все сообщаемые им цифры и данные принимаются здесь без всяких ограничений, с безусловным доверием — ибо я предполагаю, что он ничего не утаил от нас, и не пытался прикрасить хорошие стороны положения.

И все же доклад его — при условии достаточно вдумчивого подхода к нему — можно было бы смело озаглавить так: „Экономический крах большевизма, не отрицаемый самими большевиками“.

Российская революция являет собой наиболее наглядное подтверждение той истины, которую я старался доказать в целом ряде статей, где намечается та основная „линия поведения“, коей необходимо держаться, чтобы обеспечить победу социальной революции.

События, имевшие место в России, показали с неоставляющей сомнений наглядностью, что обладание политической властью само по себе еще недостаточно для успешного проведения социализма. Необходимо располагать зачатками хозяйственной организации, которая заменила бы нам экономическую организацию буржуазного строя. Эти зачаточные хозяйственные организации, равно как и обслуживающие их кадры работников, не могут быть созданы в одно мгновение; их необходимо подготовить заранее.

Все активные и сознательные революционеры — да воспользуются этими уроками фактов!..

JEAN GRAVE.

Б. ВЫШЕСЛАВЦЕВ.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Пролетарский социализм представляет собою в настоящее время религию народных масс в западной Европе. В России он является официальным миросозерцанием коммунистической диктатуры, заменившим прежнее „самодержавие, православие и народность“. Это миросозерцание считает себя „научным“ и называет себя **экономическим материализмом**. Тысячи популярных брошюр излагают эту точку зрения в целях коммунистической агитации; одиннадцать лет эта политграмота вдвигается в умы советских граждан. Нет надобности еще раз подробнее излагать эту лже-науку. Важно лишь поставить перед собою основную мысль и основное верование. Экономический материализм утверждает, что сущность социальной жизни, развитие истории, определяется тем, как устроено хозяйство данной страны. Вся жизнь — наука, искусство, нравственность, религия — определяются формою социального хозяйства. Все формы культуры включая их высшие духовные проявления — являются лишь надстройками на экономическом фундаменте. Самая совершенная форма хозяйства есть коммунизм, коммунистическая форма производства и распределения. „Научным“ это миросозерцание называется в силу того, что будто бы удалось открыть закон развития хозяйственных форм, в силу которого человечество с „железной необходимостью“ переходит от одних форм хозяйства к другим и в конце концов к форме коммунистической.

Нужно признать, что „научность“ этого миросозерцания отстала от современной науки лет на пятьдесят — шестьдесят. В современной социологии, философии, истории — нет ни одного значительного ученого, который являлся бы представителем экономического материализма.

Прежде всего не существует никаких социальных законов, подобных законам природы, и это потому, что социальная жизнь и история не есть царство природы, а есть

царство свободы. История человечества есть история свободного творчества жизни, а всякое творчество, всякая реальная жизнь созидает **индивидуальное, единичное, неповторимое**. История не повторяется. А то, что некоторые социологи называют законами общества, на самом деле представляет собою лишь их индивидуальные обобщения, их понимание смысла истории. Вот почему у каждого социолога существуют свои собственные социальные законы и потому никакой **единой социологии**, как науки, не существует. Социальные законы и предсказания Маркса не оправдались: не оправдался закон обнищания пролетариата, не оправдался и закон концентрации хозяйств, особенно в отношении к сельскому хозяйству. Вот почему марксизм совершенно беспомощен в решении аграрного вопроса.

„Железная необходимость“ в развитии форм хозяйства совершенно не существует, а если бы существовала, то вся деятельность, вся пропаганда марксистов-социалистов, была бы просто ненужной. Если бы переход к коммунистической форме хозяйства можно было предсказывать с такою же точностью и необходимостью, как солнечное затмение, то бессмысленно было бы основывать партии и призывать к борьбе. Здесь не спускает никакая ссылка на возможность „содействия“ естественному процессу и его „ускорения“. Бесмысленно было бы, по словам Штаммлера, основывать партию для содействия и ускорения солнечного затмения. Если нужна партия, борьба, призывы, но нет „железной необходимости“, нет законов природы, а есть сфера возможностей, свободы и сфера творчества. На уровне современной философии все это настолько элементарно и настолько выяснено за последние тридцать лет, что бесконечное повторение этих истин и их популяризация представляют собою самую скучную задачу для ученого. Только в силу педагогических и моральных соображений ею можно заниматься.

Другое основное положение экономического материализма, утверждающее, что форма хозяйства, форма производства и распределения, определяют всю духовную жизнь и духовную установку общества — тоже должно быть признано абсолютно неверным. Верно как раз обратное, как это доказал проф. Вебер: духовная установка и религиозный идеал определяет форму хозяйства, форму производства и распределения. Вебер показал, как протестантский идеал труда и личного долга заложили основы развития европейского и американского капитализма. Но особенно это ясно на примере Индии, где особая духовная установка делает совершенно невозможным прогрессивное развитие техники и хозяйства в европейском стиле. Религия **отрешенного аскетизма** делает вообще хозяйство чем то абсолютно неважным и классовый интерес чем то абсолютно неинтересным; тогда как в марксизме хозяйство есть нечто самое важное и интересное. Замечательно при этом, что такая установка есть тоже **духовная установка** и даже религиозная установка: именно — обожествление материальной культуры и материального благосостояния, как **высшей ценности** и **вышей святости**. Если христианское понятие вышей ценности можно выразить словами: „ищите царствия Божия и все прочее приложится вам“, то марксистское понятие ценности можно выразить словами: „ищите правильного производства и распределения и все прочее приложится вам“.

Экономический материализм вовсе не был создан Марксом: Маркс лишь выразил основное верование, основную **духовную установку** европейского буржуазного мира: экономический фундамент есть самое важное и самое ценное в жизни, от чего все остальное зависит. Всякий капиталист есть в своей жизни, в своих действиях, в своей практической установке — экономический материалист. Эту буржуазную установку Маркс узаконил и для пролетариата. Он распространил ее, и совершенно незаконно, на весь человеческий род, и на все времена и народы. У Маркса все буржуазно и навеки буржуазно. Душа пролетария насквозь буржуазна. Разница

только в маленькой или крупной буржуазности.

Есть еще один путь показать, что не дух зависит от хозяйства, а хозяйство зависит от духа, от его исканий, от его творческой инициативы. В самом деле: хозяйство изменяется и развивается, когда изменяются „орудия производства“. Но орудие производства есть продукт **изобретения**, творческой инициативы духа, инициативы ума. Изобретение есть творчество, талант, гений и никакой гений не может быть объяснен хорошими или плохими экономическими условиями. Наоборот, он сам создает себе эти условия, себе и другим. Полет мыслей, творческая мечта меняет все хозяйственные условия. Тот, кто изобрел первую машину, разрушил старую форму хозяйства и создал новую. Никакое хозяйство не может сотворить дух, но дух творит и меняет хозяйство.

Но может быть дух, творчество, гений, ум — вообще не представляют ничего реального? Может быть реально только материя, только материальные блага? Может быть человек есть только комбинация материи, может быть „человек есть то, что он есть? Только грубый материализм, **метафизический материализм**, почти всегда предполагается марксистами и коммунистами как нечто само собою разумеющееся, как точка зрения современной науки. Они хватаются за него, как за последнее средство спасения. Ибо без такой метафизики, без такого догмата вся их теория неминуемо рухнет. Сведение духа к материи есть особая метафизическая точка зрения, особая философия и притом самая вульгарная и наивная, никаким серьезным ученым в настоящее время не разделяемая. Всякий материализм вообще совершенно оставлен в современной науке и в современной философии; и что особенно любопытно — он оставлен в современной науке о материи. Сама материя как бы **дематериализируется** на уровне современного учения о структуре атома. Атом есть скорее духовный, нежели материальный центр, центр энергии, а не „неделимая“ масса. Самое понятие материального атома противоречиво, ибо атом значит „неделимое“, а всякая про-

тяженная масса делима. Нечего, конечно, говорить о том, что современная психология во всех своих областях и во всех своих открытиях дальше чем когда либо стоит от материализма. Можно сказать: в науке и философии теперь нет материалистов. Они встречаются лишь среди полубразованной массы.

Главное недоразумение марксизма, к которому мы таким образом подошли с разных точек зрения: это **религиозно-этическая** сущность учения, считающего вместе с тем возможным яростно отрицать всякую **религию и этику**. Сущностью всякой религии и этики является признание и почитание **высших ценностей и святых**, и марксизм, конечно, несмотря на все свое "безбожие", на всю свою крикливую безрелигиозность, признает **высшую ценность и святость пролетариата и коммунистического строя**. Коммунистически организованное человечество является для него высшей ценностью и святыней. Это разнovidность „религии человечества“ Фейербаха, для которого человечество является единым и единственным Богом. Только так можно понять фанатическое преследование всякой другой религии и религиозности. Коммунизм сделался религией масс и эта религия имеет свою инквизицию и свои крестовые походы, ставящие себе целью уничтожение креста. Смешно конечно видеть религиозный фанатизм, воображающий, что он отрицает всякую религию, смешно призывать к освобождению угнетенных и говорить о „прыжке из царства необходимости в царство свободы“ — тому, кто не признает никакой свободы и верит только в „железную необходимость“ природных законов, но дело не в этих внутренних противоречиях, Марксизм ничтожен, как философская система, и „нищета философии“ остается навеки характерной для Маркса. Вопрос в том, можно ли показать ложность этой религии по сравнению с другой высшей религией? Пролетарский коммунизм и марксизм не есть вера, наука, религия, но он есть **лже-религия**, фанатизм, искаженная вера, или изуверство. Это есть **идолопоклонство** своего рода, т. е. поклонение низшим ценностям, вместо высших. В этом извращении иерархического

порядка ценностей и состоит изуверство марксизма. Никакая наука не может здесь ничего опровергнуть, или доказать, ибо никакая наука не учит о ценностях и святынях: это область философской этики и религии, область, в которой марксизм бродит ощупью, ибо ничего здесь не видит и самой области не признает. Для всякого человека, обладающего основным чувством ценности и святости, чувством, лежащим в основе различий добра и зла, ясно, что материальные ценности производства и распределения, хотя и представляют собою несомненные ценности, однако подчиненные, низшие, зависящие. Духовные ценности чистого знания, науки, искусства, нравственности, любви и высшей святости, конечно являются ценностями высшими и доминирующими. Однако, усмотреть и почувствовать это может лишь тот, кто обладает органом восприятия ценности и святости. На религиозном языке этот орган называется „сердцем“ („где сокровище ваше, там и сердце ваше“), иногда он называется „совестью“; это орган нравственно-религиозной интуиции, орган духовного восприятия высших святых. Кто этим органом совершенно не обладает, тот не признает никакой религии, точно также, как не признает музыки тот, кто не обладает органом музыкального слуха. Когда Христос заканчивал свои притчи словами „имей уши да слышит“, то он говорил конечно не об ушах, а об этом особом органе духовного слуха: кто способен воспринять духовный смысл, тот пусть его воспримет. Нормальный человек обычно этой способностью обладает. Но систематическое и упорное отрицание всего высшего, ценного и духовного постепенно атрофирует восприимчивость, атрофирует чувство ценности и способность различения добра и зла. Только так можно объяснить ту коммунистическую жестокость, то восхваление преступления, ту принципиально принятую в качестве системы ложь, предательство и провокацию, ту потерю всякого чувства красоты, и тот апофеоз пошлости, которые вырастают на основах материалистического мирозерцания. Трудно при таком искажении и атрофировании всех орга-

нов духовного восприятия показать наличность высших религиозных и этических ценностей. И все же есть к этому некоторый путь.

В самом марксизме есть как будто скрытое признание, что рациональное хозяйство не есть высшая ценность, высшая ступень жизни, высшая святость; в самом деле, коммунистический идеал признает и науку и искусство и некоторую, правда неопределенную нравственность, но только считает, что все это „надстройки“, а само хозяйство является **фундаментом**. Этим он хочет выразить основную мысль экономического материализма: ищите правильного производства и распределения, и все прочее приложится вам. Самое главное — заложить фундамент, на фундаменте хорошего хозяйства можно все построить; как будто бы в этом знаменитом сравнении с фундаментом и надстройкой выражается основная мысль об абсолютной и высшей ценности хозяйства, коммунистического идеала.

Сравнение однако лучше, чем можно было думать: в нем наглядно показывается, что хозяйство **не есть высшая цель**, что оно есть ступень низшая и подчиненная. В са-

мом деле, фундамент конечно не есть самое ценное в здании, не есть самое высокое, не есть его конечная цель. Он существует ради других высших этажей, в которых собственно и протекает вся жизнь, и ради которых воздвигается все здание. Никто не захочет всю жизнь провести в подвале — это значит никто не захочет все силы духа отдать одному хозяйственному устройству, жить ради одного только хозяйства.

Если организация сытости есть только средство жизни, а не цель жизни, и если хозяйство есть только фундамент, который поддерживает здание социальной жизни, то ясно, что коммунистический строй хозяйства нельзя признать высшей ценностью жизни, ее конечной целью, ее последним смыслом. И если правда, что хозяйство является фундаментом, то оно будет самой низшей ступенью жизни, которая существует ради других высших ступеней, именуемых „надстройкой“; оно существует ради науки, ради искусства, ради высшей нравственности, ради духовной жизни и свободы.

Б. ВЫШЕСЛАВЦЕВ.

Париж.

ПИРАМИДЫ.

В песках Сахары далекой,
Где Нил широкий течет,
Пирамиды стоят одиноко,
Охраняя небесный свод.
Века они простояли,
Стоять суждено им века
На страже земной печали,
Средь желтых просторов песка.
И к образам тайны могучей,
Что их подземелье хранит,
Дорога и выше и круче,
Чем стены самих пирамид.
Н. Л.

А. С. ПАСТУХОВ.

ПРОБЛЕМА АНАРХИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И А. А. БОРОВОЙ.

Небольшой, но показательный в своем разнообразии круг анархистов-массовиков и одиночек, с которым я имел дело за последние 8 лет, и, я думаю, достаточное знакомство с русской анархической литературой привели меня к грустному убеждению:

анархисты еще не знают, куда влечет их

их анархическая воля.

Величайшая заслуга П. А. Кропоткина — та, что он первый для русского анархизма, б.-м. неясно для самого себя, поставил вопрос об отыскании в реальном современном обществе потенций анархического общества, в виде самостоятельных союзов, кооперативных и синдикальных организаций, вольной взаимопомощи. Но как эти потенции живого общества, его пути к безгосударственной самоорганизации развить в живучий целостный организм исторической нации или всечеловеческой культуры — он не смог ни указать к этому способ, ни, даже, поставить полно и четко самый вопрос. Тактика бунтовского анти-государственного наступления, в разрушительных основах гениально предначертанная М. А. Бакуниным, и безмерная вера в творческие силы масс — это для П. А. предreshало вопрос, не поставив его.

Правда, М. А. Бакунин в своих идеях о революционном действии наметил и организующие моменты: роль пролетариата, союзов и т. д. Но это — гениальные штрихи, которым не суждено было вполне развиться. Только синдикализм сделал кое-что в этом направлении. Да с.-д. В. И. Ленин, преломив некоторые из тех же идей через свой марксизм, умело применил их в Русской Революции.

Но — явится ли анархическое общество тем же культурным организмом, что и раньше, только сбросившим с себя путы государственности, — или же оно перестроится на новых началах, родных народной душе, хотя пока и не проявленных — этого

еще никто не показал. Что должно представлять из себя анархическое общество в своей конкретной исторической значимости? и как, в каком реальном обществе и какими силами оно может быть обосновано? — эти вопросы еще ждут исследования. Для этого исследования нужно глубокое историческое сознание, а его не было у Кропоткина, нужен более широкий охват мировой культуры, чем у П. А. Кропоткина.

Но, и не претендуя на гениальное разрешение названной задачи, мы можем провести подготовительную работу; расчистить почву, вбить промерные колья...

Для этого, однако, придется познаться со смысловыми началами общественности. Ведь нужно же как то оценить всякое общественное поведение, как то оправдать анархическое действие, в чем то обосновать — да стоит ли, есть ли смысл быть анархистом, нужно как то показать, что анархическое общество не химера, что оно имеет корни в реальном обществе, и что из наших действий что то путное выйдет. Для этого надо знать строение общества, законы в нем действующие, ценности, какими оно живет и к каким способно. Но всякое знание, всякая оценка могут быть исследованы только с помощью тех смысловых задач, на основании которых наш разум строит соответствующие науки, и, следовательно, на основании тех из них, с помощью которых он строит всякую науку.

Исследованием таким смысловых основ знания и действия занимается, как известно, философия.

Если пройти мимо философского исследования общественности, то те начала, которыми вы будете обосновывать ваше изучение фактов жизни, ваши действия, будут выбраны наобум, догматически, и нужна самоуверенность до самоослепления, чтобы утверждать, что истина — у вас.

Можно-ли, однако, говорить о специально анархической философии общественно-

сти? Факт противоположности идей М. А. Бакунина и К. Маркса не допускает никаких сомнений в положительном разрешении этого вопроса.

Но в той форме, в какой анархическая философия общественности намечена у М. А. Бакунина, ее невозможно использовать, не воссоздавая почти заново, но уже в стройном и уточненном целом, чего пока никто еще не сделал. А после него русский анархизм проявлялся гл. обр. натуралистической догматикой Кропоткина да плохо и плоско усвоенными отрицаниями Штирнера. Во всем остальном — тянулись на поводу не-анархической революционной литературы и практики. Конечно, учиться и нужно и должно у всех, даже у самых заядлых врагов и мракобесов (не мракобесию, однако), но — учиться, а не бежать в пристяжку, как это частенько случалось.

На фоне такого философского безвременья оригинальное явление А. А. Борового исключительно интересно. Один товарищ в ссылке в своем письме ко мне говорит так:

“Роль Борового в идеологии начала XX в. крупная. Главное значение в том, что он имеет философскую базу, осознанную, и эта база является переходной от царивших до последнего времени (официально царивших и посейчас) чисто материалистических концепций к тому новому ренессансу спиритуализма, на пороге которого стоит история человеческой мысли. Он интуитивист”.

Естественно, что П. А. Кропоткин, всегда теплый и чуткий, отнесся сдержанно-холодно к посвящению ему Боровым книги „Анархизм“: он почувствовал исторический порог, за которым отходила в прошлое дорога ему форма анархизма.

Ведь сам А. А. так характеризует свою книгу:

— „Настоящая книга есть попытка порвать с рационализмом „традиционного анархизма“.

„Последний, в лице лучших представителей его — оставляя в стороне частные противоречия — есть рационалистически построенное учение (теория анархизма), из ко-

торого делаются романтические выводы (его тактика).

„По моему убеждению, анархизм есть романтическое учение, враждебное „науке“ и „классицизму“, но тактика должна быть реалистической. Под романтизмом я разумею торжество воли и чувства над „разумом“, над отвлеченными „понятиями“ с их убийственным автоматизмом, триумф живой, конкретной, своеобразной личности“ (А. Боровой. Анархизм. М. 1918 Стр. 8).

Если, однако, философское дело Борового мы оцениваем так исключительно высоко, тем не менее мы не склонны присоединиться к его взгляду, что его „романтизм“ и есть имя философии анархизма. Личность А. А-ча — драгоценное, и все же — частное явление в мировом и русском анархизме. Но спор — отец истины. И мы попытаемся на знаменательном конфликте Борового и „традиционного анархизма“ вскрыть основы, смысловые начала анархической философии общестственности.

Несмотря, все же, на всю их философскую значимость для современного анархизма, в трудах А. А. Борового я не нашел философского существа в оформлении его взглядов, не нашел „Логоса“. Я долго недоумевал: вид системы его мыслей — философский, что же их так оформило. Я чувствовал музыкальность и восторженный подьем его изложения, но не находил имени его оформляющему началу. И только после того, как интервью А. А. дало мне его музыкальные симпатии, назвало его последнюю возлюбленную — музыку, после того, как я нарочно прослушал „Поэму Экстаза“ Скрябина, — мне открылось и имя его гения: Пафос. Стали понятны истоки его романтизма, его стиль, его живая речь. Пафос такое же дитя Свободы, как и Логос, как и многие другие ее дети. Но в руках Пафоса сама чувственность брызжет сверкающими фонтанами вверх, не дожидаясь логического оформления. Музыкальный алогизм не мешает цельности его мысли: звукоокраски слов и фраз имеют свою систематическую закономерность и в целостной выраженности дают систему, имеющую полный и вполне точный

смысл. Понятно, поэтому, и довольно легкое отношение Борового к противоречивости отдельных фраз (чуть ли не на каждой странице), правда вполне гармонирующее с его принципиальным признанием противоречивости самого существа бытия.

Поэтому, — да простит мне А. А., — я и вольно и невольно преломлю его идеи через структуру своей мысли, хотя она еще в росте детского возраста. Она еще удивляется.

В чем же состоит этот конфликт, и как он себя определяет по отношению к не-анархической философии общности?

Книга Борового, „Анархизм“, нам это расскажет.

— „...в „традиционном анархизме“ — вопреки основным настроениям его — упорно говорят еще старые рационалистические ноты“. (Стр. 62).

— Что такое рационализм?

Культом отвлеченного разума, вера в его верховное значение в решении всех — равно теоретических и практических задач.

„Рационализм — мировоззрение, которое в едином мире опыта устанавливает и противопоставляет два самостоятельных и не-сравнимых мира — мир материальный, вещный и мир мысли, духовный. Только последний мир нам дан непосредственно, второй — мир явлений (феноменализм), мировой механизм познается разумом и в его деятельности получает объяснение, рациональное обоснование“. (42).

— „Рационализм характеризуется прежде всего безусловным отрицанием опыта, традиций, исторических указаний. Си — глубокий скептик. В его глазах религиозные системы, мифы, разнообразные формы коллективного, народного творчества не имеют никакой цены. Все это — варварский хлам, робкий страх или разгул инстинктов, существующий лишь до тех пор, пока к ним не подойдет с формальной логикой рационалистический мудрец“. (43).

— „Скептический, рассудочный, анти-исторический рационализм „искусственному“ противопоставляет — „вечное“, „естественное“, согласное с „законами природы“, и не-

строимое человеческим разумом. Он говорит об естественной религии, естественном праве, естественной экономике. Он создает, наконец, „естественного“ человека — человека-фикцию, без плоти и крови, среднего абстрактного человека, лишенного каких бы то ни было исторических или национальных покровов“. (43).

„Человеку рационалистической мысли принадлежит великое прошлое. Культа разума имел свои героические эпохи. Обратив мир в обширную лабораторию, он создал научные методы, принес великие открытия, построил современную цивилизацию. Но он был бессилён проникнуть в тайны мира. С внешним освобождением он нес внутреннее рабство — рабство от законов, рабство от теорий, от необходимости тех представлений, которые породил он сам“ (52).

— „Романтизм это — разгул субъективизма; это — подлинный культ личности, человеческого „я“. Он освобождает индивидуальность от оков автоматизма, от того деспотического подчинения готовым общим правилам, которые нес с собою рационализм.

„Романтизм побеждал своим чутьем жизни, презрением к кодексам, новым пониманием человека, освобождением и оправданием, которое он нес его прошлому и настоящему, его страстям и падениям, всему, на чем лежала творческая печать человека“ (51).

— „Романтический дух, — с сочувствием цитирует Боровой Жюссена, — защищает первенство интуиции над понятием, отстаивает права инстинкта и чувства, подчиняет сознание воле“. (50).

Так, спор идет о самом конститутивном органе, строящем анархическую философию. Разум — или инстинкт и чувство? Сознание — или воля? понятие или интуиция? — Вот антитеза спора. Где же критерий выбора? Да и так ли уж существен для анархизма этот выбор, как это представляется Боровому? Не сидит ли весь этот диспут только в нем самом? Боровой хочет видеть анархистов романтиками, Солоневич — пневматиками, — кто еще кем хочет их видеть?

Я предпочел бы их видеть — людьми. Прежде всего — людьми.

Любит А. А.—ч живую, целостную, чувственно-красочную конкретность человеческого личности, словом то, что Бакунин называл „материей“. Недаром он и главу о конфликте с „традиционным анархизмом“, главу о выборе конститутивного органа философствования предваряет главами об индивидуализме и о трагедии личности в обществе. И эта любовь предreshает его выбор, освещающий и предопределяя всю его поэму об „Анархизме“ своим великолепным вздымающим пафосом.

Отдавая должное тонкому вкусу А. А-ча, мы тем не менее потребуем от него также и того, чтоб обще-философские конструкции, с которыми он имеет дело, были проверены и оправданы из философского существа вопроса, а не только задающей его личности. Конечно, Боровой может показать свои чувственные интуиции, а Солонович — пневматические, — но многие и многие рискуют при этом быть объявлены слепыми, а это — двустрая штука. Это ведь значит, также, объявить и себя ограниченными пределами их „слепоты“. Вроде известного короля, что окружил свой дворец решеткой и вообразил, что тем самым посадил свой народ в тюрьму.

Обратимся, поэтому, к той „Прекрасной Даме“, из-за благородного имени которой разыгрался наш конфликт, и смиренно попросим у нее ответа, чьим глазам она сама предпочитает доверить оценить свои прелести.

Анархист, как известно, — рыцарь. Без страха и упрёка. Имя его „Прекрасной Дамы“ — Свобода.

Анархизм — „бездомная странствующая церковь свободы“ (выражение М. А. Бакунина. (68).

„Очевидно, что анархизм представляет собой... творческую созидательную силу самого народа, вырабатывавшего учреждения обычного права, чтобы лучше защититься от желающего господствовать над ним меньшинства. Именно силою народного творчества и народной созидательной деятельности, опирающейся на всю мощь современной науки и техники, анархизм стремится теперь

выработать учреждения, необходимые для обеспечения свободного развития общества — в противоположность тем, кто возлагает всю свою надежду на законодательство, выработанное правительством, состоящим из меньшинства и захватившим власть над народными массами при помощи суровой жестокой дисциплины“. (П. А. Кропоткин. „Современная наука и анархия“. Цитировано у А. А. Борового в статье сборника „П. А. Кропоткин“. 35. Изд. „Голос Труда“ П.—М. 1922).

„...анархизм должен смести „законы“ и „теории“, которые кладут предел его неутолимой жажде отрицания и свободы“. (А. А. Боровой. Анархизм. 70).

Так вот мы ее и попросим, встав перед нею, как подобает, на одно колено, посвятить нас в ее рыцари и приоткрыть на мгновение свое покрывало, чтобы лицезреть ее красоту. А потом, суровые и закованные в сталь, мы уйдем в далекий и боевой путь жизни, в каждом моменте жизни утверждая и прославляя ее красоту и достоинство ее имени.

— „Три элемента, или, если угодно, три основных принципа составляют существенные условия всякого человеческого развития в истории, как индивидуального, так и коллективного: 1) **человеческая животность**, 2) **мысль** и 3) **бунт**. Первому соответствует собственно **социальная и частная экономия**, второму — **наука**; третьему — **свобода**.“ (М. А. Бакунин. „Киуто-Германская Империя и Социальная Революция“. „Избранные Сочинения“. Изд. „Голос Труда“ 1922. Т. II, 132).

— „Последним пределом, высшей целью всего человеческого развития, является **свобода**.“ (Федерализм, Социализм, Антигеологизм“. Т. III. 168).

— „Человек — материя, и не может безнаказанно презирать материю. Он — животное, и не может уничтожить свою животность; но он может и должен ее переработать и очеловечить через свободу, т. е. посредством комбинированного действия справедливости и разума, которые в свою очередь могут иметь влияние на нее только потому,

что они являются ее продуктом и высшим выражением“. („Письма о Патриотизме“. Т. IV, 86).

— „...свобода, как она понимается материалистами, есть нечто весьма положительное, ибо она может быть осуществима лишь при помощи общества и лишь при более тесном равенстве каждого со всеми. Можно различить в ней три момента развития, три элемента, из коих первый есть в высшей степени положительный и общественный; это полное развитие и полное пользование каждым всеми человеческими способностями и возможностями путем воспитания, научного образования и материального благополучия, — а все это может быть дано каждому лишь коллективным материальным и интеллектуальным, мускульным и нервным трудом целого общества.

„Второй элемент или момент свободы — отрицательный. Это элемент **бунта** человеческого индивида против всякой божеской и человеческой, коллективной и индивидуальной власти.“ („Кнута-Германская Империя и Социальная Революция“. Т. II, 238-9).

Третий? — ни в цитируемой статье, ни в статье „Федерализм, Социализм, Антитеологизм“ нет прямого ответа. Правда, обе статьи не закончены. Но возможно, что диалектическому синтезу читателя предоставлялось открыть эту тайну. Позвольте мне не навязывать вам здесь свою разгадку.

Итак, в солидарном труде, бунте и... человек осуществляет свободу, но как он знает ее.

— „...чем более усложняются породы, тем более индивидуализируется управляющий ими специальный, родовой закон, тем более он осуществляется и проявляется в каждом индивиде, который тем самым приобретает более определенный характер, более обособленную физиономию, так что, продолжая повиноваться этому закону так же фатально, как и другие, индивид, раз этот закон проявляется в нем больше под видом его собственного стремления, под видом скорее внутренних, чем внешней необходимости, — несмотря на то, что эта внутренняя необходи-

мость всегда является в нем продуктом множества внешних причин, о чем он не подозревает, — чувствует себя более свободным, более автономным, более самостоятельным, чем индивиды низших пород. Он начинает ощущать свою свободу“. („Федерализм, Социализм, Антитеологизм“. Т. III, 184).

— „Человек понимает и сознает естественные потребности, которые, отражаясь в его мозгу, вновь возникают в нем посредством физиологического процесса, еще мало известного, как логическое следствие его собственных мыслей. Это понимание дает ему, среди его абсолютной и непрестанной зависимости, ощущение самоопределения, сознательной, произвольной воли и свободы“. (Там же, 169-70).

Итак, осознание своей индивидуальности, как индивидуализированного родового закона, дает человеку первое знание свободы.

Но, — „...изолированный человек не может сознавать своей свободы. Быть свободным для человека означает быть признанным и рассматриваемым свободным и пользующимся соответственным обращением со стороны другого человека, со стороны окружающих его людей. Свобода, следовательно, не может быть фактом уединения, но взаимодействия, не исключения, но напротив того — соединения, ибо свобода каждого индивида есть не что иное, как отражение человечности или его человеческого права в сознании всех свободных людей, его братьев, его родных.

„Я могу назвать себя и чувствовать себя свободным лишь в присутствии и по отношению к другим людям. В присутствии животного я ни свободный и ни человек, ибо это животное неспособно осознать, а, следовательно, и признать мою человечность. Я человек и свободен сам лишь постольку, поскольку я признаю свободу и человечность всех людей, окружающих меня“. (Кнута-Германская Империя и Соц. Рев.“. Т. II, 236-7).

Итак, сознание своей и чужой индивидуальности, как равных сочленов целого —

общества, взаимно сознающих себя таковыми, дает человеку первое знание свободы.

Такова точка зрения М. А. Бакунина.

Точка зрения по форме несомненно натуралистическая и, даже, примитивно-материалистическая, но глубоко-философская по замыслу.

П. А. Кропоткин — здесь целиком ученик М. А. Бакунина. Он только, как натуралист, низводит его идеи из философских глубин на землю, усугубляя некоторые моменты. Так он развертывает солидарность, как рассианные по всему живому миру факты взаимопомощи. Так он украшает творческий и жертвенно бунтовской дух свободы идей „избытка силы“ французского философа Гюйо (Нищие пользуются той же идеей для своего аристократизма). И т. д. Не принимает он только „диалектический метод“, оставаясь при исследовании всех своих проблем при „естественно-научном индуктивно-дедуктивном методе“. Правда, в тех пределах, в которых вращается его мысль, „диалектический метод“ действительно ненужен. Да философскую гибкость и динамизм живого Бакунинского материализма он портит сужением его в механическое („или, лучше сказать, кинетическое“. См. „Анархия, ее философия, ее идеал“) мипропонимание.

А. А. Боровой в своем отношении к нашему вопросу солидаризируется с французским философом Анри Бергсоном:

„Человек и акты его свободы, когда они являются цельным и полным выражением его индивидуальности, когда в них говорит только ему присущее своеобразие.

„Свобода человека есть, таким образом, свобода его творческих актов, и рассудочное знание бессильно постичь их природу. Для установления причинности оно должно разлагать природу на собственные части; эти части — мертвы и обусловлены. Но живой синтез частей всегда свободен и к нему не применимы рационалистические выводы науки. Понятия жизни и причинности лежат в различных планах. Жизнь — поток, не знающий причинности, не допускающий предвидения и утверждающий свободу.“ („Анархизм“, 54).

„Познание подлинной сущности предме-

та, в целом, а не отдельных частей его или механической их суммы — возможно только при помощи особого источника знания — „интуиции“. „Интуиция“ — определяет Бергсон — есть особый род интеллектуальной симпатии, путем которой познающий переносится внутрь предмета, чтобы слиться с тем, что есть в нем единственного и, следовательно, невыразимого“. („Введение в метафизику“).

„Анализ, рассудочное знание „умножают точку зрения“, „разнообразят символы“, но они бессильны постичь самое бытие; интуиция — есть полное слияние с ним. Интуиция — всюду, где есть жизнь, ибо интуиция и есть самосознание жизни. И человек, сливающийся в своем самосознании с жизнью — становится творчески свободным.

„Разумеется, Бергсон в своем понимании свободы далек от совершенного отрицания детерминистической аргументации. Он признает физическую и психическую причинности. Но он признает обусловленность только частных проявлений нашего „я“, его отдельных актов. „Я“ в его целом — живое, подвижное неделимое, невыразимое в символах — свободно, как свободна жизнь вообще, как творческий порыв, а не одно из частных ее проявлений.“ (Там-же).

Когда вы сопоставите эти строки с вышеприведенными цитатами из Бакунина, да еще соотнесете их со 172-9 страницами „Кнута-Германской Империи и Социальной Революции“, вы с удивлением спросите себя: в чем же конфликт? Разве в том, что Бакунин не имел имени для осознания индивидуального потока жизни, которое было дано Боровому Бергсоном, — „интуиция“. Но ведь Бакунин имел имя для непрерывного оформления живой интуиции понятиями и символами интеллекта — „диалектический метод“. И философская ограниченность, „рационализм“ Кропоткина характерно сказывается в его отрицательном отношении к „диалектическому методу“, что, впрочем, усугублялось испугом перед беспутными спекуляциями немецкой метафизики и марксизма. Но ведь потому то (см. об этом ст. Борового в вышеназванном сб. „П. Кропоткин“)

то определение свободы, которое находит Боровой у Кропоткина, и не дает ничего:

„Свобода есть возможность действовать, не вводя в обсуждение своих поступков боязни общественного наказания“. (12).

Совершенно непригодное для анархизма определение. Но очень удобное для „анархизма“ Ленинского („Государство и революция“).

Итак, здесь налицо только конфликт с Кропоткинизмом, как самодовлеющим движением. По отношению к Бакунину у Борового чувствуются только опасные метафизические падения, недостаточно чистый интуитизм, и чрезмерное умаление роли логического мышления.

Цитированное определение свободы по Кропоткину говорит о свободе, реально невозможной, возможной только как идеал, только или в магически-загипнотизированном или в чудесно-пресбраженном человечестве. Оно — утопично.

Свобода по Бакунину — вся здесь, сегодняя — сочная, земная. Она — солидная борьба, она — рыцарский поход за свою и чужие индивидуальности, она — Социальная Революция, она — социальное творчество, она Анархия. Словом, она — реалистична.

Итак, реализм против утопизма, интуиция подлинной жизни, живой материализм против рассудочного идеализма, против механического „научного материализма“ — вот сущность конфликта современности с „традиционным анархизмом“. Пафос, превращающий реализм в романтизм, в „разгул субъективизма“, дает нам уже личный конфликт А. А. Борового.

Любопытно, что Солонович введенный в заблуждение биологизмом Бергсона и художественной изобразительностью его речи, объявляет его интуицию „изобразительным мышлением“ в терминологии Бакунина. Но интуиция — интуиция. Мышление не осознает, а познает, обрабатывает интуитивно-данное, дает знание, строит конструкции для познания. Вообразительное мышление создает человеческий культ и искусство, логическое — науку, трансцендентальный метод,

феноменологию и диалектику, а их синтез — миф, мистику. Мышление Гетевскими Архетипами — это уже преодоление самого мышления, сверхмышление. Это — логос, „сый в лоне Отчи“. Гений и характеризуется тем, что находит (или его находят) один или несколько архетипов. Воля мыслит живыми индивидуальностями, Логос — ими же, как архетипами, а Дух... Об этом знает „Третье Царство“.

Искусство „в некотором роде индивидуализирует типы и положения, которые восприняло, и этими индивидуальностями без плоти и костей, которые являются в силу того постоянными или бессмертными, и которые имеют силу творить, оно напоминает нам живые, реальные индивидуальности, появляющиеся и исчезающие у нас на глазах. Искусство есть, следовательно, в некотором роде возвращение абстракции к жизни.

„Наука же, напротив того, есть вечное приношение в жертву быстротечной, преходящей, но реальной жизни на алтарь вечных абстракций“. („Кнута-Германская Империя и Социальная Революция“. 174).

В этом секрет значения художественного дара Бергсона для его задачи: **показать** свои интуиции ему легче, чем мыслителю — диалектику. Но последний глубже **обосновывает** их в логике. Художник созерцателен, направляется волей не своей, а предметом, тогда как мыслитель активен, движется волей своего Логоса о предмете — своими конструкциями предмета.

Наш анализ конфликта вскрыл, следовательно, две конструкции свободы: реалистическую — в живом обществе, как жизнь, и утопическую — в идеале, как идеальное общество. Правда, Кропоткин и видел реальное общество, как идеальное, только испорченное как бы временным заблуждением, грехопадением во власть, от которого можно вылечиться, искупиться революцией. Он и пытался установить, в чем состоит нормальное естественное общества — „анархическая коммуна“, чтобы возвратиться к ее здоровым принципам, принимая во внимание современный культурный рост, большое властью че-

ловечество. Он думал, что осознание этих принципов и возвращение к ним обусловят и обеспечат раз навсегда безболезненный нормальный рост человечества — анархию.

Но только гнозис утверждает, что в мировом экстазе бытие осознается до последних глубин и в божественном самоутверждении преобразится из мира в свободу, соединится с нею.

Интуиция живой реальности этого не знает, она только соприкасается все с большей и большей неисчерпаемой полнотой жизни человеческого разум, воображение, эмоции, ощущения.

“Разве мы — люди XX-го столетия — не чувствуем в себе пробуждения новых чувств, не роим пропасти между нами и нашим прошлым, не сознаем, что каждым шагом мы делаем все более необъятными богатства мира, открываем в себе неиссякаемую готовность к новым опытам и тем отодвигаем грани конечного”. (А. А. Боровой. „Анархизм“. 154).

“Потому анархический идеал не знает конечных форм, не может дать точного описания и определения типа общественности, который бы являлся точным его выражением”. (Там же).

„И никакая определенная общественная форма не может дать последнего удовлетворения, за которым нечего желать. Мыслить так — значило бы подчинить человеческий дух беззастенчивому, т.е. смерти“. (154-5).

Конечно, исходя не из абстрактно-социологического, а из историко-социологического анализа, можно бы было показать это несравненно солиднее, а не как одно переживание, можно бы было выделить целый kaleidoscope разных принципов и систем жизни, бесконечную многоликость национальных культур, постоянно стоявших на острие противоположных уклонов — но, я думаю, сущность конфликта ясна.

Если, однако, утопическая конструкция свободы главенствует, — что это, как не новый идол, новый бог, в жертву которому приносятся живые люди. Но если она получает только вспомогательное значение для

исследования реалистической конструкции, то никакого конфликта здесь нет.

Т. о., в свете конфликта, дело П. А. Кропоткина приобретает для современного анархизма исключительное значение, как первая и серьезнейшая попытка поставить и разрешить вопрос об исследовании реальных возможностей анархизма.

Уже его знаменитая записка 1873 года под заголовком „Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?“ (См. “Былое” № 17. 1921-2) ставит его на рельсы этой задачи. Исследование распыленной и организованной взаимопомощи, возможностей коммунальной жизни, постановка проблемы науки об экономии народного хозяйства и т. д. — все дышит этой задачей. Правда, его исследования полны наивной идеализации, народнического “сахарку”, уменьшения (или нежелания) строго-объективно анализировать, отсутствия сознания живого исторического целого (социологизм) и т. п., но... дело начато. Сделайте, дорогие читатели, лучше, прибавьте-чтонибудь. Начните дальше, и тогда — судите.

Когда человек увидит, что анархическая свобода светит ему не холодной красотой бесконечно-далекой звезды, но ликует солнечным величием тут, во всей его жизни, — он почувствует ее бунтующую радость в своей крови, и, бесконечно влюбленный, скажет:

“Пусть всегда будут и новая земля и новое небо и новая тварь” (А. А. Боровой. “Анархизм”. 153).

Боровой не развил диалектику своего конфликта. Но он в некоем пифическом восторге высказал ее, и тем открыл новую эру анархической мысли.

Но именем нашей „дамы“ клянутся иные рыцари, и иные подвергают сомнению даже самое достоинство ее имени. Мы бросаем им боевую перчатку. Мы посмотрим, чего стоят их слова.

— “Совсем иная точка зрения идеалистов. По их системе человек проявляет себя сперва бессмертным и свободным существом и кончает тем, что становится рабом. В качестве бессмертного и свободного, бесконеч-

ного и самоцельного духа он не нуждается в обществе. Отсюда следует, что если он вступает в общество, то лишь по причине своего грехопадения, или же потому, что он забывает и теряет сознание своего бессмертия и своей свободы.

„Существо противоречивое, бесконечное, как дух, но зависящее, несовершенно и материальное во вне, он вынужден объединиться не вследствие потребности своей души, но ради сохранения своего дела. Это настоящее падение и порабощение для индивида, внутренне бессмертного и свободного, отказ, по крайней мере частичный, от своей первоначальной свободы.“

„Известна сакраментальная фраза, которая на жаргоне всех сторонников государства и юридического права выражает это падение и это самопожертвование, этот первый роковой шаг к человеческому порабощению. „Индивид, пользующийся полной свободой в естественном состоянии, т. е. прежде, чем он делается членом какого-либо общества, приносит, вступая в него, в жертву часть своей свободы, чтобы общество гарантировало ему все остальное.“

„На просьбу раз'яснить эту фразу, отвечают обыкновенно другою: „Свобода каждого человеческого индивида не должна иметь других границ, кроме свободы всех других индивидов“.

„На первый взгляд нет ничего более справедливого. Неправда ли? И однако эта теория содержит в зародыше всю теорию деспотизма. Согласно с основной идеей идеалистов всех школ и вопреки всем реальным фактам, человеческий индивид представляется абсолютно свободным существом постольку и лишь постольку, поскольку он остается вне общества. Отсюда следует, что общество, рассматриваемое и понимаемое единственно, как юридическое и политическое общество, т. е., как государство, есть отрицание свободы“ (М. А. Бакунин “Кнюту-Германская Империя и Соц. Рев.”. 235-6).

„...индивид, обладающий своей бессмертной душой и своей внутренней, независимой от общества свободой, современный святой

имеет материальную потребность в этом обществе, с моральной точки зрения не имея в нем ни малейшей потребности.

Но как следует назвать отношения, которые будучи мотивированы исключительно лишь материальными потребностями, не санкционированы в то же время, не подкреплены какой либо моральной потребностью. Очевидно, назвать их можно только одним именем: **эксплоатация**. И в самом деле, в метафизической морали и в буржуазном обществе, как известно опирающемся на эту мораль, каждый индивид неизбежно делается **эксплоататором** общества, то есть, всех; и роль государства в его различных формах от теократического государства и самой абсолютной монархии до самой демократической республики, основанной на самом широком всеобщем избирательном праве, заключается ни в чем ином, как в регулировании и гарантировании этой взаимной эксплуатации“ (Там же. 257).

Хотелось отметить здесь замечательное культурно-этическое определение эксплуатации. Оно кладет основание идее анархической культуры.

— „Вторая причина, могущая привести индивида, достигшего полного обладания самим собой, к сохранению отношений с другими людьми, это — желание угодить Богу и чувство обязанности выполнить его вторую заповедь“ (Там же. 258).

Идеалисты „...хотят Бога и в то же время они хотят человечества. Они упорствуют в объединении этих двух понятий, которые раз будучи разделены, не могут быть более сопоставлены без того, чтобы взаимно не разрушить друг друга. Они говорят, не переводя дыхания: „Бог и свобода и человек“, „Бог и достоинство и справедливость и равенство и братство и благополучие людей“, не заботясь о фатальной логике, согласно с которой, если существует Бог, все это осуждено на небытие. Ибо, если Бог есть, он является неизменно вечным, высшим, абсолютным господином, а раз существует этот господин, человек — раб. Если же человек — раб, для него невозможны ни справедливость

ни равенство ни братство ни благополучие. Они могут, сколько хотят, в противность здравому смыслу и всему историческому опыту представлять себе своего Бога воодушевленным самой нежной любовью к человеческой свободе, но господин, что бы он ни делал, и каким бы либералом он ни хотел выказать себя, остается тем не менее всегда господином, и его существование неизбежно влечет за собою рабство всех, кто ниже его. Следовательно, если бы Бог существовал, для него было бы лишь одно средство послужить человеческой свободе: это — прекратить свое существование.

„Ревниво влюбленный в человеческую свободу, и рассматривая ее, как необходимое условие всего, чему я поклоняюсь и что уважаю в человечестве, я перевертываю афоризм Вольтера и говорю:

если бы Бог действительно существовал, следовало бы уничтожить его“. (Там же. 146-7).

Итак, всякий сторонник существования высшей личности над людьми и вне людей, над обществом и вне общества, всякий сторонник существования отдельной от реального общества личности (души) и ее метафизического бессмертия и метафизической свободы воли — есть рыцарь рабства и депотизма, хотя бы он и украшал себя именем Свободы.

Но если, по Бакунину, в личности индивидуализирован весь мир, все его „единое живое Существо“, вся совокупность существ, не-человеческих, человеческих и сверхчеловеческих, то понятно, что жажда высшего, жажда бессмертия, жажда свободы тем более существует и для него, но уже не метафизически, а здесь, в этом „едином“ и через него:

— „Вы ошибаетесь, дорогой друг, если думаете, что я не верю в бога: я только вполне отказываюсь от того, чтобы признать его научно и теоретически. Я ищу бога в людях, в их любви, в их свободе, и теперь я ищу бога в революции“. (Цитировано у А. А. Борового в сб. „Миф о Бакуине“. Изд. „Голос Труда“. М. 1925. Стр. 138).

В этом Бакунинском „едином“, живом и вращающемся в самом себе, кто же не узнает известное единое Парменида-Платона-Плотина, преломленное через натурфилософию Шеллинга. Но в Бакунине оно отвергло необходимость в своем Творце и Законодателе. Оно само — свой замысел в своих живых индивидуальностях. Личность — последнее завершение, и потому первооснова диалектического движения, движущаяся, как прекрасно выяснил в книге „Свобода и Необходимость“ Пер. Николаева. Изд. Солдатенкова. М. 1902) А. Фулье, именем Свободы. И только диалектический предел, где тождественны абсолютные противоположности и все раскрывает себя вполне, только диалектический предел определяет меру и смысл, как самоопределение Свободы и Радости всех во всех и во всем. Но это уже — предмет гнозиса, а не диалектики.

Платон, пытаясь учением о созерцании вечных идей приоткрыть уголок завесы гнозиса, уголок Саинского Покрывала, только расколол мир на двое: на олимпийский мир вечных сущностей и земной — их преходящих явлений. Тем самым он превратил олимпийский мир в гипостазированный земной мир, основал тот самый идеализм, против которого так ратует Бакунин. Но экзистенциальный — в действии — и диалектический — в мысли — предел не отдельная от „явлений“ их „сущность“, но, если можно так выразиться, сияние сущности, тождественной со своим явлением, т. е. самой непосредственной обыкновенной живой реальности, ее незаходящих мгновений. Двойники и „реинкарнации“ оккультизма имеют скорее естествонаучное значение. Гнозису в них делать ничего.

Утверждение запредельного сияния мира выдвигает, с фактом мира не-сияющего и зла в нем, утверждение предельного, преходящего силой воли мысли и действия, факта тьмы, пассивного „ничто“, меона, и „ничто“ активного распада, воли, увидевшей в отрицательном зеркале безумия радость небытия. Штирнер, обращением этого же процесса мысли на конкретную индивидуальность, на-

шел, в противоположность меону, „я“, как „творческое Ничто“.

Любопытно, что аргумент, направленный против „идеалистов“, со стороны их теории отдельной души, диалектически естественно обрушивается на теории „абсолютного индивидуализма“.

И Кропоткин, почти буквально повторяя здесь Бакунина, направляет его аргументацию против всякого индивидуализма (См. „Современная Наука и Анархия“), тем самым перегибая стержень вопроса в сторону коммунизма.

Боровой, восстанавливая эту аргументацию по ее естественному направлению — против „абсолютного индивидуализма“, заостряя ее против Штирнера, тем не менее напоминает, что анархизм все-таки прежде всего — индивидуализм. Но индивидуализм, характеризующийся требованием взаимной свободы и радости всех индивидуальностей. Не обращается ли, однако, эта аргументация и на теорию личности и общества самого Борового?

По отношению к теориям социальной обусловленности человека Бакунин направляет удар только со стороны теории действия. Со стороны обще-философской он только очень осторожно, по адресу „доктринерской школы социалистов или скорее коммунистов Германии“ бросает:

„...одно из главных ее ошибок было то, что она приняла за основание своих теорий принцип, глубоко верный, когда его рассматривают в верном освещении, т. е. с точки зрения относительной, но который, рассматриваемый и выставленный вне связи с условиями, как единственное основание и первоисточник всех других принципов (как делает это школа), становится совершенно ложным“. („Кнута-Германская Империя и Социальная Революция“ 123-5). „...коммунисты... в полном согласии с научным материализмом утверждают, что явления порождают идеи, и что идеи всегда суть лишь идеальное отражение совершившихся явлений; что из общей суммы всех явлений явления экономические, материальные явления в томном смысле

слова представляют собою настоящую базу, главное основание; всякие же другие явления — интеллектуальные и моральные, политические и социальные, лишь необходимо вытекают из них“. (Там-же. 129).

Кропоткин, повторяя и развивая бакунинскую аргументацию в теории действия, со стороны обще-философской обращает внимание лишь на метафизические спекуляции, уничтожающие научное значение этой школы.

Боровой не успокаивается на этом. Поддерживая Кропоткинское обвинение в метафизичности, и, следовательно, с его точки зрения, в „рационализме“, он раскрывает смысл „относительности“ в заявлении Бакунина:

„Глубокое замечание Маркса, что „человек, действуя на внешнюю природу, изменяет свою собственную“, было совершенно забыто в разработке доктрины исторического материализма. И это сознательное игнорирование успехов человеческой природы, искусственное ее „упрощение“ в угоду „объективным законам“ есть несомненный результат полного неуважения к историческому опыту. Рост личности, с точки зрения исторического процесса, т. е. взаимодействия между личностью, обществом и материальной средой — есть факт громадной социологической важности, и те, которые дорожат законами исторической необходимости, должны были бы озаботиться приведением в соответствие успехов материальной культуры с интеллектуальными и моральными успехами личности.

„Личность живет не для исторических законов, и их фетишизм обязателен лишь для первичных стадий человеческого развития; социальный прогресс с каждым днем расширяет возможности сознательного самоопределения личности в стихийном процессе“. — („Анархизм“. 76).

Остается теперь установить субъекта свободы, и наша основная задача, в тех пределах, как она была выполнена А. А. Боровым, будет закончена.

Юриспруденция считает субъектом свобо

ды государство, и в нем, через его санкцию, юридическую личность.

Демократическая философия утверждает основным субъектом общество в целом, вернее — большинство, вотум которого санкционирует, как производного субъекта, государственную организацию. А та, в промежутке между вотумами, замещает собой общество, является исключительным субъектом свободы.

М. А. Бакунин пишет: — „Государство... даже, когда оно приказывает (следовало бы прибавить—даже санкционирует. Автор) что либо хорошее, оно обесценивает и портит это хорошее потому, что приказывает (санкционирует. Автор), и потому, что всякое приказание (санкция. Автор) возбуждает и вызывает бунт свободы, и потому еще, что добро, раз оно делается по приказанию (санкции, авторитету. Автор), становится злом с точки зрения истиной морали, человеческой, разумеется, а не божественной, с точки зрения человеческого самоуважения и свободы“. („Кнута-Германская Империя и Социальная Революция.“ 42).

„Что касается общества, то оно формально, официально и властно не принуждает, оно естественно воздействует, и именно потому его действие на индивида несравненно более могущественно, чем действие государства. Оно создает и формирует всех индивидов, рождающихся и развивающихся в его недрах. Оно вводит в них медленно с первого дня их рождения, до самой смерти всю свою собственную материальную, интеллектуальную и моральную природу. Оно, так сказать, индивидуализируется в каждом“. (243).

— „С точки зрения абсолютной морали, т. е. с точки зрения человеческого уважения... это могущество общества... благотворно, когда стремится к развитию науки, материального процветания, свободы, равенства и братской солидарности людей; оно зловредно, когда имеет противоположные стремления“. (240).

Т. о., с точки зрения Бакунина, государство никогда не является субъектом свободы,

а общество не всегда является таковым.

Мы уже видели выше, что отдельная личность, с точки зрения Бакунина, также не может быть им. Только группа личностей, взаимно осознавших себя и друг друга, как равных сочленов солидарного целого — является таковым. Кто же это? — круг друзей? Лавровское общество критически мыслящих личностей? союз, федерация, партия, или еще как — анархистов? наконец, класс или весь народ, по мере роста его самосознания?

Бакунин не дает на это ответа. Но, повидимому, он считал, что все перечисленное нами, будет субъектом свободы, без какого бы то ни было противоречия. Только преимущественно оформляющую роль он отводит рабочему классу и тайному Альянсу анархистов.

Мы видели, также, что Кропоткин считает таковым субъектом именно народ, творящий свою историю, трудовой народ в целом, всегда и везде.

И если бы Бакунина можно было бы спросить, как же он мыслит себе анархический анализ общества, пока в нем никто не является субъектом свободы (впрочем, диалектический метод дал бы ему соответствующий ответ), то по отношению к Кропоткину вполне естественен упрек в идеализации народа. Что и делает Боровой. Последний видит народ аморфной массой. В его руках исследования Кропоткина, вопреки воле того, показывают, что народ скорее несет власть, чем свободу, что из недр народа рождается власть.

Но Боровой перевертывает и точку зрения Бакунина: —

— „общественность есть лишь связность подлинных реальностей, своеобразных и неповторимых“. („Анархизм“. 41).

„Личность — всегда prius. Общественность — всегда ее производное“. (29).

Т. о., если для Бакунина свобода до ее реального группового осознания раскрывается, как диалектическая возможность (даже не необходимость) общества, — Боровой ищет ее потенцию в „последнем одиночестве“ лич-

ности. И если, по Бакунину, объектом свободы являются личности, то Боровой видит его в обществе.

На место живой бакунинской физики космического целого Боровой выдвигает метафизику космического множества первосущих личностей.

Могут предсказать, что здесь анархизм в его целом за Боровым не последует. А меж тем этот конфликт имеет место и разрешен еще в античной диалектике.

Аналогично антитезе марксизм — народничество, Боровой догматически противопоставляет кропоткинскому „народу“ — класс, достигший самосознания в синдикализме. Вечный субъект свободы сменяется историческим, возникающим заново в историческом процессе.

Но тогда ставится под знак вопроса возможность торжества анархизма. Для кропоткинства достаточно было бы уничтожить

болезненный парост — государство: народ, живущий сам по себе, и есть анархическое общество. Тогда как Боровой ставит вопрос в полную зависимость от исторического момента, от того — есть ли налицо социальный субъект, могущий стать носителем анархизма, будет ли он обладать достаточной силой и волей и достаточной социальной значимостью. И для личностей, пришедших к анархизму в силу своей интеллигенции, становится необходимым серьезный и глубокий анализ общественности, чтобы знать, где искать, где разбудить, где создать живые силы анархизма. Дело анархизма в высокой степени становится делом их воли, делом их знания. Но не в меньшей степени оно в руках неразгаданных возможностей сфинкса истории.

А. С. ПАСТУХОВ.

Москва.

РАЗДУМЬЕ.

Ночи глаза не глядящей, спаловой
Светом искусственным веки светло.
В желтых шелках ледящего зарева
Контуры тонут немых куполов.
Ночь победили машины могучие,
Зори зажглись среди храмов других.
Молодость ветрами звонкими, лучшими
Гнала на землю мечтаний струги.
Только мечтания ушли из под ветра,
Ветры с мечты пронесли аромат.
Новых чертогов средь доброго света
Снова настроили тягостный ряд.
Вижу я снова, как гонится с поездом
Тот красногрудый смешной дуралей...
Вижу, как трясина врезала борозды
Лики седых, неминуемых смертей.
Снова, огнем закипела сивуха
В жилах истасканных жизнью людей...
Слышишь, как тягостно ухает глухо
Молот предавших свободу властей.
Слышишь, как власть опьянев убивает...
Тяжко... Так тяжело на гибель глядеть...
Сколько погубило, погубнет не знаем,
Скрылись концы в покрасневшей воде.
Знаю, как сказка кошмарная небыль,
Нет и не небыль, а яркая явь,
Треть населения "растущего в небо",
Черных ирей ледяная земля,
Их не спросив обрелка навсегда,
Разум сломав, как коробку пустую...
Что ж впереди?! Впереди лишь беда,
Снова новит запыленную сбрую,
Коплит диких, разудалых коней,—
Лишь бы ей мчаться по краскам полей.

СЕРГЕЕВ.

А. А. СОЛОНОВИЧ.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ П. А. КРОПОТКИНА

(Доклад А. А. Солоновича 6-11-27 в Анархической Секции Кропоткинского Комитета).

Сегодняшний доклад я предполагал посвятить философским предпосылкам мировоззрения Кропоткина, при чем для нас, живущих современностью, особенно ясно, что мировоззрение П. А. Кропоткина является настолько живым и настолько действенным, что оно само развивается вместе с жизнью. В нем так много живых моментов, оно все соткано из них, и наша задача теперь, живя уже в условиях несколько иных, чем те, в которых жил Кропоткин, вести дальше, развивать те принципы, которые когда-то были провозглашены им. И нужно сказать, что в особенности нам, прошедшим великий опыт русской революции, приходится в этом отношении иметь дело с грандиозным материалом, который совершенно неведом Западу, западному рабочему движению, западному анархическому движению. На нас лежит долг переработать этот материал, взять из него весь тот урок, который он нам может дать, и я думаю, что мы можем к этому подойти совершенно спокойно, чрезвычайно хладнокровно разработать все это, ясно указать на линии, по которым нам предстоит и в дальнейшем работать и указать те моменты, которые особенно важны для будущего. Важно, чтобы и Западная Европа, и Америка, и пробуждающийся Восток не повторяли тех ошибок, которые были совершены нами и нашими предшественниками, и чтобы они также могли использовать наш опыт. Вот почему этот доклад я позволяю себе вести в чисто, если можно так выразиться, научном порядке. Мне придется очень много цитировать, потому что нам на этом материале необходимо ясно выявить основные моменты учения П. А., и затем применить их к современности. Посмотрим, что из них и в каком смысле нужно применить и затем, конечно, на нас лежит долг развернуть это учение дальше. Как бы гениален человек ни был, но он может учитывать обстановку только в известных пределах, исходя из окружающей его действительности. Про-

ходят года, приходит новый опыт и этот новый опыт должен быть снова переработан и старые предпосылки должны быть вновь оценены и пересмотрены. Обычно человек получает свои первые впечатления из окружающей среды и живет совершенно бессознательно, отдаваясь тем впечатлениям, которые он получает. Конечно, человек в мир приходит не без известного предрасположения, известных черт характера и т. д., но все же главное влияние на него оказывают те впечатления, которые он получает в детстве и затем в первые годы юности. Он живет, не отдавая себе отчета, он живет тем, что он родился и живет так, как это наиболее соответствует его натуре, тем чертам характера, которые ему присущи. Если он получает какие либо впечатления, они в нем как бы не задерживаются, они нередко переходят в действие в нем. Но вот человек получает что нибудь раздражающее его в детском возрасте; допустим, он рассердится, но не отдает себе даже отчета — почему, — как и все, это в нем еще совершенно непосредственно. Но вот наступает момент, когда в нем рождается то, что можно назвать мыслью. С этого момента каждое впечатление, которое он получает, он задерживает в себе, присматривается к нему, разбирает его, и затем уже поступает, поступает после того, как уже отчетливо обсудил и сознательно решил, как и что ему надо делать. Таким образом, получая массу впечатлений, человек постепенно переходит к тому, что начинает все их задерживать в себе, и когда целый ряд известных впечатлений в нем остается, он их оценивает, — какому из этих впечатлений отдаться. Допустим, вот человек, которого обидели; в первый момент в нем вспыхивает обида, гнев, он хочет ударить того человека, который его обидел, но кто-то такой ему говорит: — „Оставь его“, — в нем возникает другое впечатление. Эти два впечатления в нем сталкиваются и он начинает уже разбирать последовательно различные

мотивы, и в зависимости от того, как он оценит впечатление, так он и поступит. При этом он уже начинает задумываться о последствиях того или другого поступка. Когда человек разозлен, то он не задумывается. Человек, который держит себя в руках, прежде всего учитывает, что выйдет из того, что я так поступлю? Так, как он предваритель-но проверил впечатление и анализировал свою мысль, он ищет смысла в своем поступке. Значит, он уже не непосредственно отдается впечатлению, а их предваритель-но подвергает анализу. Если раньше он поступал непосредственно, под влиянием этих впечатлений, то теперь он начинает задумы-ваться. Если вы теперь это же перенесете в более широкую плоскость, то увидите, что то же самое происходит почти со всеми нами. Вот живет человек и живет так, как живет-ся, не отдавая себе отчета, зачем он живет, есть ли смысл в такой его жизни, а, может быть, он поступает совершенно бессмысле-но? И если раньше он обычно руководство-вался только непосредственными пережива-ниями удовольствия или неудовольствия, то теперь он начинает также искать смысла в этих самых своих желаниях. Я говорю, что и в более широкой области это происходит так. Представьте себе человека, который в молодых годах увидел воочию весь тот ужас, который его окружает, все те страдания, ко-торые наполняют весь мир, и эта мысль как бы ушибла его, он все еще под влиянием всего этого. Тогда он всю свою жизнь перестраивает под влиянием этой картины, которую он увидел в мире. В дан-ном случае он может поступить так опять таки под влиянием непосредственного чувст-ва негодования, или же он может и здесь на мгновение как бы остановиться, задуматься и, посмотрев более широко, попы-таться подойти опять таки к этим же про-блемам с точки зрения мысли, целесообраз-ности, попытаться разрешить те же задачи гораздо более широко. И так происходит почти со всеми. В особенности, нужно ска-зать, это относится к тем, кто так или ина-

че участвовал в революционном движении.

Революционные движения вырабатыва-ются веками. Так вырабатываются свои на-выки, свои методы подхода к решению тех или иных задач. И, конечно, каждый, кто участвует в революционном движении, так или иначе действует, он прежде всего явля-ется человеком, непосредственно реагирую-щим на тот ужас, на то бесправие, на то страдание, которое нас окружает. И эти страдания не ждут, пока вы будете разду-мывать, пока вы придете к ним всезнаю-щим. Вы не можете сказать: — „Эх, уйду я на башню из слоновой кости, замк-нусь в одиночестве и буду искать начало начал. А когда найду, то выйду к людям и разом поражу зло“. — Так говорить нельзя, ибо познание также бесконечно и не видно того момента, когда бы можно было, познав все, спуститься со своей башни. Так ста-вить вопрос нельзя. Кто ушел на эту баш-ню, над тем нужно поставить крест — он никогда и не вернется. Наоборот, там, на этой башне, он забывает о тех традициях, которые раньше его волновали, он не слы-шит их, он не знает того, что творится во-круг него, он погрузился в созерцание звезд и мировых систем и забывает, что творится вокруг него. Значит, так вопрос ставить нельзя, нужно его ставить иначе. И ока-зывается, что нужно в одно и то же время бороться со злом и мыслить об этом, рас-читывать, угадывать правильные пути, по-тому что, если нельзя уходить на башню из слоновой кости, то нельзя и очертя голову бороться. Все же без мысли, исключитель-но повинувшись только простому настроению, мы опять таки ничего не добьемся. И вот в этом отношении чрезвычайно характерны те настроения, которые руководили Кропо-ткиным. Он также прошел тот же путь. Ведь, собственно говоря, то, что для него было особенно характерно, это чрезвычайная от-зывчивость к человеческому страданию. Он глубоко мог сочувствовать, сострадать че-ловеку, и то страдание, которое его окру-жало, сразу ворвалось, еще с детских лет, в его душу и побудило его, еще в детских

годах, сказать: — „Нет, никогда я не буду таким, каким был мой отец — поменник“. — Он был, действительно, непосредственно, всецело захвачен этим могучим чувством страдания, и он всеми силами стремился к тому, чтобы освободить человечество от окружающей его тьмы и несправия. И он непосредственно этому отдается. Но он еще не оформил этого порыва. Перед ним дальше мог бы встать вопрос — как же идти, как же бороться с этим страданием? Он мог бы здесь поставить вопрос и о башне из слоновой кости. Он мог бы сказать: — „Наука — великое благо для человечества, стану-ка я заниматься наукой, она мне открывает, как нужно бороться со злом, уйду на башню, в кабинет ученого и там буду в книгах искать ответа“. — Но, к счастью, он на этот путь не стал. Я позволю себе процитировать то место из „Записок Революционера“ (Изд. 1925 г., стр. 179 — 181), где он говорит, каким образом в нем совершился решительный поворот к творчеству жизни вместе с массами и уход от научной карьеры: — „Часто случается, что люди тянут ту или другую политическую, социальную или семейную лямку только потому, что им некогда разобраться — некогда спросить себя: так ли устроилась их жизнь, как нужно? Соответствует ли их занятие их склонностям и способностям и дает ли им то нравственное удовольствие, которое каждый в праве ожидать в жизни? Действительные люди всего чаще оказываются в таком положении. Каждый день приносит с собой новую работу, и ее накапливается столько, что человек поздно ложится, не выполнив всего, что собирался сделать за день, а утром поспешно хватается за дело, недоконченное вчера. Жизнь проходит и нет времени подумать, некогда обсудить ее склад. То же самое случилось и со мной. Но теперь, во время путешествия по Финляндии, у меня был досуг... я мог думать, и одна мысль все более и более захватывала меня гораздо сильнее геологии.

„Наука — великое дело. Я знал радо-

сти, доставляемые ею, и ценил их, быть может, даже больше, чем многие мои собратья. И теперь, когда я всматривался в холмы и озера Финляндии, у меня зарождались новые, величественные обобщения...

„Но какое право имел я на эти высшие радости, когда вокруг меня — гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба? Когда все, истраченное мною, чтоб жить в мире высоких душевных движений, неизбежно должно быть вырвано изо рта сеющих пшеницу для других и не имеющих достаточно черного хлеба для собственных детей? У когонибудь кусок должен быть вырван изо рта, потому что совокупная производительность людей еще так низка.

„Знание — могучая сила. Человек должен овладеть им. Но мы и теперь знаем много. Что, если бы это знание, только это, стало достоянием всех? Разве сама наука тогда не подвинулась бы быстро вперед? Сколько новых изобретений тогда сделает человечество, и насколько увеличит оно тогда производительность общественного труда! Грандиозность этого движения вперед мы даже теперь можем предвидеть.

„Массы хотят знать. Они хотят учиться; они могут учиться...

„Вот в каком направлении мне следует работать, и вот те люди, для которых я должен работать. Все эти звонкие слова насчет прогресса, произносимые в то время, когда сами делатели прогресса держатся в стороне от народа, все эти громкие фразы — одни софизмы. Их придумали, чтобы отделаться от разедающего противоречия.

„Я и послал мой отказ Географическому Обществу“.

Таким образом, Кропоткин совершенно правильно разрешил эту проблему. Он не отказывался от науки, и впоследствии он даже много для нее сделал, но он знал, что ждать некогда, что кругом люди мучаются, умирают, им некогда ждать, пока он выучится, и он пошел к ним.

И вот перед ним в то же время встал

вопрос: — „Ну, вот, иду я туда, что же делать, как спасти людей?“ — Конечно, есть люди, которые успокаивают свою душу различными делами благотворительности, но, понятно, что и это только софизмы. На самом деле, вопрос стоит не о том, как дать голодному кусок хлеба непосредственно, но вопрос стоит в том, как сделать, чтобы на земле не было голодного существования? Это гораздо важнее, хотя не исключает и первого. Таким образом, эта проблема сейчас же расширяется в обще-социальную. И вот Кротошкин обращается к науке. Что же она может дать в этом направлении? И здесь он опять таки не находит ответа. Во-первых, потому, что социальной науки еще до сих пор собственно не существует, а, во-вторых, существует целый ряд софизмов, обманов. Стало быть, и здесь самому как то нужно проработаться до какого то познания. Но раз вы ставите вопрос о человеке, сейчас же перед вами возникает следующий вопрос о самом смысле и о цели человеческого существования вообще, о том месте, какое занимает человек во вселенной, потому что от этого зависит целый ряд свойств человека; его положение в мире, зависимость его от этого мира, — сейчас же вопрос о человеке ведет нас за грани самого себя. И таким образом, перед нами встает задача не только построить, вот тут, в этих условиях, тактически вопрос о борьбе со злом, но сейчас же болезненно встает и другая задача — построить себе мирозерпание, чтобы познать человеческую жизнь, смысл жизни. И так этот смысл познать, чтобы он охватил не только людей, как таковых, но людей, как частицу всей бесконечной вселенной. И вот П. А. пишет, что одновременно с властно звучащим голосом сочувствия к страдающим, перед ним, вставала картина всей вселенной, той арены, на которой совершается история человечества.

„Бесконечность вселенной, великой природы, познания и вечно бьющаяся ее жизнь производили на меня все большее и большее впечатление, а никогда не прекращаю-

щаяся жизнь и гармония природы погружали меня в тот восторженный экстаз, которого так жаждут молодые натуры. В то же время у моих любимых поэтов я находил образцы для выражений той пробужденной любви и веры в прогресс, которой красна юность и которая составляет впечатление на всю жизнь...

„Мои любимыми предметами стали точные науки: математика, физика и астрономия“.

Таким образом, задача познания не умирает перед каждым человеком, который идет, чтобы бороться, она еще более настоятельно становится перед ним, и он должен, не уходя от людей, не уходя от борьбы, а рассматривая свое знание так же, как орудие этой борьбы, продолжать развивать его. И вот, когда П. А. подходит, таким образом, ко всему окружающему, чтобы бороться, перед ним все же встает задача познания. И его любимыми предметами стали точные науки: математика, физика и астрономия. Он стремится познать природу, он стремится познать через природу и человека, чтобы, познав его свойства, принести ему ту пользу, которую он стремится ему дать. И в нем вырастает совершенно определенная точка зрения на познание природы и на роль человечества в этой природе. В „Науке и Анархии“ он пишет: — „Мы постоянно видим, как астроном или физик показывает нам существование известных соотношений между различными явлениями; эти соотношения мы называем „физическим законом“. После того многие ученые начинают изучать детально, как прилагается этот закон на практике. Но скоро, по мере того, как в результате их исследований накапливаются факты, они видят, что закон, который они изучают, есть только „первое приближение“; что факты, которые нужно объяснить, оказываются гораздо сложнее, чем они казались вначале. Так, возьмем очень известный пример „законов Кеплера“ относительно движения планет вокруг солнца. Детальное изучение движения сначала подтвердило эти

законы и доказало, что действительно спутники солнца движутся в общем по линии эллипса, один из царства коего занимает солнце. Но в то же время было замечено, что солнце в данном случае есть только „первое приближение“. В действительности планеты, в своем продвижении по эллипсу, делают различные отклонения от него. И когда стали изучать эти отклонения, являющиеся результатом взаимного влияния планет друг на друга, то астрономы смогли установить „второе“ и „третье приближение“, которые гораздо точнее соответствовали действительному движению планет, чем „первое приближение“.

.....

Именно это явление наблюдается теперь в естественных науках. Сделав великие открытия о неуничтожаемости материи, единстве физических сил, действующих как в одушевленной, так и в неодушевленной материи, установив изменяемость видов и т. д., науки, изучающие детально последствия этих открытий, ищут в настоящий момент „вторые приближения“, которые будут более точно соответствовать реальным явлениям жизни природы.

С другой стороны, изучая последний прогресс естественных наук, и признавая в каждом новом открытии новое приложение индуктивного метода, я видел в то же время, что анархические идеи, сформулированные Годвином и Прудоном и развитые их продолжателями, представляют также приложение того же самого метода к наукам, изучающим жизнь человеческих обществ. Я хотел показать... до какого пункта развитие анархической идеи шло рука об руку с прогрессом естественных наук. И я постарался показать, как и почему философия анархизма находит себе совершенно определенное место в последних попытках выработать синтетическую философию, т. е., в понятии о вселенной во всем ее целом“. (стр. 4—5).

Таким образом, для того, чтобы построить себе это мирозерцание, П. А. обращается к положительным наукам, которые в

то время расцветали пышным цветом. В то время были произведены чрезвычайно крупные изобретения и открытия и пределы познания уходили в бесконечность. Наука, как каждый тогда полагал, может познать все, угадать все перемены по отношению к человеку. Стало быть, можно составить себе определенное мировоззрение и тем самым получить в руки мощное орудие для борьбы с невежеством, для борьбы с силами мрака и тьмы, которые угнетают человечество. Таким образом, перед Кропоткиным стала проблема о том, что же именно необходимо делать такое, что мы формулируем, как добро? И как это добро делать людям? Здесь прежде всего обращает на себя внимание тот факт, который мы действительно встречаем в жизни человеческой, — это то, что в каждом человеке борются два направления, два течения, две силы: одна сила, которая хочет увлечь его по дороге к добру только для себя, другая сила, которая хочет указать ему дорогу к добру только для других. Перед человеком встает проблема его личности по отношению к обществу, проблема между „Я“ и „Ты“, проблема, которая каждого человека раздваивает и которая приводит каждого человека часто к мучительным, невыносимым противоречиям. И, конечно, прежде всего, когда в человеке зарождается мысль, то чрезвычайно характерной особенностью этой мысли является то, что она как бы разрезает все, что раньше было для человека, ценным и единым, на две части. Вот раньше человек просто жил, как животное, и он попытался ударить, не отдавая себе отчета, что в нем делается, но как только в человеке зарождается мысль, как сейчас же эта мысль противопоставляет этому человеку что то иное. Весь мир распадается на двое, на „Я“ и на „Ты“, на субъект и на объект, на его собственное внутреннее и на внешний мир. Первое дело мысли это то, что она разрезает первоначальное единство и тогда в человеке возникает ряд стремлений, которые, с одной стороны, как бы действуют на него самого, возникают из глубины его самого, а с

другой стороны, которые приходят к нему извне. Вот человек идет и видит, что человек тонет. С одной стороны, он чувствует, что тонущего человека нужно спасти, а с другой стороны, в нем поднимается чувство самосохранения, которое его удерживает. Происходит борьба. И такая борьба происходит в каждом случае жизни человека. Он может поступить так, как поступает, допустим, под влиянием инстинкта, как поступают, например, пчелы. Ведь пчела жалит врага, совершенно не заботясь о себе, она собственно погибает, когда она жалит человека, ибо так устроен ее жалящий орган. Она погибает на благо того рода, членом которого она является. С другой стороны, если вы возьмете, например, целый ряд других животных существ, какихнибудь хищников, то они живут совершенно отдельно, каждый из них знает только самого себя. Возьмем, например, пауков. Если вы их посадите в одну банку, они поедят друг друга. Спрашивается, что же в данном случае! — какие силы в человеке должны взять верх, те ли, которые заставляют его отдавать все свои силы на благо человечества, жертвовать своей личностью, или наоборот, — те силы, которые говорят человеку, что, собственно говоря, можно „падающего подтолкнуть“? Согласиться или не согласиться с „человеком из подполья“ у Достоевского, который говорит: — „Миру ли быть или мне чай пить? Так и скажу, что мне чай пить“...

И вот оказывается, что ни на одно из этих решений человек в конце концов пойти не может. В самом деле, если он пойдет в сторону подчинения влиянию сил, которые действуют в нем самом, которые являются силами эгоистическими, то он замыкается в себе, он замыкается от мира, он уже не может сочувствовать со всем остальным миром, он как бы засыхает в самом себе. Таким образом личность в нем как бы погибает, несмотря на то, что он ради этой личности жертвует человечеством.

Но, если человек пойдет по другому пути если он отдаст себя обществу, то он всецело

растворится в этом обществе, и его личность также исчезнет, а мысль, ведь, связана исключительно с личностью. Сама мысль индивидуальна, она связана с определенным мозгом, с определенным черепом, и если 10 человек сидят и думают, то это не значит, что это единый мозг, но каждый мозг остается сам по себе. Мысль родится не где то над нами, а рождается под черепной оболочкой у каждого в отдельности. Значит, если в этом отношении пожертвовать личностью и раствориться в массе — пропадет личность, пропадет мысль, самосознание, останется слепой инстинкт, останутся слепые стихийные силы, которые действуют в пчелином улье. Значит, ни то решение, ни другое совершенно недопустимы. А в то же время в частности, когда такая проблема вставала перед Кропоткиным, он, имея чрезвычайно могучий импульс творить добро, переживая и сочувствуя всему человечеству, он не мог уйти в себя, но он и совершенно отдаться обществу также не мог, потому, что он понимал, что вместе с ним погибла бы и сама мысль, ибо мысль может существовать лишь постольку, поскольку существует сама личность. И вот, когда с этой точки зрения он подходит опять к обществу, он становится перед необходимостью сочетать в себе стремление к обособлению и стремление к слиянию в то гармоническое единство, которое могло бы дать действительно цельность человечеству, которое не разрывало бы его. Из этого следует, что он не мог откинуть мысль, стало быть, не мог откинуть и само познание, и науку, но он не мог откинуть и того, что можно назвать любовью к людям. Он переживал братство всего человечества и ясно давал себе отчет, что ведь сама любовь к людям должна быть такой, чтобы она считалась с людьми, как с личностями, чтобы она в каждом человеке признавала и щадила мысль. Иными словами, щадила и признавала то, что мы можем назвать человеческой свободой.

Таким образом, решение этой проблемы требовало признания человеческой свободы, полного освобождения человеческой лично-

сти, ибо раз нет свободы, раз в человеке за-
давлена его собственная самостоятельность, в
нем раздавлена и мысль, в нем раздавлена та
индивидуальность, которая страдает и раду-
ется. Стало-быть, первое, что должно быть
утверждено, это — самобытность, самостоя-
тельность и полная свобода человеческой лич-
ности, ибо человеческое общество тем и от-
личается от всякого животного общества, что
только человеческому обществу, как таковому,
присуща мысль, а мысль человеку при-
суща, поскольку каждый человек есть лич-
ность, личность же может существовать по-
стольку, поскольку она свободна. Если мы
нарушаем человеческую свободу, мы тем са-
мым заранее нарушаем самую возможность
разрешения проблемы мира, и, если можно
так выразиться, для того, чтобы человеку
обрить волосы, срезаем ему голову. Проблема
теряет всякий смысл. И само человечество с
этой точки зрения выявляется перед нами,
как совокупность таких личностей. Посколь-
ку в человеке живет и действует свободная
личность, постольку он есть подлинный че-
ловек. Значит, отсюда следует, что необходи-
мо прежде всего, освободить эту личность,
но как освободить? Конечно, мы видим, что
со всех сторон нас окружают цепями, тюрь-
мами и т. д. и т. д. Бесконечно можно было
бы перечислять все те цепи всевозможного
вида, которые на нас на всех наложены. Но
спрашивается: откуда их происхождение, от-
куда их начало? Человеческая мысль хочет
найти, где корни этого. И она отвечает:
это происходит, прежде всего, потому, что
сама личность не создала своей свободы, по-
тому что сама личность, внутри самой себя
порождающая человеческую мысль под своей
черепной коробкой, она, эта личность, как
бы заключена еще в целый ряд сложных пред-
рассудков, которые глушат подлинную мысль,
которые не дают ей развиваться, которые сжи-
мают человеческий мозг тисками и мешают
ему развернуться. Подобно тому, как на
которые создавали карликов тем, что сажали
маленьких детей в сосуды и те росли, сжа-
тые, по словам легенд, были деспоты,

тые стенками, калечились и превращались в
уродов, точно так же происходит и вокруг
нас. Люди изуродованы, прежде всего, в
самых себе. Вот в чем начало зла. Если бы
люди признавали свою свободу, всю нелепость
своего подчиненного положения, все уродст-
ва, в которых они находятся, — конечно, ни-
какая сила не могла бы удерживать людей. Но
цепи гораздо более мощные внутри каждой
личности связывают ее. И вот, стало-быть,
прежде всего необходимо разорвать эти путы,
необходимо прежде всего о с в о б о -
дить человеческую мысль. Пусть легко вос-
парит она над окружающей всей действитель-
ностью и увидит, что человек свободен, что
перед человеком открываются бесконечные
горизонты!... Тогда каждый поймет, что он
живет в клетке, в тюрьме, и никого не поже-
лает вернуться в эту клетку.

Что же это за мысль, — потому что пред-
рассудок, ведь, тоже мысль, — которая играет
роль теней для человеческой личности? Че-
ловек, серьезно задумавшийся над этим
вопросом, найдет ответ совершенно опреде-
ленный: люди как бы загипнотизированы,
им как бы внушено убеждение, которое накла-
дывает тяжелую руку на человеческую мысль
и ее свободу, убеждение, что должна быть
власть. Вы знаете, что еще Бакунин с чрез-
вычайной мощью указывал, откуда берет свое
начало авторитет и власть в человеческом об-
ществе. Вообще всякая власть в конце кон-
цов основывается на грубом физическом на-
силии, но на этом долго держаться нельзя и
потому каждая власть сильна тем авторите-
том, на который она опирается. И вот, когда
Бакунин в свое время ставил этот вопрос, а
затем ставил его Кропоткин, — для них было
ясно, что, проглядывая всю историю челове-
чества, мы видим, какую колоссальную роль
играло представление, которое мы называем
религиозным. В самом деле, правильно ука-
зывал Бакунин, что опора всякой государст-
венности в церковности, что даже государство
является, в сущности, только внешним, физи-
ческим проявлением церковности.

В самом деле, человек живет в мире и в
этом безконечном мире ярко осязает свою ко-

нечность, перед ним выступают силы гораздо больше мощные, чем он, он поддается все эти силы, как-то воздействовать на них. В нем вырастает представление об авторитете, стоящем над ним, который в конце концов вершает его судьбу. И сама его жизнь и вся история говорит нам, что, обычно, когда являлось то или другое мировоззрение, сейчас же выростали, как грибы после дождя, жрецы, поны, те или другие представители этой религии и, они в конце концов превращались в служителей государства, служителей определенного класса или собственных интересов. Во всяком случае создавались группы людей, которые начинали самым жесточайшим образом эксплуатировать и угнетать народные массы. Таковы факты. Благодаря созданию такого разделения получается, что общество распадается на эксплуатируемых и эксплуататоров, на властителей и рабов. Народные массы оказываются в руках, сравнительно, немногих людей, которые под покровом тех или других авторитетов без раздельно господствуют над этими массами. И вот та же картина, конечно, встала перед Кропоткиным. В „Науке и Анархии“ он пишет:

„Как и социализм вообще, и как другое общественное движение, анархизм родился среди народа, и он сохранит свою силу и творческую силу только до тех пор, пока он будет оставаться народным.“

„Во все времена в человеческих обществах сталкивались в борьбе два враждебных течения. С одной стороны народ, народные массы вырабатывали в форме обычая множество учреждений, необходимых для того, чтобы сделать жизнь в обществах возможной, — чтобы поддержать мир, улаживать споры и оказывать друг другу помощь во всем, что требует соединенных усилий. Родовой быт у дикарей, затем, позднее, сельская община и еще позднее промышленная гильдия и средневековые вольные города-республики вечевых строя, которые положили первые основания международного права, все эти и многие другие учреждения были выработаны

не законодателями, а творческим духом самих народных масс.“

„С другой стороны во все времена существовали колдуны, маги, вызыватели дождя, оракулы, жрецы. Они были первыми обладателями знания природы и первыми основателями различных религиозных культов... так же, как различных обрядностей, помогавших поддерживать единство союзов между отдельными племенами.“

„В эти времена первые зачатки изучения природы... были тесно связаны с различными суевериями, выраженными в различных обрядностях и культур. Все искусства и ремесла имели такое же происхождение и вытекали из изучения и суеверий. И каждое из них имело свои мистические формулы, которые сообщались только посвященным и оставались старательно скрытыми от народных масс. Рядом с этими первыми представителями науки и религии мы находим также людей, которые как барды ирландские брегоны, сказители законов у скандинавских народностей и т. д. рассматривались как знатоки и хранители преданий и старых обычаев, к которым все должны были обращаться в случае несогласия и спор. Они хранили законы в своей памяти... и в случае разногласий к ним обращались, как к посредникам.“

„Наконец, были такие временные начальники боевых дружин, владевшие, как предполагалось, колдовскими чарами, при помощи которых они могли обеспечить победу; они владели также тайнами отравления оружия и другими военными секретами.“

„Эти три категории людей всегда, с незапамятных времен составляли между собой тайные общества, чтобы передавать и сохранять следующему поколению (после долгого и тяжелого периода посвящения) тайны их специальностей; и если иногда они боролись друг с другом, они всегда кончали тем, что приходили к взаимному соглашению. Тогда они спланивались между собой, вступая в союз и поддерживали друг друга, чтобы господствовать над народом, держать его в повиновении, управлять им — и заставлять его работать на них.“

„Очевидно, что анархизм представляет собой первое из этих двух течений, — т. е. творческую, созидательную силу самого народа, вырабатывавшего учреждения обычного права, чтобы лучше защищаться от желающего господствовать над ним меньшинства. Именно силою народного творчества и народной созидательной деятельности, опирающейся на всю мощь современной науки и техники, анархизм и стремится теперь выработать учреждения, необходимые для обеспечения свободного развития общества — в противоположность тем, кто возлагает всю свою надежду на законодательство, выработанное правительством, состоящим из меньшинства и захватывающим власть над народными массами при помощи суровой и жестокой дисциплины.

„В этом смысле анархисты и государственники существовали во все времена истории“. (Стр. 9 — 11).

Таким образом, перед Кропоткиным, как будто, даже не было сомнения в том, куда же идти, к кому обращаться. Предположим даже, что религия открывает какие то истины, но при этом все эти истины обращаются в орудие против масс. Эти истины не могут стать достоянием масс, пока эти массы не свободны. Значит, первым долгом, первой задачей является освобождение масс, и на пути этого освобождения становится тот авторитет, который прежде всего обращает против масс свои силы. Но ведь религия дает познание. И вот Кропоткин указывает, что если религия дает познание свободы, то с другой стороны выступает наука, которая не опирается ни на какой авторитет. В этом, считает Кропоткин, главное достоинство науки. Всякое познание, кроме научного, постоянно обращается к авторитету, а мы уже знаем, что из этого возникают все учреждения насилия, государственная власть и т. д. Значит, орудием освобождения народных масс должна стать наука, наука позитивная, наука положительная, которая могла бы быть провозглашена каждым человеком. Она должна стать орудием человеческой мысли на пути к ее освобождению. С помощью этой науки, с помощью критического и опытного познания,

которые она дает, массы смогут разрушить те миражи, тот авторитет, который становится на пути их к счастью, к благосостоянию. Таким образом, Кропоткин и обращается с этой целью к науке, и вот в „Науке и Анархии“ он так это мотивирует:

„Умственное движение девятнадцатого века ведет свое происхождение от работ английских и французских философов середины и начала предыдущего столетия.

„Всеобщий подъем мысли, начавшийся в ту пору, воодушевил этих мыслителей желанием охватить все человеческие знания в одной общей системе, — системе природы. Отбросив окончательно средневековую схоластику и метафизику, они имели смелость взглянуть на всю природу, — на звездный мир, на нашу солнечную систему и на наш земной шар, на развитие растений, животных и человеческих существ на поверхности земли, — как на ряд фактов могущих быть изученными по такому же методу, по какому изучают естественные науки.

„Широко пользуясь истинно научными, — индуктивно-дедуктивными методами, они приступили к изучению всех групп явлений, какие мы наблюдаем в природе, — будь то явления из мира звезд или мира животных, или из мира человеческих верований и учреждений, — совершенно так же, как если бы это были вопросы физики, изучаемые натуралистом. Они сначала тщательно собирали факты, и когда они затем строили свои обобщения, то они делали это путем наблюдения (индукции). Они строили известные предположения (гипотезы), но этим предположениям они приписывали не больше значения, чем Дарвин своей гипотезе о происхождении новых видов путем борьбы за существование, или Менделеев своему „периодическому закону“. Они видели в них лишь предположения, которые представляют возможное и вероятное объяснение и облегчают группировку фактов и их дальнейшее изучение; но они не забывали, что эти предположения должны быть подтверждены приложением множества фактов и объяснены также дедуктивным путем, и что

они могут стать законами, т. е. **доказанными** обобщениями не раньше, чем они выдержат эту проверку, и после того, как причины постоянных соотношений и закономерности между ними будут выяснены.

„Когда центр философского движения восемнадцатого века был перенесен из Англии и Шотландии во Францию, то французские философы с присущим им чувством стройности и системы принялись строить по одному общему плану и на тех же началах все человеческие знания: естественные и исторические. Они сделали попытку построить **общественное знание, — философию** всего мира и всей его жизни в строго научной форме, отбрасывая всякие метафизические настроения предыдущих философов и объясняя все явления действием тех же физических (то-есть механических) сил, которые оказались для них достаточными для объяснения происхождения и развития земного шара...

„Таким образом, мы видим, что мыслители XVIII века не меняли своего метода, переходя от мира звезд к миру химических реакций, или же от физического и химического мира к жизни растений и животных, или к развитию экономических и политических форм общества, к эволюции религий и т. п. Метод всегда оставался тот же самый. Во всех отраслях науки они всегда прилагали индуктивный метод. И так как ни в изучении религий, ни в анализе нравственных понятий, ни в анализе мышления вообще они не встречали ни одного пункта, где бы этот метод оказался недостаточным, и где бы был приложен другой метод, и так как нигде они не видели себя принужденными прибегать ни к метафизическим понятиям (Бог, бессмертная душа, жизненная сила, категорический императив, внушенный высшим существом и т. п.), ни к диалектическому методу, то они стремились **объяснить вселенную и все явления мира при помощи того же естественно-научного метода**“.

(Стр. 14—17).

Эта философия, главным образом, бы-

ла развита во Франции, а затем в Англии. В частности, можно считать первыми ее основоположниками Конта, Милля, Спенсера и т. д.

Резюмирую теперь в коротких словах тот путь, который был проделан Кропоткиным. Мы можем сказать так, что, исходя из чрезвычайно мощных переживаний сочувствия к людям, любви к людям, он пришел к тому, что единственным правильным орудием их освобождения является положительная наука. Таков был его путь. С тех пор положительная наука проделала известную эволюцию. С тех пор мы сами пережили ряд совершенно новых фактов и вот, составляя в силе основные принципы Кропоткина, попробуем пересмотреть их с точки зрения того опыта, тех данных, которые мы имеем теперь. В этом отношении очень характерно, что наука, которая была известна Кропоткину, находилась сравнительно еще на первоначальной стадии развития своего собственного метода. Были открыты факты, но наука еще сравнительно слабо отдавала самой себе, по крайней мере, отчет о том, каковы ее методы, каким образом она пойдет вперед. И прежде всего мы должны сказать, что кое-что уже предвидел Кропоткин, кое-что уже очень хорошо предвидел Бакунин, когда они предостерегали от повиновения научной церкви, когда они предостерегали от рождения новых авторитетов, научных авторитетов. И все последующее нам ярко показывает, что их опасения были совершенно справедливы. Ученые, а около ученых целый ряд популяризаторов науки, образуют в конце концов своеобразную церковь и эта церковь, как на это резко указывал Бакунин, является самой свирепой, самой властной, беспощадной церковью. Нет более властной церкви, чем церковь ученых, церковь, создающаяся около науки, и, ведь, не даром церковные учения старых времен были в то же время представителями научной мысли этих старых времен. Значит, в этом отношении фактически и религия и наука совершенно одинаковы, т. е. и та и другая могут быть людьми использованы для

целей порабощения. Я говорю, что наука, главным образом, та, под влиянием которой развивался Кропоткин, которая вышла из Франции (энциклопедисты, целый ряд научно-философских авторов перед французской революцией), та наука называла себя материалистической. Но что такое материалистическая наука? Она себя противопоставляет метафизическим и идеалистическим учениям. Но что же такое в таком случае материализм в понимании Кропоткина и Бакунина? Когда мы ставим таким образом вопрос, то перед нами оказывается проблема философская. И когда мы вдумываемся в то, что под материализмом понимали Бакунин и Кропоткин, то оказывается, что это нечто совершенно другое, чем то, что под этим понимают в обычной философии. Они материей называют нечто другое, чем то, что понимают под материей метафизики. И тот же Бакунин говорит:

..... материя, о которой говорят материалисты, — стремительная, вечно подвижная, деятельная и плодотворная; материя с определенными химическими или органическими качествами и проявляющаяся механическими, физическими, животными или интеллектуальными свойствами или силами, которые ей неизбежно присущи, что эта материя не имеет ничего общего с ПРЕЗРЕННОЙ МАТЕРИЕЙ идеалистов. Эта последняя, продукт их ложного отвращения, действительно нечто тупое, неодушевленное, неспособное произвести ни малейшей вещи, CAPUT MORTUUM, ПРЕЗРЕННЫЙ вымысел, противоположный тому ПРЕКРАСНОМУ вымыслу, который они называют БОГОМ, высшим существом, в сравнении с которым материя в их понимании, лишенная ими самими всего того, что составляет ее истинную природу, неизбежно представляет собою высшее небытие. Они отняли у материи ум, жизнь, все определенные качества, действительные отрешения или силы, самое движение, без коего она не была бы даже весомой, оставив ей лишь абсолютную непроницаемость и неподвижность в пространстве. Они приписали все эти силы, качества и естественные проявления воображаемому Существу, созданно-

му их отвлеченной фантазией; затем, переменяя роли, они назвали этот продукт их воображения, этот призрак, этого Бога, который есть ничто, „Высшим Существом“. И в виде неизбежного следствия, они объяснили, что все реально существующее, материя, мир — ничто. После того они с важностью говорят нам, что эта материя неспособна ничего произвести, ни даже притти сама собою в движение, и что, следовательно, она должна была быть создана их Богом“. („Кнут — Герм. Империя“, стр. 133. Изд. Гол. Тр.)“.

Стало-быть, с этой точки зрения эта материя нисколько не противоположна духу, и раз она живет и мыслит, она ничего общего с материей метафизической не имеет, а так как название для той или другой философской системы дается в области философии же, то там под формой материализма понимается совершенно определенное учение. Но это учение совершенно не совпадает с тем материализмом, о котором говорят Бакунин и Кропоткин. Поэтому точнее было бы называть это не материализмом, а реализмом, потому что оно прежде всего хотело считаться с реально существующим. Раз мы поставим вопрос так, то перед нами возникает совершенно определенное представление о том, как в процессе исторического развития, давшего преобладание именно этой положительности науки, сама наука становилась все более формальной и в своих специальных воздействиях все более и более рационализировалась. Мы увидим, что все тенденции науки устремились к тому, чтобы сделаться церковью ученых, положить эту церковь в основание современного государства и так же оправдать это современное государство, как церковь богословская в свое время оправдала абсолютность монархического государства. В этом смысле как научная церковь, так и религиозная совершенно одинаковы. С одной стороны, мы видим, что религия выставляет авторитет. Этот авторитет дает начало для того, чтобы подавлять человеческую мысль, человеческий разум, человеческую свободу. Посмотрим, к чему ведет учение чисто материалистическое (не в нашем смысле, как я назвал его —

реализмом, а в философском понимании метафизического материализма). Вот в частности в этом отношении характерная статья, которую Кропоткин так и не успел закончить и которую он написал уже в 1918 г. Он говорит, смотря на окружающее, и приходя в ужас от того, что делается, что материализм его ничего общего не имеет с этим, современным нам, материализмом: (Кропоткин, „Идеал в революции“. Из незавершенной рукописи 1918 г. Сборник „Памяти Петра Алексеевича Кропоткина“ П.—М. 1922 Стр. 58-59).

„Но есть... одна сторона, ставящая Россию в гораздо худшее положение, чем были Англия и Франция во время своих революций, — и тут требуется от безусловно лучших людей в России самое упорное напряжение сил, чтобы противодействовать разлагающему влиянию этого фактора, которого не знали ни Англия, ни Франция.

„Обе эти революции, ставя себе определенные экономические цели, вместе с тем были одушевлены высоким нравственным идеалом.

„Английская революция была в значительной степени революцией народной совести. Являясь протестом против разложения католического духовенства, она выставила строго нравственные идеалы — пуританство. Ее вражда направлялась столько же против разврата двора и высших классов, сколько и против их политического преобладания. Ее одушевлял нравственный идеал столько же, сколько и идеал политического и экономического равенства.

„Точно также и французская революция ставила себе целью не только уничтожение политических и экономических классовых привилегий, но и проведение в жизнь высшего идеала человеческой взаимности.

„Философы XVIII были проникнуты идеалом человеческой взаимности, хотя она и выставила принцип эгоизма, но она понимала эгоизм, как сознание разумной солидарности всех членов общества. И если, среди более зажиточных классов проповедь эгоизма Гольбаха в его ограниченном смысле имела успех, то среди рабочих масс

любимым философом был Руссо с его проповедью гуманизма и солидарности, высокого нравственного общественного образования. В том же духе шла в то время вся проповедь франк-масонства, к которому принадлежали все сколько-нибудь видные деятели революции и которые дали революции лозунг — свобода, равенство и братство. К сожалению, несмотря на удивительные подвиги самопожертвования, проявленные русскими революционерами в ее подготовительный период, несмотря на высокий общественный идеал, воодушевлявший их, мы видим, что теперь берет верх учение, постепенно просачивавшееся в нашу жизнь за последнее десятилетие — учение об экономическом материализме. При чем это учение понимается не в том смысле, в каком понимали его бланкистские организации Франции, когда они назывались коммунистами-материалистами, понимая под этим коммунизм не монашеских общин и партавских иезуитов с их колониями рабов, а коммунизм *de facto*, на деле, дающий всем не только материальное благосостояние, но и нравственную независимость. В учении экономического материализма, шедшем из Германии, это понимание материализма утратилось.

„Смысл, который оно приобретало в учениях последователей Фурье, осмеивался как утопическое учение, и вместо него брало вверх понимание социальной революции, как разнужданность единичных возжеланий в смысле каких-нибудь штирнерянцев или ницшеановских сверхчеловеков низшего сорта. В этом отсутствии высокого, вдохновляющего идеала русской революции лежит все различие между нею и ее предшественницами. Остается одно — жить надеждой, что такой характер революция приняла только под тлетворным влиянием последних годов самодержавной вакханалии, и что здравый смысл русского народа возьмет верх и избавится от этой язвы, которая грозит обесплотить русскую революцию и сделать ее бесплодной“.

Кропоткину, наоборот, с точки зрения его материализма казалось, что порывы, к истине, к добру, к красоте, только и

могли бы развернуться после революции. А что же совершается сейчас? Сейчас каждый человек, становясь на точку зрения этого современного материализма, не связанного с тем, старым, начинает рассуждать так: — „Все есть материя, все есть комбинация разных частей материи, стало быть и человек есть только комбинация этих частиц материи, все равно, одинаково и из того и из другого лопух вырастает. Никакого смысла в жизни нет и заботься только о себе. Еще Ницше сказал, что сострадание — величайшее зло, при сострадании страдает не только страдающий, но и тот, кто сострадает. Значит, долой сострадание, значит, долой всякое сочувствие, значит, „после нас — хоть потоп“. Стало-быть, надо уходить в себя, плюнуть на общество“. — И вот в этом отношении очень характерно, что такие этические настроения, такие моральные настроения неизбежно связаны с тем представлением, о материализме, которое развернулось, начиная с середины XVIII века (французские энциклопедисты и т. д.). Что же мы видим: с одной стороны и тут опасность, и тут опасность, и тут зло, и тут зло — с другой стороны — мы знаем, что наука есть только о р у д и е знания и это орудие можно употребить, и на добро и на зло, в зависимости от того, в чьи руки она попадает. Если она попадает в руки буржуазии, то превратится в орудие для угнетения народных масс, значит, дело не в самой науке, а дело в тех людях, которые берут ее себе в употребление, как орудие. Но оглядываясь назад, к религии, мы видим то же самое. И религия есть орудие познания и, конечно, она так же зависит от того, в чьи руки она попадает: если она попадает в одни руки, она даст рабство, если она попадает в другие руки, она даст освобождение. Значит, нельзя с этой точки зрения так ставить вопрос. Значит, нужно его иначе ставить, ибо и то и другое есть путь, которым ищут истину. Одни ищут одним путем, другие — другим, но и на том и на другом пути всегда возможно, что известные, более сильные группы захватывают или науку или религию в свои руки и обращают ее исклю-

чительно в свою пользу. Но и с точки зрения познания вопрос ставится точно так же. В самом деле, если вы возьмете научное познание (не с теперешней точки зрения искусственного опыта), то вы найдете, что всякое научное познание представляет из себя совокупность двух моментов: опыта, фактов и затем обобщения этих фактов. Представьте себе, что каждый факт есть книга. Если накапливаются факты, то накапливаются книги, целое море книг, и в этом море трудно разобраться. Необходимо эту книгу упорядочить, каждую книгу каталогизировать, все книги расставить по шкафам. Что такое шкаф? Это система, это научная система, которая факты обобщает. Но совершенно ясно, что если лежит груда книг, я могу для нее заказать безконечное количество различных шкафов, и, наоборот, если дан шкаф, я могу в него вставить произвольные по содержанию книги. Значит, с этой точки зрения мы имеем накопление фактов, а затем построение тех или других систем. Что же эти системы дают? Приближают они меня к истине? Нет. Это только шкафы, о которых можно говорить, что они более или менее удобны или не удобны. Точно также и наука. Поскольку она имеет дело с фактами, она нас не знакомит с истиной, она не дает никаких истин, она дает нам эти системы, может быть, более или менее удобные для того, чтобы эти факты употреблять на благо человечества. Вообще говоря, никакого разговора об истинности науки быть не может. Наука никаким образом не задает вопроса об истине и только отвечает на вопросы удобства. Значит, с этой точки зрения мы не можем ответить научно на вопросы этические. И когда Кропоткин пишет свою „Этику“, он дает себе в этом отчет. Он говорит (стр. II):

„Слабый успех этических систем, развившихся в течение последних ста лет, показывает, что человек не может удовлетвориться одним только естественно-научным объяснением происхождения нравственного чувства. Он требует оправдания этого чувства. В вопросах нравственности люди не хотят ограничиться объяснением источников

нравственного чувства, и указанием, как такие то причины содействовали его росту и утончению. Этим можно довольствоваться при изучении истории развития какого-нибудь цветка. Но здесь этого недостаточно. Люди хотят найти основание, чтобы понять само нравственное чувство. Куда оно ведет нас? К желательным последствиям, или же, как утверждают некоторые, к ослаблению силы и творчества человеческого рода и в конце концов к его вырождению?

„Если борьба за существование и истребление физически слабых — закон природы, и без этого невозможен прогресс, то не будет ли мирное „промышленное состояние“, обещанное нам Контом и Спенсером, началом вырождения человеческого рода, — как это утверждает с такой силой Ницше. А если такой исход нежелателен, то не должны ли мы, в самом деле, заняться переоценкой тех нравственных „ценностей“, которые стремятся ослабить борьбу или, по крайней мере, сделать ее менее болезненной.

„Главную задачу современной реалистической этики составляет, поэтому, как это заметил Вундт в своей „Этике“, определение прежде всего моральной цели, к которой мы стремимся. Но эта цель или цели, как бы идеальны они ни были, и как бы далеки мы ни были от их осуществления, должны все таки принадлежать к миру реальному. Целью нравственности не может быть нечто „трансцендентальное“, т. е., сверх-существенное, как этого хотят некоторые идеалисты: оно должно быть реально. Нравственное удовлетворение мы должны найти в жизни, а не в каком-то вне-жизненном состоянии“.

Кропоткин говорит, что мало дать происхождение тех или других этических, моральных понятий, нужно показать их внутреннюю, самостоятельную ценность. И вот здесь спрашивается: что же может быть ценного для меня? Ведь этика должна быть для всех одинакова, нельзя говорить, что один человек может поступать так, а другой иначе. Сказано: это добро, это — зло. Это должно быть для всех одинаково. Значит, этика должна быть общей, этика должна

дать начало и обосновать те правила поведения, которые указывали бы мне путь к наиболее ценному. Что же наиболее ценно? Один любит человечество, а другой самого себя. Как же можно показать одному и другому один путь? И вот Кропоткин здесь останавливается и говорит чрезвычайно глубокую фразу. Он говорит, что в основу всего он кладет стремление к истине. К истине должен стремиться каждый — и эгоист, и альтруист. И вот в основу этики он кладет веру и истину. Таким образом мы видим, что уже у Кропоткина мы находим те элементы, которые ведут его за грани только чисто научного понимания. Если же мы теперь посмотрим более широко, то перед нами проблема встанет для современности так: мы согласны, что опыт должен лечь в основу нашего познания, в этом мы не расходимся с Кропоткиным, Бакуниным, и с целым рядом других анархистических мыслителей. Но что понимать под опытом? Вот человек влюбился. Опыт это или нет? Конечно, опыт. Его чувство любви, которое он испытывает, это совершенно определенный опыт, который он пережил в себе. Однако, это чувство любви нельзя ни попробовать на язык, ни пальцем пощупать. Значит, мы должны расширить понятие самого опыта, и тогда совершенно справедливыми остаются все утверждения Кропоткина, ибо, если мы возьмем опыт в таком расширенном виде, то тогда можно прямо указать, что дело самого Кропоткина — одно из самых важных открытий, это тот колоссальный факт, который он увидел во вселенной, это факт бытия во вселенной того, что он указывает сочувствием, того, что мы называем одним именем: л ю б о в ь. С этой точки зрения это и есть нечто, что нельзя пощупать, но что существует так же, как и любая вещь, и что она существует, это мы познаем опытом. Если мы так будем понимать науку, то границы ее колоссально расширятся. Ведь в самом деле, вот я вам приведу простой факт: вот мы имеем электричество. Никто не сомневается в существовании электричества, но ведь у нас нет чувства электричества, мы его познаем только по его действиям

(свет, теплота и т. д.). Электричество, как таковое, мы никогда не испытываем. Значит, что же мы называем электричеством? Это то, что находится за всеми теми фактами, что служат их причиной. Но электричество нельзя ни обонять, ни осязать, ни слышать, ни видеть. Оно лежит за гранью наших физических внешних чувств. И, однако, мы его допускаем, мы его признаем. Но точно также можно сказать и о любви. Мы ее не можем испытать в другом человеке, а в себе самих мы ее испытать можем. А электричество мы не можем испытать ни в себе, ни в других. Значит, и в этом смысле электричество еще менее реальная вещь, чем любовь. И вот я говорю, если мы пойдем к этому таким образом, то мы будем стоять на точке зрения познания, опытного познания, но познания такого, которого нам открывает путь не только в науку, лишенную ее опасных свойств, но и в религию, тоже лишенную ее опасных свойств. Теперь нужно указать другой факт: каждый из нас рождается, живет и умирает. Большинство философов, рассуждая о человеческой жизни, имеют дело, именно только с жизнью, не говоря о смерти. Ведь смерть тоже факт, в котором никто не сомневается. Что же такое смерть? Если смерть полное уничтожение, то ведь мы приходим к точке зрения чисто материалистической, признавая в жизни только „Дьяволов водевилей“. Значит, примем ли мы проблему смерти так или иначе, это другой вопрос, но этой проблемы миновать нельзя, потому что человек, останавливающийся перед этой проблемой, становится человеком бессознательным. Он должен дать себе ответ на вопрос о смерти. Если он этого ответа не даст, то всякая его философская система становится неприменимой к самой жизни. И вот на этом основании чрезвычайно характерно, что все почти научные системы имеют дело только с вопросами жизни, ибо как раз среди ученых наиболее силен страх перед в о п р о с а м и смерти. Они от них отмахиваются. Возьмите вы крестьянина, как же он смотрит с этой точки зрения на ученых? Балуете ба-

рин, и больше ничего, ибо простой крестьянин отлично понимает, что, не осмыслив смерти, нельзя осмыслить и жизни. Значит, ответ на этот вопрос необходим. И вот потому, что обычно анархическое и социалистическое движения, углубленные в вопросы о жизни и только жизни, обходили этот вопрос, они и встретили противодействие со стороны широких масс. Поэтому, если анархическое движение хочет охватить все народные массы, оно обязано дать ответ не только на вопросы жизни, но и на вопросы смерти, как бы нам этого ни не хотелось, как бы это ни было страшно. Ответ должен быть дан и каждый человек так или иначе пытается дать себе ответ, но только этот ответ часто расходится с теми вопросами жизни, которые действительны в анархическом учении. Конечно, в этом смысле можно опять таки развернуть те предпосылки, которые даны Кропоткиным. Мы непосредственно приходим к этим проблемам и мы должны их решить так, чтобы вопросы науки и вопросы религии не противоречили друг другу. Во-первых, чтобы те и другие раскрывали здесь нам проблемы рождения, жизни и смерти, и чтобы, с другой стороны, они освобождали народные массы, а не закрепощали их. Таким образом, поставленный вопрос ведет нас прямо к проблеме, которая во всей ширине могла бы быть поставлена, как проблема новой религии. Именно в этом смысле ее понимания. Человечеству нужно, чтобы какие то истины раскрылись перед ним, которые ответили бы ему не только на вопросы жизни, но и на вопросы смерти. Тогда эта религия должна освободить человечество, укрепить его. Значит, основными моментами этой религии должны быть, во-первых, истина и стремление к этой истине, во-вторых, свобода и осуществление этой свободы, и в третьих, — то, что является реально существующим — Л ю б о в ь. Она должна нести любовь ко всему человечеству и каждому отдельному человеку. Говоря теперь о том, каковы должны быть ее проявления, можно сказать, что первым проявлением ее должна быть колоссальнейшая терпимость ко

всевозможным верованиям. Каждый может составлять себе мировоззрение, какое он хочет, и в чем она должна быть совершенно нетерпимой, — это во всех тех поступках, которые ведут к закреплению человека, подавляют в нем свободу. Если мы станем на эту точку зрения, тогда перед нами учение Кропоткина, Бакунина, Толстого и целого ряда других основоположников анархизма развернется, как преддверие к этому мощному, новому анархическому движению. И это учение в лице своих основателей проповедывало любовь, истину и свободу, и потому, попадая в массы, оно часто превращалось в церковь, в государство, в орудие эксплуатации. В чем же тогда дело? Дело в том, что во всех этих религиях мы имели дело с суррогатами религии, как и в отношении науки, во-вторых, конечно, как и везде, дайте человеку хорошему плохую вещь, он из нее сделает хорошую, и наоборот. Все же вся задача в конце концов сводится к действительности, к стремлению в нас самих. Что мы будем делать, как мы себя поведем, будем ли мы проводить идеи любви, истины — это решается все творческой волей, которая должна быть в нас. И если в этом отношении ценность каждого человека определяется его поступками, то мы должны брать пример с Кропоткина, Бакунина и с других освободителей человечества и не смущаться тем, что найдутся низкие души, которые будут пытаться извратить дух свободы, но давать людям учения мудрости, которые могли бы увлечь все человеческие массы к любви, свободе, истине и красоте. Такова наша практическая задача в настоящем. Нам остается рассмотреть еще некоторые моменты учения Кропоткина, чтобы установить те его предпосылки, которые сохраняют целиком свое значение для будущего.

Во „Взаимной Помощи“ (Гол. Труд) он говорит (стр. 6—7):

„свести общительность животных к любви и симпатии значит сузить ее всеобщность и ее значение, — точно так же, как людская этика, основанная на любви и лич-

ной симпатии ведет лишь к сужению понятия о нравственном чувстве в целом. Я вовсе не руководюсь любовью к хозяину данного дома, — весьма часто я даже его не знаю, — когда увидев его дом в огне, я схватываю ведра с водой и бегу к его дому, хотя бы несколько не боялся за свой. Мною руководит более широкое, хотя и более неопределенное чувство, вернее инстинкт, общечеловеческой солидарности, т. е., круговой поруки между всеми людьми, и общечеловеческой солидарности. То же самое наблюдается и среди животных. Не любовь и даже не симпатии (понимаемые в истинном значении этих слов) побуждают стадо жвачных или лошадей образовать круг, с целью защиты от нападения волков; вовсе не любовь заставляет волков соединяться в своры для охоты; точно также не любовь заставляет агнят или котят предаваться играм, и не любовь сводит вместе осенние выводки птиц, которые проводят вместе целые дни почти всю осень...

„Во многих этих случаях главную роль играет чувство несравненно более широкое, чем любовь или личная симпатия. Здесь выступает инстинкт общительности, который медленно развивался среди животных и людей в течение чрезвычайно долгого периода эволюции, с самых ранних ее стадий и научил в равной степени многих животных и людей сознавать ту силу, которую они приобретают, практикуя взаимную помощь и поддержку, а также сознавать удовольствия, которые можно найти в общественной жизни.

„Важность этого различия будет легко оценена всяким, кто изучает психологию животных, а тем более — людскую этику. Любовь, симпатии и самопожертвование, конечно, играют громадную роль в прогрессивном развитии наших нравственных чувств. Но общество, в человечестве, зиждется вовсе не на любви и даже не на симпатии. Оно зиждется на сознании — хотя бы инстинктивном — человеческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется на бессознательном или полусознательном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на

тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех, и на чувстве справедливости, или равноправия, которое вынуждает личность рассматривать права каждого другого, как равные его собственным правам"...

Здесь Кропоткин выясняет смысл, который он придает слову "любовь". Таким образом, для него любовь есть слово личное, и тогда, приняв его толкование слова „любовь“, надо с ним согласиться. Однако, едва ли это будет правильно и не проще ли оставить за словом "любовь" общепринятый, гораздо более широкий смысл, так как иначе мы рискуем получить путаницу понятий. Вообще говоря, любовь может иметь бесчисленное количество форм, среди которых мы встретим и личную симпатию, и общительность, и влюбленность, и солидарность и т. д. Затем любовь личная — в частности любовь половая у людей, дружба и т. п. Наконец, любовь сверхличная — к человечеству, ко всему живому. Прибегая к неоднократно уже употреблявшейся у меня терминологии, можно сказать, что любовь инстинктивная у людей соответствует гилизму, любовь личная — психизму и любовь сверхличная — пневматизму.

Итак, возвращаясь к тому же вопросу, мы видим, что Кропоткин указал на факт присутствия в мире любви. Если раньше говорили: — "Как мудро построен космос", — то Кропоткин к этому добавляет утверждение, что космос — мир построен любовью. Любовь констатирована им — как факт. Он мог совершить это открытие только благодаря тому, что сам в себе ощущал эту любовь, любовь к людям и ко всему живому, ко всему миру. И для него наука расширяется новыми опытами... Наука Кропоткина уже не есть наука ученых, но наука будущего, основывающаяся на опыте универсальном, а не только на опыте одних внешних чувств. Он и сам это понимает, когда пишет в "Этике" (стр. 6—7):

„Современная наука достигла... двойной цели. С одной стороны, она дала человеку очень ценный успех скромности. Она учит его считать себя лишь бесконечно малую

частичкою вселенной. Она выбила его из узкой эгоистической обособленности и рассеяла его самомнение, в силу которого он считал себя центром мироздания и предметом особой заботливости Создателя. Она учит его понимать, что без великого целого наше „Я“ ничто; что „Я“ не может даже определить себя без некоторого „Ты“. И в то же время наука показала, как могуче человечество в своем прогрессивном развитии, если оно умело пользуется безграничною энергией природы. Таким образом наука и философия дали нам как материальную силу, так и свободу мысли, необходимые для того, чтобы вызвать к жизни деятелей, способных двинуть человечество на новый путь всеобщего прогресса. Есть, однако, одна отрасль знания, оставшаяся позади других. Эта отрасль — этика, учение об основных началах нравственности. Такого учения, которое было бы в соответствии с современным состоянием науки и использовало ее завоевания, чтобы построить основы нравственности на широком философском основании, и дало бы образованным народам силу, способную вдохновить их для предстоящей великой перестройки, — такого учения еще не появилось. Между тем, в этом всюду и везде чувствуется потребность. Новой реалистической науки о нравственности, освобожденной от религиозного догматизма, суеверий и метафизической мифологии, подобно тому, как освобождена уже современная естественно-научная философия, — и вместе с тем одухотворенной высшими чувствами и светлыми надеждами, внушаемыми нам современным знанием о человеке и его истории, вот чего настоятельно требует человечество.

„Что такая наука возможна, — в этом нет никакого сомнения. Если изучение природы дало нам основы философии, охватывающей жизнь всего мироздания, развитие живых существ на земле, законы психической жизни и развитие обществ, — то это же изучение должно дать нам естественное объяснение источников нравственного чувства. И оно должно указать нам, где лежат силы,

способные поднимать нравственное чувство до все большей и большей высоты и чистоты. Если созерцание вселенной и близкое знакомство с природой могли внушить великим натуралистам и поэтам девятнадцатого века высокое вдохновение, если проникновение вглубь природы могло усиливать темп жизни в Гете, Шелли, Лермонтове при созерцании ревущей бури, спокойной и величавой цепи гор или темного леса и его обитателей, то отчего же более глубокое проникновение в жизнь человека и его судьбы не могло бы одинаково вдохновить поэта. Когда же поэт находит настоящее выражение для своего чувства общения с Космосом и единения со всем человечеством, он становится способен вдохновлять миллионы людей своим высоким порывом. Он заставляет их чувствовать в самих себе лучшие силы, он будит в них желание стать еще лучшими. Он пробуждает в людях тот самый экстаз, который прежде считали достижением религии. В самом деле, что такое псалмы, в которых многие видят высшее выражение религиозного чувства, или же наиболее поэтические части священных книг Востока, как не попытки выразить экстаз человека при созерцании вселенной, — как не пробуждение в нем чувства поэзии природы.

Такая наука, о которой говорит Кропоткин, есть наука будущего. Но это не наука в современном, обычном смысле слова, ибо это больше и глубже, чем только наука. Это и есть как раз то, что я назвал здесь религией, но, конечно, слову „религия“ я придал смысл также не общепринятый и об этом я скажу, а сейчас я позволю себе процитировать еще одно место из „Этики“ (стр. 18—19) и предлагаю при его чтении вспомнить все только что сделанные замечания:

„... наука не только не подрывает основ этики, но, наоборот, она дает конкретное (вещественное) содержание туманным метафизическим утверждениям, делаемым трансцендентальной, т. е., сверхприродной этикой. И по мере того, как наука глубже проникает в жизнь природы, она придает эволюционной этике — этике развития —

философскую несомненность, там, где трансцендентальный мыслитель мог опираться лишь на туманные догадки.

„Еще менее имеется основания в частото повторяемом упреке мышлению, основанному на изучении природы. Такое мышление, говорят нам, может привести нас только к познанию какой-нибудь холодной математической истины; но такие истины имеют мало влияния на наши поступки. В лучшем случае изучение природы может внушить нам любовь к истине; но вдохновение для таких высших стремлений (emotions) как, например, „бесконечная благодать“ (infinite goodness) может быть дано только религией.

„Не трудно доказать, что такое утверждение ни на чем не основано и потому совершенно ложно. Любовь к истине уже составляет добрую половину — лучшую половину — всякого нравственного учения. Умные религиозные люди вполне это понимают. Что же касается до понятия „добра“ и до стремления к нему, то „истина“ только что упомянутая, т. е., признание взаимопомощи за основную черту в жизни всех живых существ, — без всякого сомнения составляет вдохновляющую истину, которая когда-нибудь найдет достойное ее выражение в поэзии природы, так как она придает познанию природы новую черту — черту гуманитарную. Гете, с проникательностью своего пантеистического гения, сразу понял все ее философское значение, когда услышал от зоолога Эккертмана первый намек на нее...

„... едва ли нужно настаивать на влиянии идей и идеалов на нравственные понятия; равно как и на обратном влиянии нравственных понятий на умственный облик каждой эпохи. Умственный склад и умственное развитие данного общества могут принимать по временам совершенно ложное направление под влиянием всяких внешних обстоятельств: жажды обогащения, войн и т. п.; или же наоборот, они могут подняться на большую высоту. Но и в том и в другом случае умственность данной эпохи всегда глубоко влияет на склад нравственных понятий обще-

ства. То же самое верно и относительно отдельных личностей.

„Нет сомнения, что мысли, — идеи, — представляют силы, как это высказал Фуллье; и они являются этическими, нравственными силами, когда они верны и достаточно широки, чтобы выразить истинную жизнь природы во всей ее совокупности, а не одну только ее сторону. Вследствие этого первым шагом для выработки нравственности, способной оказать длительное влияние на общество, является обоснование ее на твердо установленных истинах“.

Почему все это я называю религией? Потому, что так понимали ее Кришна, Будда и Христос. А то, что потом этому придали глупый и насильнический смысл — в этом вина тех „апостолов“ и „последователей“ — вся цель которых состояла в искажении учения и в порабощении масс. Павел и апостолы исказили учение Христа, монахи-буддисты исказили учение Будды и брамины исказили учение Кришны. В устах же проповедников вишнуизма, буддизма и христианства, как они подлинно проповедывали — религия всегда означала стремление к истине, совершенству, свободе и красоте, и всегда была выявлением любви, мудрости и воли. И если мы внимательно рассмотрим к учениям и жизни Бакунина, Толстого, Кропоткина — мы должны будем констатировать совершенное тождество у последних с первыми. В частности приходится отметить, что учение Будды носило характер, во многом подобный тому, о чем говорил Кропоткин. Чтобы все это стало ясно, надо

только снять с него то искажение, которое внесло монашество. Тогда выясняется, что никогда Будда не проповедывал аскезы, но его „правильный путь“ есть путь чистой, нравственной жизни, разумной и направленной ко благу всех людей и всего живого. Его община совсем не есть община монахов — монастырь, как впоследствии стали толковать его слова и, позднее, слова Христа о церкви, которая в устах самого Христа значила также общину, построенную чисто коммунистически. Учение Будды говорит об освобождении, о достижении свободы и указывает на автономную коммуну, самостоятельную и не опирающуюся ни на какие авторитеты, как на реальное средство создать жизнь, достойную человека. Таким образом, отвергая категорически историческое христианство, исторический буддизм и исторический кришнаизм, как злостные формы искажения подлинных учений, мы можем утверждать с полным правом, что Кришна, Будда и Христос в этом смысле были анархистами-акратистами и коммунистами.

Так, через головы монахов, цензоров и полиции, через головы жрецов, церквей, палачей и государств мы устанавливаем единство мирового общечеловеческого движения к свободе, движения анархического, которое есть и будет религией истины, про которую сказано: — „Вы познаете истину и истина освободит вас“. А истина — в деле, в творчестве, в напряженном и неустанном стремлении к свободе.

А. А. Солонович.

Н. РУБАКИН.

КАКИМИ КНИГАМИ ПОПОЛНЯТЬ БИБЛИОТЕКИ?

В разных уголках Сев. и Юж. Америки в настоящее время существует целый ряд небольших русских библиотек, устроенных в интересах самообразовательного чтения. Руководителям этих библиотек, по большей части, бывает очень трудно выбирать книги для их пополнения, потому что для этого необходимо знать, во-первых, того читателя, для которого книга выбирается, а во-вторых, самую книгу. Число книг на русском языке, выходящих в СССР и за его пределами, велико, и за последние годы явилось множество превосходных научно-популярных и научных книг, которые, по нашему мнению, безусловно должны быть желательны для каждой русской библиотеки. В этой нашей статье мы желали бы обратить внимание читателей на некоторые из таких книг, а также и на журналы.

Прежде всего отметим журнал „Вестник Знания“, со всеми его приложениями. До 1917 года это был самый распространенный научно-популярный журнал в России и издавался в Петрограде с 1907 по 1917 гг. ныне покойным В. В. Битнером. В 1925 г. „Вестник Знания“ был возобновлен известным вне-партийным издателем П. Сойкиным, под редакцией замечательного русского ученого, академика В. Бехтерева, который сумел привлечь к сотрудничеству очень крупные русские ученые силы и поставил дело настолько хорошо, что тираж журнала быстро возрос до 25 тысяч. После смерти В. Бехтерева в 1927 году, во главе редакции стал известный русский историк, академик С. Платонов. „Вестник Знания“ журнал двухнедельный, иллюстрированный, и в нем помещаются статьи как по естественным, так и по общественным наукам. Правда некоторые из этих статей не достаточно популярны, но в каждом номере журнала всякий читатель найдет для себя много интересного и получит возможность следить за успехами науки в разных отраслях жизни. Большой интерес журналу придает масса разного рода

приложений, составляемых известными русскими учеными или под их редакцией. Особенность этих приложений заключается в том, что они все более или менее систематичны. Так напр. в 1925 г. была дана в качестве приложения „библиотечка знания“ из 12 небольших книжек (до 100 страниц каждая) по главнейшим отраслям науки, в том числе напр. таких авторов, как: В. Бехтерев, „Работа головного мозга“, проф. О. Хвольсон „Теория относительности Эйнштейна“, проф. Н. Сум „Успехи современной химии“, проф. А. Генкель „В мире незримых работников природы“, инж. В. Гуров „Как самому построить приемную радио-станцию“, прив.доц. К. Серебряков „Микроскоп и как его самому сделать“ и т. д. В 1926 году был дан в приложении „Энциклопедический словарь“ большого формата (2892 столбца) с массой иллюстраций, более полный, чем известный „Энциклопедический Словарь“ Ф. Павленкова, и вместе с тем почти в два раза более дешевый, чем тот. Затем была дана библиотечка интересных путешествий. 10 книжек с рисунками. В нее вошли наиболее выдающиеся путешествия последнего времени: Свен Гедина, Эндрюса Моор Тэйлора и др., а кроме того повесть из жизни первобытных людей „Жертвы дракона“, очень живо написанная известным русским этнографом и поэтом В. Тан-Богоразом и весьма остроумный научно-фантастический роман инж. В. Д. Никольского „Через тысячу лет“, роман, который мы не боимся рекомендовать читателям, так как он очень умно и красиво ставит перед нами целый ряд самых существенных вопросов науки, философии и социальной жизни. За последний год „Вестник Знания“ дал еще более крупные приложения: четыре больших тома (по 800 страниц) настоящей научной энциклопедии: 1. „Итоги науки“ (Современное учение о Вселенной, новые идеи в физике, химии, геологии, биологии, физиологии человека, антропологии, технике, языковедении,

в изящных искусствах). Этот труд дает сводку крупнейших достижений науки за последние 20 лет. Второе большое приложение под названием „Вселенная и человечество“, посвящено истории науки и научных открытий в связи с историей мироздания и представляет собой необходимое дополнение к вышеупомянутому труду. Третий том, — „Природа и люди“, — содержит описание путешествий в разные страны за последние годы, в том числе очень интересные и в свое время прогремевшие путешествия академика П. Козлова, Нансена, Н. Кулика, акад. Ферсмана и др. Наконец, четвертое приложение, — „Народы мира“, — представляет собой систематическое описание человечества и разных форм его культуры, начиная от низших. Таким образом „Вестник Знания“, со всеми своими приложениями, представляет собой целую библиотеку старательно составленную и довольно опрятно изданную. Мы думаем, что такие издания не только полезны, но и необходимы для каждой общеобразовательной библиотеки. Подписная цена „Вестника Знания“, со всеми приложениями, 12 рублей в год (для СССР), без приложений — 6 рублей. Адрес редакции: Ленинград, Стремянная ул. дом № 8.

Как мы отметили выше, не все статьи „Вестника Знания“ одинаково популярны. Поэтому для начинающих читателей в каждой библиотеке должны иметься более популярные научные книжки. В этом отношении заслуживают внимания книжки Н. К. Лебедева. Имя этого автора хорошо известно, как одного из друзей П. А. Кропоткина и одного из основателей Кропоткинского музея в Москве. Мы рекомендуем следующие книжки: 1. „Почему надо считать время по новому календарю“, 48 стр., 10 коп.; 2. „Как произошла земля“, 42 стр., 15 коп.; 3. „Как измерена и взвешена земля“, 45 стр., 15 коп.; 4. „Как люди в первый раз обехали вокруг земли“, 45 стр., 15 коп.; 5. „Камень, глина и песок“, 47 стр. 10 коп.; 6. „Как рождаются и умирают горы“, 45 стр. 20 коп.; 7. „Почему бывают землетрясения“, 46 стр. 10 коп.; 8. „Когда будет конец света“, 45 стр. 10 коп.; 9. „Белый уголь“,

47 стр. 20 коп.; 10. „Наши леса“ 133 стр. 90 коп. Все эти книжки очень богаты фактами, интересно подобранными, а факты наглядно и живо описаны. Описание их сделано весьма простым языком, фразы короткие, иностранных и малоизвестных слов почти нет. Все эти книжки изданы Государственным Издательством и их можно выписать из Торгового Сектора Госиздата (Москва, Богоявленский Пер. д. № 4). Для читателей, уже обладающих знаниями в пределах Общеобразовательной школы, укажем превосходную серию научно-популярных книжек, изданную книгоиздательством „Время“ (Ленинград, Троицкая, д. № 4), под общим названием „Занимательная Наука“. Это серия — единственная в своем роде и прямо таки незаменима для тех читателей, которые желали бы пополнить и углубить свои чересчур элементарные знания. Читая эти книжки, скучать невозможно. Цель серии — „в увлекательной, свободной от всяких шаблонов формѣ незаметно ввести читателя в круг идей, соответствующих наук“, — оживить школьную науку, вводя в нее новые идеи, новейшие успехи науки, мало-известные факты, интересные задачи, занимательные упражнения, небольшие для всех доступные опыты, и таким путем продвигать читателя в понимание каждой отрасли знания все более и более глубокое, реальное и жизненное. Как известно, более всего захватывает читателя та книга, которая действует не только на его ум, но прежде всего на его чувства. Серия „Занимательная Наука“ организована так, что заставляет читателя работать самостоятельно, развивать его комбинационную способность мысли и чувства, и внедряет знания действительно точные. Вот какие книжки вошли в эту серию: 1. „Занимательная арифметика“, 190 стр., 1 р. 50 коп.; 2. „Занимательная геометрия“, 224 стр., 1 р. 60 к.; 3. „Занимательная физика“, Ч. 1. 240 стр., 1 р. 65 коп.; Ч. II. 272 стр. 1 р. 65 коп.; 4. „Занимательная электротехника“, Ч. 1., 190 стр., 1 р. 45 коп., Ч. II. 143 стр., 1 р. 20 коп.; 5. „Занимательная химия“, 192 стр. 1 р. 20 к.; 6. „Занимательная ботаника“, 162 стр. 1. 50 коп.; 7.

„Занимательная зоология“, 192 стр. 1 р. 60 коп. В ту же серию вошла еще одна, очень оригинальная книжка Н. Шульговского: „Занимательное стихосложение“, 134 стр. 1 р. 10 коп.; № № 1, 2, 3 — составлены Я. Перельманом; № № 4, 5, — инженером В. Рюминым, № 6 — А. Цингером, № 7 — проф. А. Никольским. Шульговский поставил своей целью „познакомить любителей стихотворных шуток, курьезов, загадок, шарад, стихотворных игр и т. п. с прикладными стихотворными формами. Не всем известно, что таких форм — бесконечное множество и некоторые из них чрезвычайно курьезны (анаграммы, омонимы, логотрифты и т. д.). В приложении к книжке даны основные сведения, необходимые для построения правильного стиха, и по ним всякий желающий может выучиться правильному стихосложению, что, разумеется, еще не делает настоящего поэта. Одна из особенностей этой превосходной серии состоит в том, что она вводит читателя в понимание отвлеченных идей через практическое преодоление фактов, и развивает логику читателя, заставляя упражнять его ум над реальностью, а не над словесными измышлениями.

Логическим продолжением отдела естествознания является отдел психологии, в который входят книги о духовной (субъективной) жизни человека и человечества. Уже настали такие времена, когда каждый из нас должен серьезно знакомиться с этой областью жизни. К сожалению, до сих пор не имеется таких книжек по психологии, которые были бы понятны и интересны самому начинающему читателю. Превосходная для своего времени книжка П. Кантерева „Педагогическая психология“ (в особенности ее I-е издание), чрезвычайно устарела и уже стала библиографической редкостью, а новых в том же роде не имеется. Из числа вновь вышедших книг хорошим введением в понимание психической жизни человека представляет собою для более подготовленных читателей небольшая книжка И. Шпильрейна „Профессиональный отбор“, изд. „Экономическая жизнь“, (М. 115 стр. 1 р.).

Автор на примере работающего человека выясняет все практическое значение психологии для понимания окружающей обывденной жизни и для экономизации нашего времени и сил в процессе труда. Что такое личная пригодности работника к такой-то работе? Как измерять эту пригодность и вообще духовные способности человека? Как сортировать разные человеческие профессии по отношению к этим особенностям каждого из нас, и как сортировать рабочих по разным профессиям, ставя каждого на наиболее подходящее для него место в производстве, в целях под'ема его заработка и экономизации сил и времени? Вот вопросы о которых идет речь в этой интересной книжке. Ее расширением являются: „Очерк психологии“ д-ра С. Кравкова (М. изд. „Работника Просвещения“, 1925 г. 184 стр., 1 рубль) и Л. Выгодского „Педагогическая Психология“. М. Изд. „Работника Просвещения“, 1926 г. 348 стр., 2 р. 25 к.). Первая из этих книжек написана более простым языком, чем вторая. Обе подводят итоги новейшим научным работам по психологии. Вторая более проникнута марксизмом, чем первая. Обе дают много сведений о самых обывденных физических явлениях, что научно выясняет их закономерность.

Естественным продолжением психологического отдела является отдел о языке (лингвистика), как об одном из главнейших факторов духовной жизни и человека, и человечества. Превосходным введением в эту область знания, с которой должен быть знаком тоже каждый из нас, является небольшая книжка Р. Шора „Язык и общество“ (М. изд. „Работника Просвещения“, 1926 г. 152 стр., 1 р.). Автор рассматривает в ней человеческий язык как результат общественной жизни, как отражение социального строя, как нечто изменяющееся в зависимости от условий места и времени. В книжке собрано масса очень интересных, а иногда и поразительных фактов, и автор сумел изложить их довольно живо, увлекательно и конкретно. Продолжением, углублением и, пожалуй, необходимым дополнением к этой книжке явля-

ется тоже небольшая книжка проф. Д. Ушакова „Краткое введение в науку о языке“ (М. изд. 7-е „Работника Просвещения“, 1925 г. 145 стр., 85 коп.). Эта книжка дает основательное понятие о способах научного исследования всех главнейших явлений словесного общения людей с людьми, о сущности и о происхождении речи, о закономерности словесных явлений, о составе языка из разных звуков, слов, фраз, о различии языков, на земном шаре существующих. Язык этой книжки менее популярен, чем предыдущей.

Естественным продолжением отдела о языке является отдел воспитания и образования, педагогики, который представляет собою не что иное, как прикладную психологию. Эта наука безусловно необходима не только для тех, кто учит, но и для тех, кто сам учится. В целях общего самообразования, самое практичное — знакомиться с отделом педагогики, начиная с ее истории, а не с ее теории, потому что история воспитания, обучения и образования раскрывает общую картину грандиозных и многострадальных стремлений целого ряда искреннейших, самоотверженнейших друзей человечества к совершенствованию духовной и физической природы человеческой личности и социального строя, стремления поднять умственный и нравственный уровень и заложить таким путем фундамент будущего (как мы все до сих пор надеемся) более светлого и к нам, людям, более справедливого и доброжелательного строя общественной жизни. О таких стремлениях друзей человечества дает отчетливое понятие, во-первых, книжка проф. А. Пинкевича „История Педагогики Краткий очерк“ (М. изд. „Пролетарий“ 1927 г., 197 стр., 2. р. 90 к.), а во-вторых, двух-томный труд Е. Медынского „История педагогики в связи с развитием общества“. (М. изд. „Работник Просвещения“, 2 т.т. 1925—1926 г., 312 и 323 стр. 4 р. 75 к.). В обеих книжках история человеческого образования рассматривается с точки зрения трудящихся классов и их интересов, и, таким путем, в затхлую область казенной и па-

блонной школы вносится новая, свежая и живая струя. Обе книжки написаны довольно популярно.

Безусловно необходимо рассматривать наше образование и самообразование в неразрывной связи с общим укладом социальной жизни человечества, в вихре которой мы все несемся. Одним из главнейших факторов этой жизни является, как известно, борьба классов. Обращаем внимание на преобладающий труд П. Дроздова „Очерки по истории человеческой борьбы в Западной Европе и в России“ (М. изд. „Работника Просвещения“, 1928 г., 416 стр., 2 р.). Кто не знает, что прежние учебники по истории России почти не касались борьбы классов, хотя она и представляет собой один из основных и главных двигателей всемирной истории, и не только новейшей, но и древней. Книжка Дроздова, очень живо написанная, богата фактами, язык ее конкретен и прост. Автор освещает современную историю с точки зрения классовой борьбы, начиная со средневековья и кончая русской революцией 1917—1927 г.г. Правда, автор несколько перегибает палку в свою сторону, но если припомнить, во что превратила историю старая официальная школа в эпоху царизма, нельзя не признать книгу Дроздова безусловно необходимой для всех стремящихся к самообразованию.

За последнее время, в связи со столетием со дня рождения Л. Н. Толстого, появилось не мало книг о нем и о его литературной и философской деятельности. Среди таких книг заслуживает большого внимания обширное и подробное, строго-фактическое исследование Т. И. Полнера: „Лев Толстой и его жена. История одной любви“. (Париж, изд. „Современных Записок“, 1928 г., 236 стр.) Обращаем внимание наших читателей на этот интересный труд. Кто не знает, до какой степени тесно связана вся творческая работа Л. Толстого, как литературная, так и философская и религиозно-этическая, с его интимной, личной и семейной жизнью, и какие глубокие следы оставила в этой последней душевная драма ве-

ликого писателя. Точка зрения автора видна из следующих его слов: "В мою задачу вовсе не входят ни реабилитация памяти гр. Софьи Андреевны, ни установления виновных в трагедии жизни Толстого. Я сознательно не углубляюсь во многие опубликованные подробности. Деликатной темы супружеских отношений я касаюсь лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания творения Толстого и в особенности — эволюции идей его проповеди. При этом я стараюсь быть беспристрастным". Далее в предисловии к немецкому изданию, автор говорит: „Я пытаюсь подойти к Толстому не складывая молитвенно рук. Для меня он человек (правда гениальный), которому не чуждо ничто человеческое. Опровергать его идеи я предоставляю ему самому. Смена фаз духовного развития Толстого переплетена (как и у всех людей) с обстоятельством его интимной жизни. Вот отчего я взял фоном моего рассказа историю семейных отношений Толстого. К тому же, тема эта — самостоятельно и с возможною полнотою — еще мало изучена". У автора была возможность пользоваться не только печатными источниками, — он заглядывал и в неизданные дневники Толстого и в рукописные воспоминания о нем. Книга Л. Полнера лишний раз доказывает, до какой степени Л. Толстой выстрадал свою моральную и религиозную философию. В новейшей литературе о Л. Н. Толстом эта книга уже заняла видное место.

Только что вышел литературно-научный и художественный сборник „Гул Земли“, созданный Об'единенной Комиссией Ленинградского Бюро Секции Научных Работников, в целях помочь пострадавшим от крымского землетрясения (Лен. изд. "Красной Газеты", 1928 г., 160 стр., 1 р. 25 к.). Книга эта представляет собой изящный том большого формата со множеством хорошо исполненных рисунков, и довольно своеобразное явление

на русском книжном рынке: она объединяет в себе писателей разных стран, как западно-европейских (Ромэн Роллан, А. Форесть, Л. Мажон) так и русских (Е. Замятин, И. Соколов-Никитов, И. Эренбург, Г. Дымов) и более или менее различных направлений мысли (Н. Кареев, А. Луначарский, Н. Анцыферов, В. П. Семенов Тянь-Шанский, проф. О. Хвольсон). Читатель найдет в этой книге пестрый, но живой и интересный материал, — поэзию, беллетристику, музыку, живопись, научно-популярные статьи. Сборник составлен с большим вкусом.

В заключение порекомендуем нашим читателям три недавно изданные брошюры У. М. С. А. из серии "Христианство, атеизм и современность": 1. Проф. Н. Бердяев „О достоинстве христианства и недостоинстве христиан“, 29 стр.; 2. Проф. Б. Вышеславцев „Вера, неверие и фанатизм“, 30 стр.; 3. Проф. С. Франк „Материализм как мировоззрение“. Точка зрения всех этих авторов идет в разрез с теми авторами, о которых мы говорили выше. И тем не менее мы считаем необходимым рекомендовать эти издания УМСА нашим читателям, и не только потому, что это книжки честные, но главное потому, что все они принадлежат к числу таких, которые заставляют читателя передумывать свои собственные думы. Мы знаем из переписки со многими читателями, какую громадную пользу принесли и приносят им те книги, которые идут в разрез с их собственным мирозерцанием, и которые ставят основные вопросы жизни и мысли определенно, резко и искренне. Вдумываясь в такую книжку, сопоставляя каждую фразу и каждое слово ее со своим собственным мирозерцанием, читатель учится вдумываться, и в такой критике как бы выковывает свои собственные убеждения.

Н. РУБАКИН.

Лозанна 1928.

Октябрь

Д. АЛЕКСАНДРОВ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ МУЗЫКИ

Статья III.

Элементы, из которых возникло „музыкальное представление“, и те силы, которые формировали или задерживали его развитие, однородны как в России так и в Западной Европе.

В обоих случаях первоначальной основой представления явились два могучих источника — народная поэзия и остатки языческих обрядов в быте с одной стороны, и драматичность церковного служения и песнопений с другой... И так же как на Западе, и у нас самым сильным тормазом в развитии народной поэзии и музыки были церковные запрещения, а м. б. еще сильнее т. к. на Руси церковь шла теснее рука об руку с государством.

Но большое различие в том, что Запад столетиями самостоятельно вырабатывал технику музыки и театра — а нам она досталась готовой.

В течение одного столетия, от Алексея Михайловича до Екатерины II-й, вместе с необычайно быстрым темпом нашего общего исторического развития мы прошли и весь длинный путь от средневековой мистерии до Итальянской оперы.

Тем больше заслуга русской музыкальности, что ее не смогли уничтожить ни века гонений со стороны церкви и не смогли обезличить иностранные влияния. Получив готовый, большой материал, русская музыка, поразительно быстро использовав технику этого западного наследия, вызвала свой глубоко национальный характер с такой силой, что в настоящее время русская Опера с триумфом завоевала театры всех Европейских столиц.

Наше географическое положение — этана при переселении народов, — в самом начале нашей культуры создало тяжелые исторические условия, мешавшие возводить вековые, прочные поселения.

Наша лесные и степные просторы заменили нам укрепленные и украшенные зданиями города и Замки Запада.

Вопрос защиты разрешался проще — население бросало старые места и уходило в глушь и от готов и от восточных кочевников. В области искусства эти условия конечно отразились прежде всего на архитектуре.

Наш древний архитектурный стиль был деревянным. Недолговечный, он умер рано, и только по арабским источникам мы знаем, что страна наша когда-то звалась ими „Гардарик“ — страна городов.

Какова была эта архитектура и ее украшения, скульптура и живопись, мы можем только гадательно воссоздавать по немногим осколкам.

Но музыка зависит гораздо меньше от внешних условий, для ее создания нужна дунга и голос и только, и она оставалась единственным руслом, по которому беспрестанно лился поток народного творчества древней Руси. Может быть поэтому ни у одного народа нет такого богатства песни как у нас.

Народы Запада создавали каменные поэмы зданий, вкладывая в них весь экстаз, всю красоту, которая жила в их душах.

Нам ни история ни природа не дала возможности заставить камни петь в унисон с нашей душой, мы соборно творили песню с бытом и обрядом и она из всех видов нашего творчества самое сильное, родное и прекрасное.

Вот почему наши старейшие и лучшие песни — хоровые.

Поразительная сложность и разработанность хоровой, вокальной музыки далеко позади оставила музыку инструментальную.

В употреблении были гусли, домра, балалайка, из духовых свирель, дудка, рожок, и позднее с востока пришли зурна и бубны.

Нужно предполагать, что гусли и домра служили и как инструменты для аккомпанимента (см. „Слово о полку Игореве“), но пытались ли составлять из остальных инструментов оркестры нам неизвестно.

Когда на языческую Русь пришло христианство, оно неизбежно должно было вылиться в форму „перкви воинствующей“.

Это было отчасти в силу Византийской традиции той эпохи, отчасти по самой задаче — борьбы с язычеством.

Лишь гораздо позднее, в лице св. Сергия Радонежского христианство нашло свой национальный русский характер любовного тихого смирения, в начале-же по летописи:

„Путята крестил огнем, а Добрыня мечем“.

Церковность считала всякое проявление радости „ловушкой дьявола“. Песни, музыка, пляски и обряды были объявлены „служением бесовским“ и строго карались, и наконец монах летописец мог с удовольствием поведать: „молчание царствовало на всей Руси“.

Но это удовлетворение необосновано.

Начиная с 11-го и вплоть до 14-го столетия, повторяются и монастырские и гражданские и царские указы о карах земных и небесных за песни, сказки и игры бесовские. Очевидно быт был переполнен ими и борьба эта могла уменьшить, но не уничтожить неустранимую эстетическую потребность души.

Целый класс русских менестрелей: бахарей, петарей, гудочников и скоморохов были объявлены вне закона и в конце концов они стали объединяться в большие группы и ходили по Руси уже не только с „пиграми“, но и с разбоем.

Еще в 1657 г. по свидетельству Оленина, даже в самой Москве „патриарх велел собрать все музыкальные инструменты какие могли найти, ими нагрузили 5 возов, свезли на Москву реку на Болото и сожгли“.

И „не по одиножды всем вслух“ читан был указ государев о том, что „где объявятся домры и сурны, и гудки, и гусли и хари (маски) и то-б все велел вынимать и изломав те бесовские игры жечь“, а ослушников „бить батоги“.

Но указ одно, а жизнь другое.

Сам автор его, Царь Алексей, в последние годы сильно увлекся иноземным театром предоставив для него свои палаты.

Это увлечение и послужило началом русской сцены.

Зародыши театра были в песнях скоморохов, сопровождавшихся музыкой и пляской, причем персонажи маскировались соответственно изображенным типам. Позднее, очевидно с Запада проникла кукольная комедия. Были элементарные зачатки мистерий в обрядах „омовения ног“, „шествие на осла“ и в особенности в „печном действе“. При Алексее Михайловиче на юге появилась „Вертеп“, сохранившийся и до ныне в Галиции и у Карпатских русских.

В Киевской академии развивалась школьная драма, ее принесли с собой в Москву воспитанники академии — Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, Феофан Прокопович.

Русские послы привозили свои впечатления о театре из заграницы. Лихачев, бывший в 1658 году послом во Флоренцию, восторгался оперой, которую он там видел. Потемкин, посол при Людовике XIV, в 1668 г. смотрел не раз труппу Мольера.

Наконец приближенные царя — боярин Матвеев, Юдин Нащокин, Ртищев — люди передовые, водившие знакомство с иностранцами Немецкой Слободы поддерживали в Царе интерес к театру.

В результате всего, в 1672 г. Матвеевым был объявлен полковнику фон-Стадену царский приказ ехать в Курляндию и привести оттуда для царской службы разных добрых мастеров, в том числе и таких, которые бы „умели и всякие комедии строить“.

Попытку эту постигла неудача, курляндцы побоялись ехать в Россию и фон-Стаден привез только трубача и 3-х музыкантов.

Но начало было положено, и в том-же году царь указал „магистру Ягану Готфриду учинити комедию, а на комедию действовать из библии книгу Эсфирь и для того действия устроить хоромину вновь“.

Пока строилась в Преображенском хоромина, этот же „магистр Григорьев мартиносбургенский“ сочинял пьесу об Эсфире и Артаксерксе по немецким образцам и обучал 61-х детей русских и иноземцев (б. ч. от

торговых людей) театральному делу. Декорации были написаны датчанином Питером Инглисом. Наконец, после совета с своим духовником, оправдавшим эту небывалую дотоле на Руси затею на примере греческих императоров, царь в 1674 г. прибыл на первое представление „Артаксерксова действия“ и остался от него в восторге.

После этого первого представления был поставлен ряд пьес библейского характера и также „прохладных“ или „потешных“; и хотя по смерти царя Алексея Преображенская комедийная хоромина была закрыта, почва для дальнейшего развития театра была подготовлена и при Петре вновь возобновились представления и в Москве, с немецкой выписной труппой и в Преображенском при дворе царевны Натальи и в Измайлове у царицы Прасковьи Федоровны.

В Петербурге, стараниями царевны Натальи, большой любительницы, также был устроен театр, где уже были придворные русские актеры.

Наряду с ним возник простонародный театр, представлявший балаганные фарсы. Перечень пьес сохранившийся от того времени указывает на то, что собственно музыкальных представлений не давалось. Возможно, что музыка и пение сопровождали известные сцены, были в перерывах между действиями, но самостоятельной роли не играли.

Временно, после Петра театр заглох; главная причина — это отсутствие действительно художественной литературы нужной, близкой и понятной тогдашнему русскому обществу.

В царствование Анны Ивановны приезжали в Петербург немецкие „кушштастеры“ с театром марионеток и затем устроен был придворный театр с итальянскими актерами и пьесами, а наконец в 1736 году при дворе появилась итальянская Опера и Тредьяковский переводил для нея либретто. Первые шаги этого театра связаны с именем неаполитанца Франческо Арайя; в продолжении почти 2-х царствований Анны и Елизаветы, он руководил постановками и сам написал ряд опер, поставленных в театре

Зимнего Дворца. „Селевк“, „Митридат“, „Пиковая Дама“, „Милосердие Тита“, „Кефаль и Прокрида“, или на русском языке в переводах Тредьяковского и по оригинальным либретто Сумарокова и Волкова.

Кроме Арайя, в этот период работали Санти Позизелло и Чимароза; понятно, что при господстве таких сильных иностранных талантов развитие музыки национального характера не имело под собой почвы. Но все же под влиянием тогдашнего фаворита Разумовского в обществе входила в моду русская песня и началось образование нескольких русских музыкантов. В это же время, в области театра появилась крупная русская фигура Федора Волкова, — ему приписывается первая русская опера „Танюша или Щастливая Встреча“.

Вслед за Волковым, в царствование Екатерины II, появился Е. П. Фомин (1741—1800), ученик Петербургской Академии Наук, закончивший свое образование в Болонской Академии Музыки.

Он написал на либретто Имератрицы „Боеславич Герой Новгородской“ музыку в 5 актах и был назначен директором Придворного Театра.

В это же время итальянское влияние было ослаблено появлением французской оперы в Петербурге.

Фоминим было написано много опер по русским либретто: в 1772 „Анюта“ либретто Попова; проблематичности Волковой „Танюши“ дает право предполагать „Анюту“ первой русской оперой. За ней последовали: „Добрая Девка“ либр. Матинского, „Перерождение“, „Мельник-Колдун“ в 3 актах либр. Аблесимова — любимая опера 18-го века, и до сей поры не сошедшая со сцены; одноактная „Убедительное Красноречие Любви“ либр. Николаева, „Колдунья“, „Замужняя“ в 3-х актах. В год его смерти появились 2 последних оперы „Американцы“ по либр. Клаушна и „Хлоринда и Милин“ либр. гр. Канниста. Общее число написанных им опер предполагают 26, но многие писались им под псевдонимом из боязни интриг и неуспеха, настолько еще русское музыкальное имя было непопулярно и было загнано влия-

нием всемирных иностранцев. У него на глазах развернулась трагедия М. С. Березовского. Березовский окончил Боловскую академию, он обладал большим талантом и исключительным голосом, его борьба с всемирными итальянцами кончилась самоубийством.

Музыка „Анюты“ Фомина была любительской, ему не доставало техники. Хоры отсутствуют, дуэты — униссон 2-х голосов лишь в конце фраз скрашенный терцией. Но его Анюта поет русские народные песни и слышать их впервые со сцены было ново и вызывало вполне естественный энтузиазм как свое родное и национальное, получившее наконец признание на той же сцене, откуда раньше звучали лишь итальянские мотивы.

В „Американцах“ написанных 13 лет спустя виден уже заметный технический прогресс — введены хоры, дуэты разработаны лучше, на всей вещи заметны новые влияния — Моцарта.

М. Маминский написал несколько опер в том числе „Гостинный Двор“.

В. Паскевич пользовался покровительством Екатерины. Он написал несколько романсов и оперу „Царевич Февей“, на либретто Императрицы, посвященной ее любимому внуку А. И. Следующая опера Паскевича „Федула и ее сыновья“ была написана в сотрудничестве с Винченцо Мартини. По другому либретто Екатерины „Князь Олег“ им написана была опера в сотрудничестве с Карит и Капиабю. Некоторые мотивы из нее знакомы и по сей день — как „Славься“. После этого он написал „Два Антона“ и „Скупый“. Паскевич не обладал талантом Фомина, но у него богаче техника и больше использованы темы русской песни.

Пропуская второстепенных композиторов 2-й половины 18-го века, нужно упомянуть о Бортнянском. Кроме его церковной музыки, которая и до сих пор еще сопутствует богослужению, им были написаны 4 оперы, две на итальянский текст „Альцид“ и „Квинт Рабий“, и две на французский „Сын Соперник“, и „Сокол“.

Из всех иностранцев работавших в обла-

сти музыки в России этого периода, наибольшую роль сыграл Кавос. В противоположность своим соотечественникам, он все силы своей громадной работоспособности и таланта отдал на служение молодой русской музыке. Почти все его оперы числом до 30 написаны на русские либретто и сюжетом их служат или русская история или предания фольклора: „Русалка“, „Илья“, „Поэт Казак“, „Иван Сусанин“, „Добрыня Никитич“, „Жар Птица“, „Светлана“, „Молодость Иоанна III“, „Мирослава“ и т. д. Занимая должность дирижера французской, итальянской и русской оперных трупп, он не отдавал предпочтения своим соотечественникам и много положил труда по созданию русских артистов. Труды эти отнимали у него все время и неудивительно если он как композитор не всегда оригинален и выразителен. Влияние Моцарта, Шерубини и национальной русской песни сливаются в его произведениях. Не малую роль в этом эклектизме играли конечно и вкусы тогдашнего общества. Национальное в музыке было еще совершенно не осознано и если оно проявлялось, то чисто стихийно, для публики же было вполне достаточно если итальянских персонажей с итальянской музыкой пересаживать в русские костюмы. То же смешение стилей характеризует весь старый 18-ый век начиная с языка и кончая всеми мелочами быта.

Следующее поколение гораздо сильнее чувствовало свое родное, национальное; западный угар, впечатления новизны понемногу ассимилировались, принимали формы более близкие русскому обществу; безапелляционность всего иноземного встречала оппонента в просыпающемся сознании, апофеозом которого явился 1812 г.

В музыке это отразилось на творчестве преемников Екатерининской эпохи А. Н. Верстовского, братьев Титовых — Алексея и Сергея (впоследствии сына Н. А. Титова прозванного „родоначальником русской песни“) и А. А. Алябьева.

Верстовский написал оперу „Пан Твардовский по либретто Загоскина, „Вадим“ на поэму Жуковского „Тоска по родине“

„Colline Limitrophe ou Le Reve eveille“ „Громобой“ и лучшее свое произведение и и до сих пор не сошедшее со сцены „Ас-кольдова могила“.

Этими именами заканчивается эпоха большой подготовительной работы. За полтора года, на русской почве рос, развивался и креп иноземный ребенок — учился чувствовать и говорить по русски, проникал в богат

ство русской народной песни и в начале следующего периода в лице Глинки неожиданно явился взрослым мужем, с головы до ног национальным.

Оперой Глинки „Жизнь за Царя“ начался новый период русской оперы.

Д. АЛЕКСАНДРОВ.

Нью Йорк.

СЛОВО О КРАСНОМ.

“Древние майи говорили, что в лесной глуши сидит существо, одетое в красное. Оно всегда молчит, и если путник, сбившись с дороги, спросит его, как выйти из леса, существо, одетое в красное, начинает горько плакать. Оно плачет потому, что не знает выхода из глуши лесов“.

К. Бальмонт.

В городе хрустальная зима.
И метелица сутулится.
В безпредельной дали улицы
Стынут серые дома.
Где то в центре. В центре города,
Где гуляет в зевах площадей
Мерзлый мрак, раскинув бороды
Умерших, заиненных лучей.
Там, в морозном воздухе кристалле
Выступало на канве веков,
Разлегшись на алом пьедестале
Некое немое существо.
Посреди таинственного города,
В пурпуре, в рубиновом венце,
В электрических озерах золота
Точно в чудном и невиданном дворце.
А кругом немеет даль метели,
Сфинксом улицы бездомные глядят.
Без живого, только тени сели
Растянувшихся, томительных громад.
Может кто-нибудь, издавав плутни...
В бездорожьях, в городе один,
Прибретет заблудший путник,
Вдруг, из лабиринта паутин.
Прибретет и ниц упавши,
Чувствуя, что видит мудреца,
Спросит путь до дальних башен,
Спросит путь из мертвого кольца.
Под свинцовой тяжестью вопроса
Встрогнет, сгорбится столетним стариком,
Выпадет из рук дрожащих посох
Жалкой власти данный от веков.
Ниспадут рубиновые сферы,
Пред вопроса огненной стрелой,
Пустота откроется без меры...
Станет плакать в пурпуре оно.

СЕРГЕЕВ.

М. И. СУК.

КРИТИКА „ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПЛАТФОРМЫ“

Анархическая истина не может и не должна стать монополией личности, или комитета.

Э. Малатеста.

Непомерно веселит русского человека всякая общественная скандальная сумма.

Ф. Достоевский.

Проект аршиновской „Организационной Платформы Всеобщего Союза Анархистов“, датированный 20-м июня 1926 года, вызвал в анархической среде страстную полемику, напоминающую скорее всего споры уличных людей, нежели спокойное и обдуманное обсуждение серьезных и важных вопросов анархической теории и практики.

Желание аршиновцев во что бы то ни стало навязать проект „Платформы“ всему анархическому движению наткнулось на не менее решительное сопротивление со стороны целых анархических организаций, групп и отдельных товарищей.

Если в „Платформе“ аршиновцы видели панацею, которая излечит анархическое движение от всех его недугов, недочетов, пробелов и сообщит ему новые силы, увеличит его удельный вес и влияние на ход общественных событий, то противники аршиновцев усматривали в ней новую попытку нескольких горячих голов скомпрометировать анархическое движение, еще более разрознить, дезорганизовать и следовательно — разложить и ослабить его, придавая ему антианархические формы, и внося в него чуждые элементы партийности и замаскированного в анархическую фразеологию властнического духа.

И теперь, после более нежели 2-х летних попыток перестроить анархическое движение по своему образцу, можно подвести итог их достижениям. Эти достижения, во всяком случае, не особенно утешительные. Аршиновцы за этот довольно продолжительный срок не только не смогли создать прочного анархического коллектива или анархической партии, действующей по директивам

из парижского центра, но чем ближе подходили к поставленным задачам, тем больше они сами страдали от недугов дезорганизованности и слабости, которые собирались лечить в анархическом движении.

Желательного объединения вокруг аршиновского проекта не получилось. „Платформа“ не собрала, а еще более распылила и дезорганизовала анархическое движение. В Соединенных Штатах, разумеется, все анархисты, осмеливающиеся не признавать догматы аршиновского проекта, давно уже объявлены „контр-революционерами“, „фашистами“ и т. п.

Но какими мотивами может быть объяснен раскол, происшедший в „Группе Русских Анархистов Заграницей“ — авторе „Платформы“, и выступление против нее Соболя, Флешина, Шварца, Лиш, Романа, Эдваньяна и Волина, — особенно последнего — бывшего участника махновского повстанческого движения?

Для нас, волинский „единный анархизм“ — попытка синтеза трех анархических течений — является прототипом аршиновского проекта „Платформы“ в несколько упрощенном и изуродованном виде.

И Волин и Аршинов требуют от анархистов различных течений объединения и совместной работы на почве какой-нибудь одной идеи, на одном каком-нибудь определенном базисе: Волин — на понятии единства анархизма; Аршинов же — на целостности партийного анархизма. Существенного расхождения во взглядах между двумя этими последователями монастического понимания анархизма как будто бы нет. Правда, волинский монаизм менее ограниченный и узкий — поскольку он признает известные положительные стороны во всех трех главных анархических разветвлениях — анархизме-коммунизме, а. — индивидуализме и а. — синдикализме, в то время, как в аршиновской „Платформе“ нет признания

всем другим анархическим течениям, кроме анархо-коммунистического, понимаемого аршиновцами очень своеобразно, шиворот на выворот.

Эта духовная идеологическая близость, однако, не могла предупредить конфликта между волинцами и аршиновцами, принявшего характер страстного и не товарищеского спора, в котором прежние соратники по работе на Украине и единомышленники стараются не столько убедить в правоте своих позиций, сколько очернить и оклеветать друг друга перед лицом всего анархического движения.

И полемические выпады, которые приходится читать на страницах органа аршиновцев „Дело Труда“ нельзя иначе называть, как соревнованием на перебранку, которая, конечно, ничего не доказывает и только говорит о нравственном убожестве и низкопробности приемов авторов статей, направленных против людей, не разделяющих их взглядов.

Аршиновская „Платформа“, как было уже отмечено, не сплотила и не укрепила парижскую группу русских анархистов, а разединила и распылила ее. Прежние друзья и соратники Аршинов, Волин и Махно оказались врагами, ополчившимися друг против друга.

До появления в свет „Платформы“ существовали более-менее сносные отношения между парижцами и русскими анархистами в Америке. Несмотря на то, что эти последние преимущественно принадлежали к кропоткинскому анархо-коммунистическому течению, а волинско-аршиновская группа стояла на противоположной точке зрения „единого анархизма“, эти казалось бы важные принципиальные расхождения несколько не мешали установлению товарищеских отношений и тесного сотрудничества между теми и другими.

Волин, Аршинов, Махно и другие парижские анархисты не станут отрицать, например, того, что после высылки их или бегства из СССР в Европу, русское анархическое движение в Америке (те-же самые „фашисты“, „контр-революционеры“ и т. д. —

по терминологии Аршинова) собрали крупные суммы на освобождение Махно из тюрьмы, и на помощь тем же самым аршиновцам и волинцам, которые теперь за все это бросают в нас комями грязи.

Гармоничность отношений впервые была нарушена попыткой Волина издавать в Берлине „Анархический Вестник“, предназначенный, главным образом, для обслуживания анархического движения в Сев. и Южной Америке. Особенной потребности в большом толстом анархическом журнале не могло ощущаться в Америке потому, что в ней издавались ежемесячный журнал и еженедельная газета, поглощавшие почти все наши материальные средства и интеллектуальные силы. Оказание поддержки „Анархическому Вестнику“ было бы равносильно прекращению своих собственных периодических изданий, без которых не могло обойтись наше движение.

Таким образом, предreshалась судьба „Анархического Вестника“, закрывшегося после выпуска нескольких номеров.

Нужна ли была эта бесплодная попытка и способствовала ли она укреплению и сплочению анархического движения в Америке? На эти вопросы приходится ответить отрицательно. Издавая журнал, так сказать, явочным порядком, без согласия на то американского анархического движения, волинцы, переоценившие свои силы, вносили дисгармонию в это движение и подрывали его единство. В то время, как американское анархическое движение (русское, конечно), вело себя строго нейтральным образом в отношении заграничной группы русских анархистов и не вмешивалось в ее внутренние дела, волинцы и аршиновцы в отношениях с нами не желали удовлетворяться простым сотрудничеством и постоянно стремились к интервенции в наше движение.

Отношения с волинцами и аршиновцами оказались еще более натянутыми после известного Аршиновско-Гореликовского инцидента. Избиение Горелика Аршиновым не могло встретить одобрения со стороны американских анархистов. Не входя в разбор вопроса по существу о том

— был ли в данном случае прав нападавший, или пострадавший, американское движение не одобрило, однако, кулачной расправы в качестве средства разрешения возникающих в анархической среде недоразумений, и единодушно осудило поступок Аршинова, как недостойный человека, именующего себя анархистом. Все это, конечно, очень не понравилось Аршинову, писавшему целые трактаты в защиту мордобития.

По первоначальной мысли, журнал „Дело Труда“ должен был быть органом для обслуживания анархического движения в СССР, где большевицкая диктатура задушила все анархические периодические издания. Помочь проникновению анархического печатного слова в СССР — долг каждого анархиста. Но может ли быть успешной наша пропаганда в Советском Союзе или где бы то ни было, когда в этом журнале почти отсутствуют статьи агитационные и по вопросам анархической теории и практики и на 99% он заполняется статьями со злобными нападками и выпадами против американских анархистов.

Аршиновская „Платформа“, главным образом, восстает против анархической „дезорганизованности“. Отсюда, по мнению автора „Платформы“, — слабость анархического движения, жалкое его состояние, эпизодичность и т. д.

Самым главным недостатком автор „Платформы“ считает „отсутствие в анархическом мире организационных начал и организационных отношений“. Подобное утверждение не соответствует, однако, действительному положению вещей. Анархическое движение как в России во время революции, так и за-границей, всегда носило и носит организованный характер.

Анархисты на Украине были объединены вокруг организации „Набат“. Махновское повстанческое движение тоже нельзя назвать неорганизованным движением. Существование Всероссийской Федерации Анархистов, Федерации анархистов - синдикалистов „Голос Труда“ и многих других

анархических объединений, возникших во время революции как раз говорит об обратном и опровергает голословное утверждение Аршинова и других пессимистов о распыленности и неорганизованности анархического движения.

Правда, в России вследствие многих, неблагоприятно сложившихся обстоятельств, оно не могло проявить себя в более-менее широком масштабе и овладеть ходом событий. Но нельзя отрицать того, что анархисты в русскую революцию сказали свое слово и сыграли крупную роль в защите ее от контр-революционных поползновений.

Умалять роль анархистов в русской революции, признаваемую почти всеми политическими партиями, которым анархисты очень много мешали, — значит сознательно искажать всем известные исторические факты.

Во всех странах, где это возможно по полицейским условиям, анархическое движение принимает организованные формы. Итальянское анархическое движение, до фашистского переворота, представляло крупную организацию, которая руководила захватом фабрик и заводов.

Нельзя сказать, что анархическое движение находится в состоянии дезорганизованности в Германии, Франции и других европейских странах.

В Соединенных Штатах, до Палмеровского разгрома, русские анархисты были объединены в Федерацию Союзов Русских Рабочих. Уцелевшие остатки сгруппировались вокруг „Волны“. Когда было решено перейти от групповой подпольной работы к легальной после ликвидации групп, примыкавших к Федерации Анархистов-Коммунистов, анархисты стали вступать в рабочие „беспартийные“ организации, приспособленные для легальной работы.

Русское анархическое движение в Америке всегда было организованным и объединенным. Если-бы американские анархисты действовали вразброд, то они не могли бы проделать большой работы в прошлом (издательской и пропагандистской) и продол-

жать ведение ее до настоящего времени (издание ежедневной газеты, периодического журнала и т. д.), несмотря на все препятствия, чинимые ушедшими из наших рядов товарищами.

Аршинову и другим „спасителям“ анархического движения было хорошо известно об организованности американского анархического движения. Эта организованность больше, всего и не нравится аршиновцам. Для борьбы с этой организованностью и была пушена в оборот аршиновская „Платформа“, рассчитанная на внесение дезорганизации в наши американские организации.

Против „организационных начал и организационных отношений“ в данном случае восстают не американские анархисты, а „объединители“ аршиновского типа. Это им, в целях извращения анархизма и разрушения существующих анархических организаций, надо было провозгласить анархическое движение дезорганизованным, чтобы иметь возможность подменить подлинный анархизм какими-то аршиновскими поддельными измышлениями.

Аршиновцы почему-то благоволяют перед словом „партия“. Этот чудодейственный талисман, по их понятиям, избавит анархическое движение от всех зол и бед, уничтожит разногласия, придаст этому движению новую жизненность и силу. Но разве практика большевицкой и других политических партий не дает нам доказательств бесплодности подобных упований? Строго централизованная большевицкая партия бессильна, например, сохранить партийное единство, постоянно нарушаемое различными внутрипартийными течениями и группировками, не разделяющими общей руководящей партийной линии, вступающими в конфликт с руководителями партийной политики. Партийная форма организации не спасла, например, от развала и разложения меньшевистскую и эсеровские партии, ибо жизненность того или иного общественного движения зависит не столько от того, хорошо или плохо оно организовано, а больше всего от своей сущности и содержания. Организация не главная, а второстепенная вещь. Сила вся-

кого общественного движения, в том числе и анархического, заключается в идеологических и программных построениях, а не в тех или иных организационных формах его.

В самом деле, может ли что-нибудь выиграть анархическое движение в целом от того, что, например, аршиновская балтиморская группа, состоящая из 2—3-х человек назовет себя Отделом N такой-то Всеобщей анархо-коммунистической партии? Увеличится ли сила и влияние анархического движения вследствие того, что подобное переименование аршиновских групп произойдет в Детройте, Нью Йорке и других городах? Вряд ли... Удельный вес аршиновских групп, зачисленных в партию, останется прежним. Никакого чуда, конечно, не случится. И это хорошо понимают американские аршиновцы, которые при всем своем сочувствии реформаторской деятельности своего „вожды“, упорно отказываются от переименовки в „партийных анархистов“ (на чем особенно настаивает Аршинов), предпочитая именовать себя „групповиками“. На своей конференции, состоявшейся 30 октября 1927 года, американские аршиновцы так-таки напрямик и заявляют, что они считают групповую форму организации „самой подходящей для своей работы и отрицательно относятся к попытке создания какой-либо новой формы организации“, т. е. анархической партии.

Здесь, кстати, не лишним будет остановиться на одном случае, выявляющем приемы, к которым прибегает Аршинов в своей „организационной“ деятельности. Этот новоявленный „спаситель“ очень строгий к другим, называющий всех неподчиняющихся ему „предателями и изменниками“, сам не особенно разобравшись в средствах, и является достойным учеником Лойблы.

Нечистоплотность аршиновской работы особенно ярко обнаружилась в его попытке навязать идею анархической партийности Федерации Русских Рабочих Организаций Южной Америки. В самом предложении подобного рода ничего зазорного, конечно, нет. Предлагать можно, разумеется, все. Но в данном случае Аршинов представил идею создания партии анархо-коммунистов не в

качестве своей выдумки, требующей обсуждения и одобрения, а как совершившийся факт, принятый американским анархическим движением („рассветовцы“, как мешающие планам Аршинова, были объявлены им „изменниками“ и в счет не принимались), с которым аргентинцам только остается примириться.

Словом, Аршинов произвел смелую вылазку против аргентинского анархического движения и, запугав его „дезорганизованностью“ и „изменой“ рассветовцев, рассчитывал на легкую победу и захват аргентинской Федерации под свой партийный контроль.

В письме на имя аргентинской Федерации РРОЮА, от 26-го июня 1927 г., (см., „Г. Т.“ от 1-го июня 1928 г.), Аршинов возвещает о превращении группы Русских Анархистов Заграницей в „Исполнительное Бюро по созданию Русской Анархо-Коммунистической Партии“. Провозгласив себя руководящим органом, центром партии анархистов-коммунистов в явочном порядке, парижцы сообщают об этом аргентинцам. Не спросив раньше мнения аргентинских анархистов, парижская группа на свою ответственность принимает такое важное решение общего характера, как создание анархической партии, и только задним числом желает узнать мнение аргентинцев по этому вопросу.

Чтобы хотя отчасти скрыть единолич- ный характер своего решения, Аршинов в том же самом письме уверяет аргентинцев, что это решение было принято группой после того, как она заручилась „согласием и мандатами сочувствующих ей организаций и отдельных товарищей...“

Аршинов, однако, благоразумно не упоминает ни названий этих организаций, ни имен товарищей, ибо, очевидно, не на кого было сослаться.

В другом письме Аршинова на имя аргентинцев от 18 июля 1927 г. (См. тот же номер „Г. Т.“), написанном на ту-же самую тему о необходимости создания партии анархистов-коммунистов, имеется уже определенная ссылка на аршиновцев в Соед. Штатах.

„Наши северо-американские товарищи вполне присоединились к нашему мнению.

Реорганизация групп даже уже произошла и мы имеем там одну крепко спаянную организацию. Мы предлагаем также вам, товарищи, присоединиться к нашему плану. Мы просим вас обсудить наше предложение и создать у себя единую организацию — „партию“ — на основе нашей платформы“.

Это двусмысленное письмо аргентинцами было истолковано в смысле появления в Соединенных Штатах анархической партии, когда в действительности Аршинову хорошо было известно, что как на первой конференции, так в особенности на второй, идея переименования группового движения была определенно отвергнута его-же собственными сторонниками.

Но Аршинов, не брезгающий пезуитскими средствами, сознательно обманывал аргентинцев, уверяя их в том, что вопрос о создании анархической партии в Соединенных Штатах одобрен уже его сторонниками. Последних же он, по всей вероятности, уверял в том, что все аргентинцы в этом вопросе на его стороне. Словом, человек лгал, и занимался политической игрой, недостойной анархиста...

Аргентинцы, конечно, не были прельщены аршиновскими планами. Почти все аргентинские организации сразу-же поняли, что аршиновский тип партийной анархической организации таит в себе властнические элементы и опасные уклоны, извращающие самую сущность анархического учения.

Даже благосклонно отнесшийся к предложению Аршинова Культурно-Просветительный Кружок Р. Р. в Каруз, в своей резолюции говорит, что „анархо-коммунизм во всех видах и формах отрицает всякую власть“, а поэтому, по мнению членов этого Кружка, может быть ошибочному, и не следует бояться создания Анархо-Коммунистической Партии. (См. „Г. Т.“ от 1 июня 1928 г.).

Другие резолюции, напечатанные в том же номере „Г. Т.“, как раз не разделяют подобной точки зрения по поводу партийного „безвластия.“

Группа Р. Рабочих в Монтевидео (Уругвай), в своей резолюции говорит, что „создавая партию, хотя бы и Анархо-Комму-

нистическую, значит нужно будет создать и переходную стадию, которой без борьбы не бывает конца, что и заставит самих анархистов бороться против своего собственного осуществления..."

Еще в более резкой форме высказывается против анархической партии Союз Р. Рабочих в Комодоро-Ривадавия.

„Анархизм — идеал свободы — перестанет быть таковым, если его обуздать, т. е. надеть партийные рамки. Ясно, что всякая партия деспотична; всегда она опирается на грубую силу; что-то кому-то она должна приказывать, а некоторых наказывать. Стало быть в этой анархической партии должно получиться противоречие: свобода и равенство — для владык партии окажутся неприемлемы, и они в силу необходимости должны будут распространиться с лозунгом анархизма, как это случилось и в большевизме с коммунизмом. По нашему суждению, анархизм понес-бы большое поражение, если бы товарищи свободной мысли допустили обуздать себя партийностью... Не было бы опасности, если-бы эти тов. (Аршинов и др.) сделали так, как сделал Ярчук и прочие, т. е. вернулись бы в большевицкую, уже организованную партию, а не приклеивали бы яд властничества к великим идеям анархизма..." (См. там-же).

Нами уже было указано выше, что не столько само анархическое движение, сколько автор „Платформы“ страдает манией дезорганизованности, и что от этого порока не мешало бы прежде всего избавиться самому обличителю. Второй, не менее важный недуг анархического движения Аршинов усматривает „в извращенном представлении личного начала в анархизме, в отождествлении его с безответственностью“.

Почему Аршинову не нравится „личное начало в анархизме?“ Очевидно, по тем самым соображениям, по которым одному из царских министров народного просвещения не понравилось учение кухаркиных детей в гимназиях и университетах. Личное начало в анархизме предполагает за каждым анархистом право на самостоятельное мышле-

ние, известную свободу действий и критическое отношение к окружающему нас миру.

Анархист с собственной инициативой, мировоззрением, взглядами, не признающий к тому еще парижской „Платформы“, не может, разумеется, принадлежать к аршиновской ортодоксальной церкви, в которой превыше всего ценятся такие качества, как обезличивание индивидуума и послушание верховному руководителю анархической партии.

И еще очень часто Аршинов говорит о „безответственности“. Это слово у него не сходит с языка. Безответственными Аршинов называет всех анархистов, не признающих его юрисдикции. Если вы выступаете против „Платформы“, то одним этим ставите себя вне аршиновских законов, вы — лицо „безответственное“.

Миром „ответственности“ помазан только Аршинов и 2-3 его соратника, которых он еще не успел вытурить из парижской группы. Нельзя, однако, сказать, чтобы ответственность особенно мешала или стесняла вдохновителей анархической партии. Сознание „ответственности“ несколько не мешает Аршинову и его соратникам прибегать к клевете, науськиваниям, наветам и даже пускать в ход кулаки против других анархистов. И если бы в распоряжении Аршинова имелась контр-разведка, то, пожалуй, мы были бы свидетелями расстрелов.

И эти цинически безответственные люди говорят о какой-то ответственности, которой они сами никогда не признавали и не думают признавать.

Вакуини когда-то сказал, что „жизнь со всеми переходными вздыманиями и великолепиями находится внизу, в многообразии; смерть со своей вечной и несравненною монотонией находится вверху, в единстве“.

Ту-же самую мысль значительно позже, но более подробно, развивает французский философ Бергсон в следующих словах:

„Жизнь — это вечный подъем и в подъеме своем она характеризуется неизмеримостью, непрерывностью. И лишь тогда, когда творческий порыв падает, творческая

энергия иссякает, и исчезает **сплошность** жизни; когда жизнь, как единое и неповторное, распадается на части, раздробляется, обособляется в пространстве — тогда лишь жизнь уподобляется „вещам“. И тогда лишь учений может строиться „единство“ мира. Взор ученого прикован не к моменту подъема жизненного, а к моменту **распада**. Настигнув жизнь в упадочный момент, ученый опутывает ее паутиной, сотканной из логики, твердых тел, заключает ее обезоруженную в темницу „вещной“ логики. И только протестующий порыв к творчеству напоминает ученому, что „его сети притащили мертвеца“.

„Фактически единства нет: есть два пути, две противоположных стихии. Желющие же искусственно стереть эту, объективно данную, двойственность, должны естественно насиловать жизнь, они принимают патологический случай за норму, ибо только в момент упадка (декаданса) живое делается похожим на мертвое, на вещь, только тогда, наблюдается **единство**. (Из статьи „Бакунин и Бергсон“, Бюллетени Литературы и Жизни, 1914 г. июнь — 1, № 19).

С первого взгляда может казаться, что приведенные цитаты из плюралистических философских рассуждений Бакунина и Бергсона не имеют никакого отношения к существу данного спора.

Но это не так. Корни наших принципиальных разногласий гораздо глубже расхождений в вопросах анархической практики — организационных и тактических. Мы прежде всего восстаем против извращения аршиновцами теории и философии анархического движения, против втискивания этого движения в рамки монистической философии.

Волинский синтез является первой попыткой в этом направлении. В конечном итоге волинская философия синтеза отрицает право на самостоятельное существование других анархических течений, кроме „единого анархизма“. Отрицает эта теория, само собой понятно, за анархистом право „свое суждение иметь“, и поступать не так, как этого требует теория волинского „синтеза“.

Надо, однако признать, что, при всех своих недостатках и уклоне в сторону реакционного монизма, волинский „единый анархизм“ более гуманен и человечен, нежели аршиновская философия. Волин признает крупницы истины, некоторые положительные стороны во всех главных анархических течениях. Аршиновский же монизм огульно и безапелляционно все другие анархические учения отвергает, и провозглашает одну истину, один догмат, одну церковь, имеющую им анархо-коммунистической партией. „Нет иного бога, кроме Аллаха и Магомет — пророк его“. Нет иной истины, нет никакого иного анархического движения, кроме анархической партии и Аршинов — пророк ее. „Распыленность — преддверие смерти: сплошность — залог жизни и развития“, — так философствует Аршинов в своей „Платформе“.

Эта избитая „истина“, давно уже опровергнутая жизнью, все еще повторяется на тысячу ладов различными демагогами и деятелями, мечтающими о введении всеобщего единомыслия, одной веры, единой партии, единой церкви и т. д.

Если бы в жизни не было „распыленности“, многообразия, то в таком случае в ней преобладала бы „монотония“ (выражение Бакунина) и единство. Но в таком случае, вряд-ли люди когда-нибудь и додумались бы до анархии. Они уснули бы, отрыв какую-нибудь одну „вечную истину“, как это случилось, например, с индусами и китайцами, усиленными своими религиозными „истинами“.

И поэтому Бакунин, Бергсон и другие последователи плюралистической новейшей философии совершенно правы, когда они прогресс отождествляют с „многообразием“, распыленностью, а застой и умирание с „единством“.

„Единство“ это — фикция. Однообразие и единства нет и не может быть в жизни уже по одному тому, что нет и не может быть двух человек на свете, которые в физическом и духовном смысле походили бы друг на друга, были бы едины и однообразны. Этого единства нет ни в семье, ни в

католической и православной церкви, ни в рабочем движении, ни среди анархистов, ни среди большевиков, ни среди социалистов, ни среди парижских аршиновцев.

М. Корн, в статье „По поводу некоторых спорных вопросов“ („Дело Труда“ № 29), приводит следующие, совершенно правильные, соображения по поводу разветвлений в анархизме:

„Когда пархическое движение зарождалось, оно было едино: во время Интернационала и Бакунина никаких различных течений в анархизме не существовало. И тогда можно было сказать, что анархисты образуют „партию“, даже при отсутствии всякой формальной связи. Так же было и в первые годы существования обособленного анархического движения, когда вырабатывались,—Кропоткиным и теми, кто группировался вокруг него,—главные теоретические и практические положения современного анархизма. Но по мере того, как идеи развивались и возникали новые вопросы, а главное — по мере того, как в движение вливалось все большее число людей, **разнообразие мнений** (курсив наш) становилось все значительнее и стали появляться различные течения в анархизме: одни выдвигали на первый план одну его сторону, другие — другую; в зависимости от условий, от страны, от прошлого, от индивидуальности, люди приходили к анархизму не одинаковыми путями и, принимая его в целом, давали на новые возникающие вопросы часто разноречивые ответы. Это — необходимая эволюция, это — даже не неизбежное зло, потому что это — вовсе не зло; так должно быть в развитии каждой живой мысли, каждого живого движения. Иначе получится застой, религиозная секта, мертвый катехизис. (Курсив наш). Ту же самую эволюцию пережила и самая идея социализма: можно ли говорить теперь об едином социализме, когда существует, может быть, несколько десятков социалистических течений? Помимо основного деления на социалистов-государственников, в каждой стране можно насчитать 5—6 направлений в одном только государственном социализме, иногда выделенных

каждое в особую партию, иногда уживающихся в одной партии, в качестве борющихся между собой большинства и меньшинства. И что-же? Неужели это считать слабостью, регрессом социалистического движения? Наоборот: это — признак его **распространения и роста**. (Курсив наш). Объединить все эти течения в одном было бы утопией, безнадежным и для дела бесполезным.“

По тем же основаниям М. Корн считает невозможным и нежелательным исчезновение различных анархических течений, кроме одного, потому что это „предполагало бы крайнее сужение круга сторонников анархических идей“.

Аршиновцев как раз несколько не интересуют размеры анархического движения. „Что толку в большой организации, которая бы обнимала всех, называющих себя „анархистами“, — пишет Аршинов в письме на имя аргентинцев от 18 июля 1927 г. („Г. Т“, от 1-го июня 1928 г.). Аршинову, видите ли, нужна не большая организация, которую взять под свой контроль не особенно легко, а только такие анархисты, которые будут плясать под его, Аршинова, вольнку. Ему нужна маленькая, семейного типа организация, в которой он был-бы отцом и полным авторитетом.

Прикажет он своим ребятам именоваться групповиками будут групповиками, анархистами-коммунистами — будут и ими. Велик превратиться из групповиков в партийцев — будут партийцами, прикажет быть акушерами будут акушерами и т. д.

Вот какие анархисты нужны Аршинову...

Мы уже знаем аршиновский рецепт против анархической „слабости и дезорганизванности“. По мысли этого „спасителя“ анархического движения, для того, чтобы преодолеть болезнь, — надо развалить это движение, а из того, что уцелеет — создать единую анархическую партию, возглавляемую ее творцом и вождем.

Анархическое движение, после такой хирургической операции, после роспуска существующих анархических организаций и закрытия всех периодических изданий, кроме,

разумеется, "Д. Т.", по мнению Аршинова, окрепнет, станет организованным и гармоничным.

Волинцы в своем ответе на "Платформу" совершенно правильно замечают, что нет "ни надобности, ни пользы в том, чтобы приносить в жертву организованности самые принципы (идеи), выплескивать вместе с водой — дезорганизованностью — и ребенка: самый дух анархизма".

Несколько коснемся других причин „слабости“ анархического движения, на которые указывают волинцы.

Первой и самой главной причиной слабости они считают "неясность ряда основных наших идей (например: понятия социальной революции, понятия насилия, понятия творчества масс, переходного периода, диктатуры, организации и др.)".

Основные положения анархического учения, разумеется, давно уже установлены, и дополнять их, пожалуй, нет никакой надобности. Наоборот, многие прибавки, которые предлагаются парижскими "теоретиками", противоречат духу анархического учения, и являются опасным уклоном, вносящим только путаницу и дезорганизацию в анархическое движение.

Само собой понятно, что в области анархической мысли последнего слова еще не сказано. Теоретическая разработка многих поставленных волинцами вопросов очень желательна. Но не надо преувеличивать значения этих работ. Они могут помочь ориентироваться в тех или иных вопросах, расширить кругозор, но несмотря на все теоретические труды, анархическое движение может всетаки оставаться не на высоте своего положения.

Почему? Главным образом, — вследствие никогда не прекращающейся на анархических верхах междоусобицы, неизменно проникающей в низы. В анархическом движении, кажется, не было еще такого времени, когда товарищи, называющие себя „ответственными“ работниками анархического движения, уживались-бы между собою в дружбе и согласии, и не тратили-бы своих сил и энергии на взаимную борьбу.

Этого греха не могли избежать самые луч-

шие работники анархического движения. Бакунин враждовал с Лавровым, Оргиеани с Карелиным, Волин с Махно, Аршинов со всеми, не согласными с ним и т. д. На эту анархическую междоусобицу уходят все наши интеллектуальные силы, а анархическое движение тем временем предоставляется на волю судьбы. Мы очень мало занимаемся пропагандой анархических идей и их популяризацией среди рабочих масс, а больше всего бранимся и подсиживаем друг-друга. Читая наши хлесткие полемические статьи, рабочий только укоризненно покачивает головой, и начинает смотреть на нас, как на людей не серьезных.

Вся беда заключается в том, что если у кого-нибудь из нас появится какая-нибудь сумасбродная идея, то мы во что бы то ни стало стремимся навязать ее другим людям помимо их воли и желания, и приходим в бешенство оттого, если они отказываются воспринять эту идею. Мы всегда склонны считать себя во всем правыми, а других людей — ошибающимися. Наша точка зрения, наши планы — всегда должны торжествовать, а другие люди — следовать нашему примеру. У нас слишком много личного самолюбия и самоуверенности, и почти отсутствует терпимость и уважение к мнениям и взглядам несогласающихся с нами.

Когда-то известный русский ученый Г. Н. Вырубов, присматриваясь к "бакуинцам" и "лавровцам" и их братоубийственной борьбе, составил себе мнение, что вопрос о коренном расхождении их сводится вовсе не к теоретическим соображениям, — первые-де проповедуют пропаганду "делом", вторые же защищают пропаганду "словом", как думали те и другие, — а к разнице темпераментов, или, как он раз "по ученому" объяснил Лаврову, к разнице "шишек".

— Как шишек? — удивился тот.

— Да так. Галль и Спурцгейм показали, что на человеческом черепе существуют шишки, соответствующие выпуклостям мозга, которые, в свою очередь, зависят от развития определенных способностей. У вас и у ваших развиты шишки словоохотливости, у бакуниных шишка драчливости: тут никакими аргументами ничего не поделаешь.

И Вырубов в этом отношении был, пожалуй, прав. Каждый анархист по своему темпераменту, является культурником, или воинственно-настроенным. Мы знаем, например, что Аршинов и Махно, по своей природе, — боевики и вояки. Волин же культурник с наклоном к отвлеченным размышлениям. Есть также и мистики, интересующиеся не только вопросами пересоздания общества на anarchistических началах, но и религиозными вопросами вечности, тайнами потусторонней, загробной жизни и т. д.

Нельзя, разумеется, требовать, чтобы Волин переродился в воина, Аршинов и Махно стали-бы теоретиками анархического движения, Солонович превратился-бы в атеиста, а Худолей — в мистика. Это было-бы противостоестественно и насилием над человеческой природой. И поэтому, лучше всего признать за каждым право мыслить и действовать соответственно его наклонностям, способностям и темпераменту. В случае новой революции Махно, Худолей и Аршинов станут, разумеется, во главе повстанческой армии. Это их стихия. Но они не имеют права превращать всех анархистов в солдат.

Каждый из анархистов должен выполнять посильную для него работу. Нельзя, разумеется, уравнивать способностей людей и сделать их всех полководцами и писателями. Природа обидела людей, и не одарила их одинаковыми способностями. Но из этого не следует того, что анархисты и люди вообще не должны быть равноценными в социальном смысле.

Каждый из нас должен быть не лучше и не хуже другого, и никто не имеет никакого права порицать или клеймить другого анархиста только потому, что он, например, не желает примыкать к его кружку или объединению, и не разделяет его взглядов по тем или другим вопросам.

А между тем, в нашем движении всего легче быть охаживаемым, оплеванным, зачисленным в "предатели", "изменники", "фашисты", "черносотенцы", и т. д. Люди это делают с легким сердцем, с каким-то удалством, не отдавая себе никакого отчета в том, — имеются-ли какие-либо основания для подобных обвинений или нет, а просто бросают зловещие

словечки на ветер с полным сознанием своей безответственности.

Наши партийные сплетники временами доходят до настоящего Дон-Кихотства. Худолей, например, никогда не отличавшийся твердостью убеждений, анархист "применительно к обстоятельствам", сидя в Москве в какой-то большевизской канцелярии, судящий о деятельности американских анархистов по наслышке и по информации аршиновцев, выплывает против нас с обвинительным актом...

Другими причинами "слабости" анархического движения волинцы считают:

а) "Трудность восприятия анархических идей современным обществом, живущим исключительно в кругу прямо противоположных идей государственности, властничества и политики"...

На наш же взгляд современная буржуазная демократия, властничество и политика как раз создают благоприятную почву для пропаганды анархических идей. Идея демократического общественного устройства не вызывает энтузиазма среди населения, особенно в Америке.

Всем известно, что государственный аппарат в демократических республиках находится в руках продажных и преступных партийных клик, попирающих свои собственные законы и заботящихся исключительно о своих личных выгодах. Казнокрадство, покровительство чиновников различным грабительским и другим преступным шайкам приняло в некоторых американских городах настолько обширные размеры, что недовольство против правительства на почве его бесполезности и вредности начинает проникать во все слои американского населения. И нельзя сказать, чтобы анархическая пропаганда не могла иметь успеха при подобных, благоприятно складывающихся, обстоятельствах.

В Европе же правительство гнет ощущается, пожалуй, сильнее, а следовательно, недовольство против государственного устройства должно быть еще большим.

б) "Умственное состояние современных масс, не имеющих ни возможности, ни желания искать, обдумывать, сравнивать.. (это замечание верно лишь отчасти).

в) "Жестокость и всеобщность репрессий по отношению к анархическому движению, едва только оно начинает обнаруживать серьезные успехи".

г) "Сознательный отказ анархистов ... от демагогии и выступления в роли безошибочного вождя, руководителя, спасителя". (Такие "анархисты", впрочем имеются).

д) "Отказ анархистов от искусственно построенной организации и искусственной дисциплины, создающих временную (но по существу бесплодную) силу политических партий".

Во всех этих утверждениях имеется некоторая доля истины; некоторые же из них представляются спорными.

Но если даже удалось-бы все эти недостатки устранить и преодолеть, и ввести в анархическом движении волинское или аршиновское единомыслие, то и тогда мы все-таки не могли-бы предсказать ни дня, ни часа пришествия социальной революции и торжества наших анархических идей.

Социальная революция это — сфинкс и эксперимент. Кропоткин сравнивает ее с "землетрясением" или "налетевшим тайфуном". "Она (революция) творит ужасы. Она разоряет всю страну. Она в своем бешеном остервенении истребляет людей: — потому она и есть революция, а не мирный процесс, что она ломает не глядя, что она губит и куда идет. И мы бессильны пока направить ее по другому пути вплоть до того пока она изживает себя. — Нужно, чтобы она изжила свои силы. А тогда? Тогда — роковым образом придет реакция". ("Д. Т.", № 20-21).

Социальная революция, следовательно, может быть реакционным явлением, а не освободительным. "Мы готовили ей путь, говорит Кропоткин, который считали наилучшим. Но он оказался еще недостаточно глубок, не достаточно подготовлен, когда случился прорыв, и вода не пошла по нем. Она рвется и ломает по другому пути". (См. там-же).

Почему-вода не побежала в анархическое русло? Потому, что население России оказалось неподготовленным к анархическому безгосударственному общественному устройству. Удары революции были направлены против

царизма, помещиков и фабрикантов. Как только земля очутилась в руках крестьян, сразу же обнаружилось их непонимание выгод общественного коммунистического землепользования и предпочтение прежней индивидуальной формы землеобработки. Отсюда непрекращающийся, все возрастающий антагонизм между советской деревней и городом с социалистическими тенденциями.

Говоря о социальной революции, прежде всего надо отдавать себе отчет в том — против кого и чего она должна быть направлена. Разумеется — против капиталистов, помещиков, предпринимателей и т. д. Но в СССР, например, нет ни помещиков, ни капиталистов. Должна-ли социальная революция быть направлена против миллионов крестьянских мелких собственников, захвативших помещичьи земли? Очевидно, — нет. Крестьяне, ведущие индивидуальное хозяйство, аршиновцы считают труженниками и ссориться с ними не намерены.

Идеи коммунистического землеустройства аршиновцы предполагают насаждать в деревне не насильственно, а путем пропаганды и создания отдельных коммунистических хозяйств. Но то-же самое делают теперь большевики. Последних нельзя упрекнуть в отсутствии желания социализировать и коммунизировать деревню.

Раз нет в СССР капиталистов, следовательно, социальная революция не может быть направлена против них. Фабрики и заводы в СССР национализированы. Хорошо-ли управляется национализированная индустрия или плохо это — иной вопрос.

Социальный вопрос в СССР, вследствие всего этого, утрачивает свою остроту. Борьба там переносится в область политическую. Можно восставать, разумеется, против диктатуры господствующей политической партии, против государственной власти вообще, но все подобные выступления будут не социальными, а политическими революциями.

Само по себе уничтожение, например, класса помещиков в России нельзя отождествлять с понятием социальной революции, предполагающим переустройство земельных отношений на коммунистических или социалистических

началах. Нам известно, что ничего подобного не случилось в русской революции. Земельный строй в советской деревне остался прежним и мелкие крестьянские земледельцы лишь несколько увеличили свои участки на счет отобранной у помещиков земли.

Социальная революция не должна быть обязательно насильственной. Если-бы советскую деревню каким-нибудь чудом большевикам или анархистам удалось склонить к переходу от частновладельческой формы ведения хозяйства к коммунистическому землепользованию, то в таком случае мы имели-бы дело с социальным переворотом.

Решающим фактором в социальной революции надо признать момент перехода к новой форме экономических, индустриальных или земельных отношений.

Социальная революция в России проходила под знаком коммунистических лозунгов. Победительницей вышла коммунистическая партия. И не взирая на это, в СССР коммунизма можно найти меньше, чем в других буржуазных странах. Почему? Просто потому, что коммунизм нельзя создать ни декретивным, ни революционным, насильственным путем.

Чтобы коммунизировать советскую деревню надо во-первых, — убедить миллионы крестьян в разумности, целесообразности, выгоды и неизбежности введения общественного коммунистического способа обработки и владения землей, и во 2-х, — надо механизировать сельское хозяйство, что в свою очередь требует сооружения тракторных и других заводов, электрофикации деревни, сооружения элеваторов, шоссежных дорог и т. д.

Словом, для того, чтобы коммунизировать земледелие такой огромной страны, как СССР, требуется проведение многих мероприятий, связанных с колоссальными миллиардными затратами. Для СССР, с слабо развитыми природными ресурсами, при отсутствии запасных капиталов и заграничного кредита, коммунизация деревни может быть делом очень отдаленного будущего.

Социализация или коммунизация индустрии, хотя и сопряжена с меньшими затруднениями, тоже представляет длительный и трудный

процесс. Нельзя построить ни социализм, ни коммунизм, не располагая крупной фабричной и заводской индустрией. Советская промышленность все еще находится в зачаточном состоянии. И городское и деревенское население испытывает нужду в самых простых вещах, как, например, — гвозди, ситцы и т. д. Какой тут уж может быть коммунизм!...

Коммунизм, как известно, предполагает изобилие вещей, неограниченное пользование ими. Эта высшая форма экономических отношений практикуется в некоторых областях жизни даже в буржуазных странах. Мы имеем коммунизм в водоснабжении, канализации, уличном освещении, дорогах, парках, мостах, уборке улиц, различных общественных службах и т. д.

Но не всегда и все вещи возможно и выгодно коммунизировать. Многих вещей не имеется в достаточном количестве, чтобы пользоваться ими на коммунистических началах. И поэтому, коммунизировать можно только такие вещи и предметы, которые для всех необходимы или которыми все могут пользоваться.

Многие люди, например, не желают иметь автомобилей, или летать на аэропланах. С какой стати, в таком случае, они должны участвовать своим трудом в коммунизации автомобилей и аэропланов?

**

И аршиновцы и волынцы невысокого мнения об умственном состоянии рабочих масс. Аршинов прямо таки утверждает, что капиталистическое общество „насильственно препятствует поднятию их (рабочих) духовного и культурного уровня“... Если-бы это было так, если-бы капиталистам действительно удалось остановить умственное развитие рабочих, то в таком случае они в самом деле оказались-бы в безнадежном положении. Но именно потому, что просвещение, умственное развитие и пропаганда радикальных идей делают большие успехи в рабочей среде, рабочее движение во всех странах начинает играть все более выдающуюся роль и приобретать решающее влияние на ход общественных событий. Даже против воли самих капиталистов, в силу все более усложняющихся

технических процессов производства, от рабочего требуется приобретение не только технических, но и научных знаний, без которых он не может получить нужной квалификации. Современный квалифицированный рабочий, по своему умственному развитию, стоит несравненно выше своего прежнего собрата-ремесленника.

Анархизм, по понятиям аршиновцев, это — порождение "классовой борьбы". Бакушин, Кропоткин и др., — "не создавали идею анархизма, а находят ее в массах, силою своей мысли и своих знаний лишь помогли ее выявлению и ее распространению".

По такому рассуждению выходит, что масе — творцу анархического учения, — давно уже известен анархизм и приходится только удивляться тому — почему эти массы не проводят в жизнь анархических теорий, а часто поддерживают враждебные анархизму политические партии. Скорее всего, что неправ Аршинов, приписывая массам то, чего они не совершали. Если все учения, изобретения и открытия приписывать массам, то тогда от дельным мыслителям, философам, ученым и изобретателям придется только сидеть сложа руки....

По понятиям аршиновцев, анархизм не общечеловечен. Он спасителен лишь для рабочих и все другие люди, очевидно, анархизм быть не могут. „Единого человечества, говорят они, нет“. Но если эта мысль правильна, то надо также признать, что нет и единого рабочего класса. Среди рабочих есть убежденные монархисты, большевики, социалисты, максималисты, анархисты и т. д. Более того, среди рабочих имеется не мало сторонников буржуазной республики, которым не выгодно уничтожение капиталистического строя, которые с оружием в руках будут защищать этот строй. Это, конечно, кажется парадоксом, но все это такие факты, с которыми нельзя не считаться.

С другой стороны, можно указать на то, как люди, принадлежащие к господствующим классам, под влиянием анархических идей, порывали с своей средой и становились убежденными анархистами. Даже в слишком материалистической Америке мы знаем случаи

превращения крупных богачей в анархистов. Проф. Ондердонк в статье "Толстой и его учение" ("Пробуждение" № 7) рассказывает о том, как американец Чарльз Гарланд, под влиянием анархических идей Толстого, отказался от своего миллионного состояния, передав его на культурно-просветительные цели.

И можно только радоваться подобным явлениям и восхищаться силой нравственного влияния анархических идей. Почему непременно надо анархизм ограничить рамками классовости — является непонятным.

Формулировка анархо - коммунистического общественного устройства в „Платформе“ страдает многими недочетами.

"Анархизм стремится к пересозданию буржуазного капиталистического общества в такое общество, которое обеспечило-бы трудящимся плоды их труда, свободу, независимость, социальное и политическое равенство".

Вряд-ли при общественном производстве можно говорить об обеспечении кому-бы то ни было „плодов труда“, или продукта труда. При кустарном производстве это еще возможно. Но при машинном фабричном производстве это вещь немыслимая.

Если рабочий на фабрике производит миллионы булавочек, то значит-ли это, что он должен пользоваться продуктом своего труда? Очевидно, что часть этого продукта принадлежит инженеру, изобретателю машины, часть рабочим построившим ее, часть обществу, затратившему средства или труд на постройку фабрики и т. д. И как, например, оценить "продукт труда" фабричного сторожа, смазчика, подметальщика, конторщика и других категорий труда, не производящих никаких предметов потребления?

Анархическое общество прежде всего должно обеспечить каждому человеку право на жизнь, право на известное минимальное пользование материальными благами. А это в свою очередь обязывает человека к труду. Весьма возможно, что сразу нельзя будет осуществить принцип вознаграждения труда "по потребностям" по недостатку продуктов и предметов потребления. В таком случае при-

дется временно прибегнуть к принципу равномерного распределения.

Недоговоренностью „Платформа“ страдает в отношении того — будет ли труд обязательным, или добровольным. Кропоткин, как известно, настаивает на добровольности труда. Это, разумеется, логический вывод из анархического принципа отрицания всякого принудительного воздействия общества на своих членов. В самом деле, если у человека нет настроения и охоты работать, а его будут тянуть на фабрику (в противном случае ему может грозить лишение общественных благ), то в таком случае ставится под серьезную угрозу свобода человека.

Судя по духу „Платформы“, можно предположить, что аршиновцы стоят на принципе обязательности труда. Сня, ведь, не признают прав без обязанностей, и таким образом делают опасный уклон от кропоткинского анархо-коммунизма.

Аршиновцы совсем сворачивают на путь государственного социализма, когда выдвигают создание единого хозяйственного плана для всей страны.

„Анархический коммунизм стремится к устранению всякой эксплуатации и всякого насилия над личностью и трудовыми массами. В целях этого он выдвигает такую экономическую и социальную базу, которая сведет в одно целое (курсив наш) всю хозяйственную и общественную жизнь страны, обеспечит каждой личности равное со всеми положение и даст максимум благ. Этой базой является обобществление в форме социализации всех средств и орудий производства (промышленности, транспорта, земли, источников сырья и т. д.) и построение органов народного хозяйства на основе равенства и самоуправления трудовых классов“.

„Единый“ хозяйственный план, как известно, конек всех социалистических партий. Этот план ведет к неизбежной централизации хозяйственного процесса всей страны. „Единый“ план создается руководящим центром. В нем все предопределено, все предписано. Проявление инициативы на местах исключается, рабочие массы в „едином“ плане — автоматы, действующие по указке свыше. Цен-

трализм в производстве порождает бюрократизм, убивает всякий интерес в массах к работе, и следствием всего этого является то, что всякие „единые“ планы неизменно проваливаются, и приводят к понижению производительности труда, товарному голоду, дороговизне и другим нежелательным явлениям.

Бесплодие, опасность и пагубность централизма в производстве хорошо учитывал Кропоткин, и в своей книге „Поля, фабрики и мастерские“ он показал, как можно построить производство на более разумных принципах децентрализации. Авторы же „Платформы“ все эти указания, повидимому, игнорируют.

В вопросе централизации производства среди аршиновцев нет единогласия. В статье „Вопросы анархической программы“ („Д. Т.“ № 41-42) В. Худолей, между прочим, пишет:

„С принципом интеграции труда связан принцип децентрализации промышленности.... После анархической революции промышленность должна быть децентрализована: фабрики и мастерские должны быть рассеяны по всей территории страны, по всем хозяйственным ячейкам. Каждая хозяйственная ячейка должна стремиться к тому, чтобы производить для потребления своих членов, а не для обмена с другими такими-же хозяйственными ячейками“.

Худолей, разумеется, против „единого“ плана хозяйства. Он стоит на принципе интеграции труда и децентрализации промышленности. Все это хорошо, но практически не всегда осуществимо. Обмена между хозяйственными ячейками нам всетаки не избежать. Во-первых, фабрики — это не такая вещь, которую можно легко передвигать с одного места на другое. Постройка новых фабрик тоже дело не легкое и не скорое. Да и не в каждой губернии или уезде можно построить, например, металлургический завод. Очевидно, что и при анархическом строе металлургический завод в Кузбассе (Сибири) будет обслуживать нужды европейской части Советского Союза в железе.

И не везде на территории СССР имеются запасы каменного угля, залежи руды и т. д.

Очевидно, что при таком положении вещей обмен между хозяйственными ячейками сохранится.

Нельзя также не указать на смешение аршиновцами таких двух разных понятий, как социализация и анархический коммунизм. Собственно неизвестно, что они намерены сперва проводить в жизнь — социализм или коммунизм. Упоминание о „социализации всех средств и орудий производства“ (в том числе и земли) наводит на мысль, что коммунизм аршиновцами отодвигается на задний план. Все это только лишний раз указывает на то, что авторы „Платформы“, задавшиеся целью внести ясность в „неясные“ анархические положения, не разрешают поставленной себе задачи, а еще более запутывают ее.

И аршиновцы и волинцы отрицательно относятся к демократии и государству. Это, конечно, общепринятая у анархистов истина. Однако, утверждение аршиновцев о том, что „демократия оставляет в неприкосновенности принцип частной капиталистической собственности“ не соответствует действительности. Этот принцип, особенно в последние годы, сплошь и рядом нарушается демократическими парламентами. В Германии, Франции и, особенно, в Англии парламенты конфискуют, например, значительную часть капиталистических доходов в виде налогов, которые идут не только на государственные надобности, но и на содержание миллионов безработных, страхование рабочих на случай утраты трудоспособности и т. п. В Англии, например, государство конфискует одну третью часть всего состояния при переходе имущества к наследникам после смерти наследодателя. В английском парламенте ставится в очередь вопрос о национализации горной индустрии. В Соед. Штатах американская демократия посягнула на священный принцип частной собственности, уничтожив тысячи кабаков, винокуренных и пивоваренных заводов и т. д. В СССР же „революционное“ советское правительство восставило кабаки и уничтоженную пьяную индустрию.

Чем же аршиновцы думают заменить демократию? Они, конечно, не одобряют большевицкой партийной диктатуры.

Один из аршиновцев, Я. Валецкий, в нескольких статьях, помещенных в „Деле Труда“, развивает теорию „трудовой демократии“. Демократия, по его словам, служит делу угнетения рабочих в современном капиталистическом обществе. Принцип демократии не плох, он может противодействовать зарождению партийной диктатуры в обществе, освобожденном от государственной власти и господства буржуазии. „Трудовую демократию“ Я. Валецкий мыслит несколько ограниченной и суженной с лишением политических партий права участия в советах. Он, впрочем, тут же высказывает опасение, что представители политических партий могут проникнуть в советы под маской представителей производителей, потребителей, революционных солдат, транспортников, культурно-просветительных работников и т. д. Но он успокаивает себя тем, что в этом качестве проникшие в советы представители политических партий „должны будут свои стремления к партийной власти скрывать под маской, что же касается их программы в области развития индустрии, сельского хозяйства и местных вопросов, то они вполне свободны их защищать с своей точки зрения“. („Д. Т.“ № 29).

Во взглядах аршиновцев на роль масс в социальной борьбе и революции тоже обнаруживаются крупные противоречия.

„В то время, как большевизм, пишет автор „Платформы“ и родственные ему течения считают, что трудовая масса является носителем лишь революционно-разрушительных инстинктов, будучи неспособна на революционно-творческую деятельность, в виду чего эта творческая деятельность должна перейти в руки людей, концентрируемых в государстве или в Ц. К. партии, — анархисты, наоборот, считают, что трудовая масса содержит в себе огромные, творческие возможности, и стремятся к устранению преград, препятствующих их выявлению“.

Совершенно противоположную точку зрения на роль масс высказывает аршиновец,

В. Худолей, в статье "Вопросы анархической программы" ("Д. Т.", № 41-42).

"Выразителем воли большого коллектива (класса, а в бесклассовом обществе — рода или нации) является очень небольшое, сравнительно, меньшинство, отчетливо представляющее себе волю своего коллектива и действующее не во имя личных интересов того или иного своего члена, а во имя общих интересов всего коллектива. Масса же, составляющая данный коллектив, состоит из лиц действующих во имя своих личных и непосредственных интересов сегодняшнего дня и редко поднимающихся до сознания общности интересов в тех или иных областях жизни и деятельности. Сознательное меньшинство идет от идей к фактам, а масса, наоборот, — от фактов к идеям. Творческий процесс возникает тогда, когда сознательное меньшинство вносит творческий образ в массовую стихию. Тогда активная часть коллектива (обычно — организованная масса) совершает творческий акт (революция, построение новых хозяйственных форм). "Масса — глуха к идеям и воспринимает их только в том случае, если они выражены в форме определенных фактов и осмысливающих их образов".

По Аршинову выходит, что масса — все творит и даже теорию анархизма создала, а Худолей полагает, что она больше всего интересуется своим собственным желудком и "редко поднимается до сознания общности интересов". Творит — по Худолею "сознательное меньшинство", родь масс пассивна, в лучшем случае ей позволяется выразить свое сочувствие и признательность „сознательному меньшинству“.

Это конечно, очень несложная и удобная философия для "сознательного меньшинства". Все, мол, дураки, а только мы с вами умники, а поэтому с дураками можно особенно не церемониться. Такой приблизительно философии насчет глупости масс придерживаются в Кремле, ею прикрывают злые дела и дурацкие эксперименты.

Таким образом, мы подходим к главному пункту разногласий — отношению анархистов к массам. Должны ли анархисты руководить массами, или не должны? Аршиновцы на

этот вопрос дают утвердительный ответ. Без идейного руководства анархической партии социальная революция может уклониться с анархического пути.

Волинцы считают подобное понимание роли анархистов в социальной революции противным духу анархизма.

„По самому смыслу анархизма, пишут они в своем „Ответе“, революция может стать подлинной социальной революцией лишь при том условии, что массы сами будут свободно творить в ней, и что она не будет управляться теми или иными идейно-политическими группировками. Или же — мы должны отрицать способность масс к свободному творчеству и созиданию“ (В. Худолей это уже делает).

„По самому смыслу анархизма, анархисты не должны в революции возлагать на себя роли более активной, более значительной и ответственной, чем любой из трудящихся или любая организация трудящихся. Или же — мы должны признать элементы властничества“ — (Аршиновская "Платформа" к этому клонит).

В чем же, по мнению волинцев, заключается миссия анархистов?

"Мы не возлагаем, говорят они, на анархистов миссию руководить массами, а считаем их призванными только помочь массам, поскольку последние будут в этой помощи нуждаться".

В чем же может состоять эта помощь? В "идейном обслуживании складывающегося нового общества: печатное и устное слово, широкая культурно-революционная работа, живой пример... Анархисты должны быть, везде и всюду, сотрудниками и помощниками масс. Но — ни шагу далее. Малейшая мысль о руководстве, малейшая претензия на превосходство, на особое призвание руководить массами и событиями, — малейший шаг в сторону руководящего положения, — ведут неизбежно к мысли о необходимости для масс признавать это руководство, подчиняться ему (иначе — какой был-бы в нем смысл?) и, далее, к отделению себя от масс, к диктаторству, к привилегиям и т. д.

"Когда руководят массами и событиями, то неизбежно берут на себя известное обязательство разрешить проблему и ответственность —

ность за ее судьбу. Люди же, берущие на себя руководство и считающие себя "обязанными" и "ответственными", неизбежно Становятся властью". (Курсив везде автора).

Как совершенно верно указывают волницы, „Платформа“ с начала и до конца является апологией не особенно популярной среди анархистов идеи "переходного периода", которым большевики и другие социалистические партии прикрывают всевозможные отступления от своих основных целей и свой минимализм.

Авторы "Платформы" не мыслят общественный строй на второй день революции анархо-коммунистическим. Ни коммунизма, ни социализма сразу, очевидно, не будет. Не будет "неограниченной свободы удовлетворения своих потребностей", которую предполагает анархо-коммунизм. Для аршиновцев важно "завоевать социальную базу для этого общества и установить принципы отношений между людьми". Очевидно, что эти отношения не будут ни анархическими, ни коммунистическими до тех пор, пока общественное устройство на анархических началах будет оставаться в идее, и не получит практического выявления. Как бы анархисты ни были хорошо организованы, но им не избежать переходного периода при слабой распространности анархических идей в массах, особенно среди крестьянства, проникнутого мелко-собственнической психологией.

Спор аршиновцев с анархо-синдикалистами, на наш взгляд, представляется не существенным. Уже одно наименование указывает на наличие в подобных синдикатах определенной анархической идеологии. В этого рода организациях анархисты всегда могут найти поддержку.

Более сложной и трудной задачей представляется усиление анархического движения в, так называемых, беспартийных профсоюзах и тред-юнионах, где руководители этих рабочих объединений борются против проникновения в рабочую среду анархических и социалистических идей.

Удары новой революции в СССР могут быть направлены, главным образом, против власти, против бюрократического советского

государства, против государственного капитализма. С роспуском многочисленной армии чиновников исчезнет государственная власть. Функции же организатора общественного производства и распределения перейдут "к специально созданным рабочими массами органам управления — рабочим советам, фабрично-заводским комитетам или рабочим фабрично-заводским управлениям. Органы эти, связанные между собою в пределах города, области и затем всей страны, образуют городские, областные и, наконец, всеобщие (федеральные) органы руководства и управления производством".

Аршиновцы, таким образом, устанавливают род федерального представительного управления страной, носящего скорее всего корпоративный, нежели всеобщий характер. Муссолини, как известно, после уничтожения демократического строя в Италии, установил выборы в парламент по подобному-же корпоративному принципу.

С анархической точки зрения, подобная система выборов, неизбежно приводящая к лишению значительной части населения избирательных прав, является фикцией еще и потому, что человек человека не может представлять ни в комитете, ни в совете, ни в каком-нибудь ином собрании. Депутат, или представитель не может "выражать волю" своих избирателей, или высказывать разнообразные мнения сотен или тысяч людей. Он не может знать, что могут думать по тому или иному вопросу избиратели, которые могут жить в другом городе и которых он может даже и не знать лично. Во всех представительных учреждениях, — будь-то советы, парламенты, конгрессы, конференции или съезды, — делегаты и представители могут выражать только свое личное мнение, могут представлять только самих себя, но не других, и потому решения, постановления, резолюции и т. д. не могут выражать взглядов и настроений не участвовавших в них людей, и поэтому, с анархической точки зрения, они всегда являются решениями меньшинства, носящими советательный характер и не обязательными для отсутствовавших людей.

Полное игнорирование аршиновцами анар

хического принципа добровольного соглашения, договорности, и подмена его началами корпоративной выборности, представительства является несомненным уклоном к властичеству.

Продовольственный вопрос, т. е. питание города во время революции, представляет сложную проблему. Успешное его разрешение больше всего зависит от того, — насколько идеи революции окажутся популярными в деревне, и, конечно, от способности города наладить снабжение деревни нужными товарами.

Предполагать, что взаимоотношения между городом и деревней примут братский, товарищеский характер — было-бы ошибочно. Установлению этой гармонии могла-бы способствовать широкая пропаганда анархических идей в деревне.

Надо обратить поэтому больше внимания на работу в деревне, чем в городе, ибо не город, а крестьянство в конечном итоге является решающим фактором в социальной революции.

Образец шаткости, принципиальной невыдержанности и неанархичности представляет пункт "Платформы" о земле. Воинцы в своем "Ответе" указывают на это, но сами, однако, не предлагают своих решений.

Как-же думают аршиновцы разрешать земельный вопрос? Сперва они как будто-бы не прочь от коммунизации земли. Они говорят о "черном переделе земли", хотя этот "передел" ничего общего с коммунизмом не имеет, поскольку он является лишь до некоторой степени уравнительным процессом и сохраняет основы индивидуального земледельческого хозяйства. Они стоят на точке отрицания частной собственности на землю: земля всех и — ничья. Они против купли-продажи ее, сдачи в аренду и тому подобных паллиативов. И хотя коммунизация земли желательна, но "онон чательную форму земледельческого хозяйства и землеобработки установит само революционное крестьянство. Никакое давление извне в этом вопросе невозможно". (Курсив наш).

В деревне все, следовательно, останется по-прежнему, по-старому. Почему аршиновцы, все свои упования возлагающие на социаль-

ную революцию и действующие революционными методами в городе, отказываются от них, когда речь заходит о "воздействии" на деревню — для нас является непонятным.

И выходит, что все разговоры о социальной революции одни лишь слова, и аршиновцы откровенно сознают свое бессилие разрешить земельный вопрос революционным порядком.

В защите революции, т. е. в военном вопросе, аршиновцам, конечно, и книги в руки. Армию они предполагают организовать по принципу „добровольчества“ с „единым оперативным планом и единством общего командования“.

Против этого пункта даны подробные возражения в "Ответе" воинцами. Они совершенно правильно указывают, что плохой единый план в руках плохого полководца может погубить все дело защиты революции. Воинцы утверждают, что "в борьбе с вооруженными силами реакции — Деникиным, Колчаком, Врангелем и др. — всегда побеждали, прежде всего, местные партизанские силы, а не централизованная армия с общим командованием и общим оперативным планом. Последняя, наоборот, неизменно отступала и перед Деникиным, и перед Колчаком, и перед другими. И проиграла войну с Польшей. Централизованная армия всегда, неизменно, приходила лишь "на готовое" и, затем, ложно приписывала себе победу, добытую не ее руками".

Интервенции, по словам воинцев, "были разложены и ликвидированы не централизованной армией, а местной партизанщиной, активным сопротивлением масс и интенсивной революционной пропагандой в рядах иностранных солдат и матросов".

Воинцы также не без оснований указывают на опасность, которую может предстать для самой революции, чему наглядный пример явила русская революция и Красная Армия, подавлявшая революционные восстания.

Резко возражают воинцы против намечаемого "Платформой" создания института политического розыска с функциями охраны, чеки. В аршиновском "анархическом" строе,

очевидно, нельзя обойтись без этих "благотельных" учреждений.

Всеобщий Союз Анархистов, по мысли аршиновцев, должен быть построен на "единстве идеологии" и "единстве тактики, или коллективном методе действия".

В аршиновской анархической организации все должны петь на один манер, никакого разнообразия голосов не допускается. Все аршиновские анархисты не только должны "едино" думать и мыслить, но, очевидно, при держиваться однообразия в покрое платья, ходьбе, пицци, образе жизни и т. д. Малейшее отклонение от однообразия внешнего или внутреннего неизбежно нарушает принцип "единства", а посему, с аршиновской точки зрения, недопустимо.

Словом, в этой организационной аршиновской "философии" имеются на-лицо все элементы устава католического монастыря. Эта философия напоминает нам юмористические проекты известного щедринского губернатора о "введении единомыслия во всероссийском масштабе".

До таких столпов глупости, кажется, не доходил еще ни один анархист.

Самым "мудрым" пунктом аршиновского "творчества" надо признать провозглашение им „принципа коллективной ответственности“: вся организация-де отвечает за действия отдельного члена, а последний—за деятельность всей организации. Э. Малатеста совершенно правильно замечает по этому поводу: "Как можно быть ответственным за какой-либо акт, не будучи в состоянии ему помешать?... Как может отдельная личность взять на себя ответственность за действия коллектива, не зная заранее того, что этот коллектив сделает, и, — каким образом может она помешать сделать то, чего она не одобряет?" ("Пробуждение" № 6).

Допустим, что Аршинов кого-нибудь убьет (мордобитием он уже занимался). По его принципу коллективной ответственности выходит, что за это преступление надо наказать (может быть даже виселицей) не только Аршинова, совершившего это преступление, но и всех остальных членов организации. В организа-

ции, например, не исключаются случаи ренегатства, провокации и т. д.

По принципу коллективной ответственности за все подобные поступки отдельных членов придется отвечать всем членам организации. Дальше этого абсурда, кажется, идти некуда.

**

Волинцы в своем "Ответе" бросают аршиновцам вполне заслуженный ими упрек в том, что их „схема есть самое подлинное **Начало организации новой политической власти**, со всеми вытекающими отсюда последствиями". Рассуждения "платформистов" об анархизме-коммунизме — одно пускание пыли в глаза, ширма для прикрытия аршиновских властнических замыслов.

Эта аршиновская болтовня имеет к анархизму такое-же самое отношение, как разговорчики руководителей советского правительства о коммунизме и социализме. Главное дело—в сохранении власти. Что касается коммунизма и социализма, то с разрешением этих вопросов в Кремле не спешат и занимаются ими ради уместившей гимнастики и времяпрепровождения.

Аршиновцы занимаются разговорчиками об анархизме, чтобы подмазаться к массам и пробраться к власти. Все для масс, все для народа, а сами так и воровят, чтобы руководить массами, сесть им на шею, управлять ими подобно тому, как это делают большевики. Свои властнические замыслы аршиновцы даже не всегда тщательно замаскировывают, и от всей их хитросплетенной системы так и несет духом авторитаризма, политического иезуитизма и неуклонного стремления поехать верхом на "дураках".

Вот собственно где — в аршиновской "Платформе", а не в ином месте таятся бациллы властничества, предательства и измены анархическому движению!

В статье "Анархия и организация" ("Пробуждение" № 6) Э. Малатеста, обстоятельно разбирающий "Платформу", между прочим, пишет:

"По моему мнению, вместо того, чтобы усилить среди анархистов желание организоваться, он (т.-е. проект „Платформы“) вырабо-

тан, словно нарочно (курсив наш) для того, чтобы подтвердить предрассудок многих товарищей, думающих, что организоваться означает подчиниться руководителям и вождям и прижнуть к властническому, централизующему организму, подавляющему всякую свободную инициативу. В самом деле, данная платформа высказывает, как раз, те положения, которые, — вопреки очевидности и несмотря на наши протесты, — упорно приписываются некоторым всем анархистам, величаемым организаторами”.

Приведем из той-же самой статьи еще одно, заслуживающее внимания, предупреждение Э. Малатесты:

“Я не сомневаюсь в анархической искренности этих русских товарищей. Они хотят осуществить анархический коммунизм и ищут способы прийти к нему как можно скорее. Но недостаточно еще хотеть чего-нибудь: необходимо также применить надлежащие средства достижения, подобно тому, как, направляясь в определенное место, надо взять дорогу, которая туда ведет, — рискуя, в противном случае, попасть в совсем другое место. И вот — так как вся предлагаемая организация будет организацией властнического типа, то она не только не будет содействовать торжеству анархического коммунизма, но извратит самый дух анархизма и приведет к результатам, противоположным тем, каких ожидали сами организаторы”.

В аршиновской форме построения Всеобщего Союза Анархистов имеются все атрибуты государственной власти. Централизованная армия, чека (в замаскированном, конечно, виде), различные советы и их объединение и даже “анархический” Совнарком, именуемый “Исполнительным Комитетом Союза” — все это позаимствовано у большевиков и входит в “Платформу”.

Неизвестно только — будут-ли на тюрьмах вывески, гласящие о “безделии”.

Аршиновский метод создания анархической организации прост: всех, непримемлимых догму партийности, объявить не анархистами.

Волинцы по этому поводу в своем „Ответе“ замечают:

“Они (аршиновцы) не видят, что этот ста-

рый путь неизбежно приведет к старым-же последствиям: к существованию многих, враждующих между собою, анархических организаций, претендующих, каждая, на обладание подлинной истиной и занятых больше полемикой между собой, чем интересами пропаганды и движения”.

Оно так уже и случилось. В самой Парижской группе произошел раскол. Из группы ушли самые лучшие активные работники. Аршинов разогнал своих собственных товарищей и остался чуть-ли ни в единственном числе. В Соединенных Штатах из группы аршиновцев тоже ушли некоторые активные работники.

По словам М. Корн (“Д. Т.”, № 32), аршиновская “Платформа” вызвала раскол среди французских анархистов, издающих газету “Либертэр”, благодаря чему эта газета “выходит нерегулярно и в уменьшенном формате, и самому существованию его грозит опасность”.

Раздоры внесены аршиновцами в аргентинское организованное анархическое движение. Словом, анархическому движению “Платформа” уже нанесла большой вред. И нельзя сказать, чтобы возникшая вокруг “Платформы” склока и полемика способствовали усилению анархического движения и его деятельности.

Вся беда в том, что аршиновцы (отчасти и волинцы) напрасно хлопочут об организации давно организованного американского и аргентинского анархического движения. По нашему разумению, волинцам и аршиновцам следовало-бы больше думать о развитии анархической пропаганды во Франции и в СССР, чем заботиться о судьбах заокеанского анархического движения, о положении которого они не могут иметь правильного представления, а тем более выступать в роли судей и руководителей этого движения.

Волинцы предлагают “создание в каждой стране) широко-дискуссионного печатного органа”. Но почти в каждой стране, в том числе и во Франции, имеются анархические органы печати и в них полемика и дискуссия (за некоторыми исключениями) не возбраняется. Была бы только охота писать и дискуссиро-

вать у наших парижских товарищей, и место для их статей найдется в уже существующих органах анархической печати. Создание новых журналов, при наличии уже имеющихся, явилось-бы неразумной тратой средств и энергии.

Анархические организации не могут быть однородными, едиными. Это противоречило-бы природе людской. Жизнь образуется в результате взаимодействия многообразных причин и явлений. Анархическое движение может преуспевать только в том случае, если оно не будет узким, однобоким.

Если-бы еще анархисты как-нибудь осво-

бодились от слабостей ветхого человека, и меньше занимались перебранкой, а больше уважали свое и других человеческое достоинство, и научились терпимости и товарищескому отношению даже к инакомыслящим товарищам, то анархическое движение от всего этого только выиграло-бы, и тогда нам не пришлось-бы кричать о „дезорганизованности“ и сочинять „Платформы“, которые только подливают масло в огонь этой воображаемой дезорганизованности.

М. И. СУК.

Чикаго, март, 1929

НАСТРОЕНИЕ.

(Рондель)

Тихо, спокойно, как никогда,
Это день или ночь? — все равно!..
Все дороги ведут в никуда...
Да дороги-ль? Их нету давно.
Иль вплести, иль не надо звено
В эту цепь, что давила всегда?...
Тихо, спокойно, как никогда,
Это день или ночь? — все равно!
Скажет мне ктонибудь: “нет” иль “да” —
Одного все, ни светло, ни темно,
В се днях желаний, в шкалуне земной
Все под снегами и нету следа...
Тихо, спокойно, как никогда.

СЕРГЕЕВ.

Е. 3. МОРАВСКИЙ.

КАК ДОШЛИ ВЫ ДО ЖИЗНИ ТАКОЙ?

"Be thou as chaste as ice, as pure as snow, thou shalt not escape calumny".

Shakespeare.

Русская пословица гласит, что чем меньше человек обращает внимания на собак, тем скорее они перестают лаять. Руководясь этой пословицей, я в течение нескольких лет не обращал никакого внимания и на тот собачий лай, который раздается по моему адресу со страниц аршиновского „Дела Труда“. Я постоянно думал, что если даже собаки знают честь и стыд, то о людях и говорить не приходится. Но мои предположения не оправдались. Лай на страницах „Дела Труда“ не прекращается и до сих пор. На этом основании я и пришел к заключению, что у моих критиков нет даже собачьей чести.

Если бы этот лай касался только меня лично, то я, пожалуй, и сейчас не обращал бы на него никакого внимания. Но этот лай касается не только меня, но и газеты „Рассвет“, и журнала „Пробуждение“, и, наконец, многих рабочих русско-американских организаций, а поэтому то я и не могу больше обходить молчанием работы аршиновских молодцов.

Этот лай усиленно раздается со страниц „Дела Труда“ с июля месяца прошлого года. Лает на страницах своего журнальчика сам Аршинов, лают очень усердно и его дворняжки (Данилюк, Лычек, Томашевский, члены чикагского Прогрессивного клуба и многие другие). Но обо всех этих аршиновских дворняжках я говорить не намерен. Их лай меня несколько не удивляет и не возмущает. Крылов в одной из своих басен говорил: „Куда конь с копытом, туда и рак с клешней“. То же самое можно сказать и об этих дворняжках: куда Аршинов — туда и они; что прикажет им Аршинов, то они и делают; как прикажет лаять — так они и лают. Короче говоря, все эти аршиновские молодцы являются, как говорил когда то Достоевский, типичными „лакееми мы-

сли, людьми из бумажки“. А поэтому в их усердном лаении я и не нахожу ничего удивительного. На их работу я смотрел и буду смотреть как на естественное явление. Ничего другого от этих лакеев я не ожидал и не могу ожидать.

Но о работе Аршинова и Худолея мне хочется сказать несколько слов. Хочется сделать это исключительно потому, что Аршинов считает себя строгим анархистом и, подобно библейскому Моисею, пытается вывести анархическое движение из „плена египетского“ (из состояния распыленности и дезорганизованности). Для этого он и начинает разные лжеанархические „Платформы“.

Прежде всего у меня появляется следующий вопрос: почему этот новый Моисей относится так враждебно к русско-американским рабочим организациям и к их печатным органам? Какое отношение имеет Аршинов к этим рабочим организациям?

Думаю, что Аршинов объявил войну этим рабочим организациям (а не капиталистам) исключительно потому, что эти организации не признали его своим идейным вождем, не подчинились в свое время его многочисленным приказам, а самостоятельно приступили к изданию газеты и журнала. Вот с этим „своевольем“ их Аршинов и не может примириться. Никакого другого отношения он не имеет к этим организациям.

Казалось бы, что каждого честного и культурного анархиста подобная самостоятельность рабочих должна только радовать. Но не так отнесся к этой самостоятельности рабочих „стопроцентный“ анархист Аршинов. Появление газеты и журнала встретил он крайне враждебно. Думаю, что это явление объясняется прежде всего тем, что среди русских анархистов издавна господствуют какие то дикие нравы: если какая либо группа приступает к изданию газеты или журнала, то ее начинания считаются какими то злодейскими и преступными. И

если бы Аршинов относился к этим изданиям только с этой традиционной враждебностью, то эту враждебность можно было бы считать совершенно естественной.

Но Аршинов не остановился на этой традиционной враждебности. Он через некоторое время после появления газеты и журнала забыл о существовании власти и капитализма и объявил открытую войну „Рассвету“ и „Пробуждению“.

Если бы он вел эту борьбу честно, то в этом не было бы ничего плохого. Если в рабочих изданиях имеются какие-нибудь недостатки, то на эти недостатки нужно указывать. Эти недостатки нужно изживать, по мере возможности. Но Аршинов занял другую позицию: он задался целью не улучшить эти издания, а совершенно стереть их с лица земли. А раз это так, то Аршинов и вынужден был пользоваться всеми негодными средствами для достижения цели. А таких негодных средств в его распоряжении оказалось очень много. Прежде всего, нужно указать на следующее: он начал посылать в Москву ложные и клеветнические сообщения о направлении и содержании газеты и журнала. Эта работа очень напоминает собою с внешней стороны работу Intelligence Service. При помощи этих донесений, Аршинов ввел в заблуждение многих московских анархистов. На основании этих позорных донесений и брошюры Володькина, объявил такую же войну „Рассвету“ и „Пробуждению“ и В. Худолей. В аргентинском „Голосе Труда“ Худолей пишет, например, что он не получает ни „Пробуждения“, ни „Рассвета“. Это значит, что Худолей знает о содержании и направлении этих изданий только по отдельным вырезкам и частным сообщениям. Базалось бы, что Худолей, не читающий ни газеты, ни журнала, не должен был бы относиться с таким неограниченным доверием к донесениям Аршинова, но он почему то придает им очень большое значение. Он не знает также ни Володькина, ни его „анархического стажа“, но строит свои обвинения против газеты и журнала только на тех „фактах“, которые изложены в брошюре Володькина.

О ценности этих фактов свидетельствует следующее:

Володькин пишет, например:

„Я не буду входить в подробности конференции „Пробуждения“, состоявшейся в Чикаго 2-го июня: скажу лишь вкратце, что делегаты ее, под руководством г-на Е. З. Моравского, признали себя подлинными русскими анархистами“.

Почему же Володькин не захотел „входить в подробности конференции“? Потому, что он не был на этой конференции и ничего не знает о ней. Это значит, что всякие сообщения Володькина о ходе этой конференции являются бредом больного ума.

Дальше он пишет, что лекцию Милюкова устраивала газета „Рассвет“, а я (Моравский) сидел „на платформе“ в качестве представителя газеты и журнала и пожимал ему руку. Это утверждение тоже есть бред больного человека. Лекцию Милюкова в Чикаго устраивал председатель Русского Обединенного Общества Взаимопомощи, В. Александров, а не газета „Рассвет“. Я был на „платформе“ не в качестве представителя газеты, а в качестве частного лица. Руку Милюкову тоже я не пожимал „за его буржуазные взгляды“. Вот на каких „фактах“ строит свои обвинения Худолей!

Впрочем, дело тут, очевидно, не в фактах. Я знаю, что Худолей очень серьезный человек и на эти факты при других обстоятельствах не обращал бы никакого внимания. Во всяком случае, он знает, что на ложных донесениях и непроверенных слухах никаких обвинений строить нельзя.

Но если Худолей все таки это делает, то делает он это только потому, что ему очень не нравится та крайняя антибольшевистская позиция, которую занимают „Рассвет“ и „Пробуждение“. Раз Худолей оправдывает советский режим, то он, естественно, и вынужден называть контрреволюционными все антибольшевистские газеты и журналы.

Но если бы Худолей считал контрреволюционными газету и журнал только за их антибольшевистское направление, то в этом тоже не было бы ничего удивительного. Не

меня очень возмущает то, что Худолеем без всяких оснований называет всех рассветовцев и пробужденцев фашистами, предателями и провокаторами. Какой-то агент-провокатор сообщил ему, что „Рассвет“ „пропагандирует интервенцию в СССР, приветствует Милюкова, выступает на защиту православной церкви в СССР, участвует в панихидах по Врангелю“ и, наконец, что „Рассвет“ и „Пробуждение“ „работают на политику, на Ку-Клукс-Клан, играя в отношении классового рабочего и крестьянского движения определенную предательскую роль“ („Д. Т.“ № 41) и Худолеем верит этим провокаторским сообщениям.

Неужели Худолеем не знает, что обвинения нужно строить на фактах? Если же кто либо строит свои обвинения на донесениях различных агентов провокаторов, то его каждый человек будет считать безнадежным идиотом. Если же он сам выдумывает такие „факты“, то это объясняется уже не идиотизмом, а его собственным провокаторством.

Ни „Рассвет“, ни „Пробуждение“ никогда не пропагандировали интервенцию в Россию, ни приветствовали Милюкова, не выступали на защиту православной церкви и не участвовали на панихиде по Врангелю. На каком же основании, в таком случае, Худолеем занимается такими провокаторскими делами? На каком основании этот советский анархист приписывает „Рассвету“ и „Пробуждению“ то, к чему эти издания не имеют никакого отношения?

Ведь такое поведение считается отвратительным не только среди порядочных людей, но и среди негодяев. За такие обвинения, разбрасываемые без всяких оснований направо и налево, людей по головке не гладят.

Но Худолеем почему то занимается этой отвратительной работой. Он в своей „анархической“ деятельности дошел даже до того, что советует Аршинову и его единомышленникам создать особую судебную комиссию (чем не Чека?) и предать суду рассвето-пробужденцев.

Вот в какие „революционные“ формы

вылился худолеевский анархизм. И этот человек осмеливается еще называть фашистами и провокаторами рассвето-пробужденцев!

Я не намерен утверждать, что этой меркой и подлой работой Худолеем занимается совершенно сознательно. Очень возможно, что он оказался жертвой своего неограниченного доверия к Аршинову.

Но почему занимается такой грязной работой Аршинов? Чего он хочет, этот жалкий человек?

Аршинов ведь хорошо знает, что ни „Рассвет“, ни „Пробуждение“ не называются „анархическими“ органами. „Рассвет“ называется органом рабочих организаций, а „Пробуждение“ — органом свободной мысли. Уже на этом основании Аршинов не имеет никакого права предъявлять этим органам строго анархических требований. Да и сами издатели этих органов никогда не утверждали, что эти органы являются чисто анархическими. Поэтому то на страницах этих органов (в отделе „Свободной Трибуны“) печатались и печатаются и неанархические статьи. Но передовые и руководящие статьи никогда не пишутся в антиреволюционном и антианархическом духе.

В 1919 году анархист А. Боровой издавал в Москве даже совершенно буржуазную ежедневную газету „Жизнь“, но никто из русских анархистов не называл его за это предателем. Не называл тогда предателем Борового и тот же Аршинов.

Содержание и направление „Рассвета“ и „Пробуждения“ Аршинов, ведь, хорошо знает. Я уверен, что в этих органах Аршинов не найдет ни одной фашистской или антианархической статьи. На каком же основании он утверждает, в таком случае, что рассвето-пробужденцы являются фашистами, предателями и черносотенцами. Почему Аршинов не укажет, где и когда рассвето-пробужденцы проявили свою предательскую и черносотенную деятельность. Если он не укажет этих фактов и в будущем, а только будет заполнять страницы своего журнальчика своими умственными нечистотами, то это будет свидетельствовать о

том, что вся его деятельность есть хулиганская, а не анархическая деятельность. Волин прав был, очевидно, когда заявил, что работа Аршинова и его эмиссара Чернякова, посланного в Аргентину для разложения анархического движения, является типично хулиганской.

Аргентинские русские анархисты поняли, к счастью, во время, как выводит этот новый Моисей анархическое движение из плена египетского и не допустили в свои ряды аршиновского анархо-хулиганства. Но в Соединенных Штатах Аршинову удалось кое что сделать. Аршиновские лакеи работают здесь очень усердно. По приказу своего "идейного" и "революционного" вождя, эти лакеи делают все возможное для того, чтобы истребить с лица земли „Рассвет“ и „Пробуждение“.

„Анархист“ Аршинов забыл, как я утверждал выше, и о существовании капитализма, и о существовании власти, и отдал все свои силы и способности на борьбу с „Рассветом“ и „Пробуждением“. Борьба за анархизм отступила у него на задний план, ибо последние номера его журнальчика заполнены почти с начала до конца не анархическими, а хулиганскими и клеветническими статьями. До такого хамства, до такой пошлости анархические издания никогда еще не опускались. Но для Аршинова все средства хороши. Он заявляет ведь своим лакеям, что рассвето-пробужденцы являются большими врагами анархизма и революции, чем капиталисты, а поэтому к ним нужно применять всякое оружие.

Если рассвето-пробужденцы являются

фашистами и предателями, то почему же тогда Аршинов не протестует против оказываемой ими помощи заключенным и ссыльным анархистам? Ведь только за один прошлый год Детройтский Комитет выслал ссыльным и заключенным анархистам в России свыше 1,000 долларов. Если эти средства собираются фашистами, то почему Аршинов не прикажет заключенным анархистам, чтобы они отказались от этой „фашистской“ помощи? Почему он умалчивает об этой работе рассвето-пробужденцев?

Он называет рассвето-пробужденцев чернотенцами потому, что некоторые из них являются религиозными анархистами, совершенно забывая о том, что религиозные и философские убеждения — дело совершенно частное. Кропоткин относился с большим уважением к религиозному анархисту Толстому и в своей статье о Толстом („Идеалы и действительность в русской литературе“) заявил, что мы не имеем никакого права вторгаться в духовную жизнь человека.

Но если бы Толстой жил сейчас, то я уверен, что Аршинов и его назвал бы, подобно большевикам, фашистом и чернотенцем.

Вот до чего дошла аршиновщина. Вот в какие формы вылилось аршиновское движение. И вот в каком движении следует искать подлинных предателей и провокаторов.

Поистине, у Аршинова нет даже собственной чести.

Е. МОРАВСКИЙ.

Март, 1929.

НАШЕ МНЕНИЕ

Проект "Организационной Платформы Всеобщего Союза Анархистов", предложенный анархическому движению редакцией "Дело Труда"; горячий ответ на эту "Платформу" Волина и других товарищей, а также разумно-спокойная критика "Платформы" товарищами М. Кори, Э. Малатеста, Ж. Грав и другими, — несколько оживили застывшую анархическую мысль и вновь поставили перед движением массу вопросов, требующих детального обсуждения и разрешения.

Вульгарно-ругательское отношение авторов "Платформы" к своим оппонентам "землякам", небрежное помещение критических статей М. Кори и какие-то выдержки с комментариями из статьи Ж. Грера, — показывают, что редакция "Дело Труда" ревниво оберегает и яро защищает высказанного ею своего цыпленка (проект), и о широком обсуждении "Платформы" на страницах "Д. Т." не может быть и речи. Исчерпывающая дискуссия и более или менее положительное разрешение выдвинутых вопросов будут возможны тогда лишь, когда у анархического движения — международного или какой-либо страны — создастся общедоступный печатный орган для всех сторон, или же орган, специально посвященный дискуссированию по всем открытым вопросам в анархической теории и анархическом движении.

"Платформа" редакции "Д. Т.", "Переходный Период" Синдикалистов и "Программа Минимум" Социалистов — дети одной матери, — нетерпений, и, якобы, кратчайшие пути к конечной цели. Желание скорейшего, хотя бы частичного осуществления своих идей, желание сделать движение массовым, понуждают податливых сторонников тех или иных идей прятать под сукно конечные цели, а бороться за то, что им кажется доступным в данное время. Продвижение вперед и тяга назад; медленная эволюция и длительные застои; революция и реакция. Чем боль-

ший сдвиг дадим мы своей пропагандой в мирное время эволюционного развития общества, тем шире и глубже развернется революция в ее разрушительной и созидательной работе, тем более сопротивления будет у масс не неизбежному отступлению — реакции, — тем больший шаг к лучшему новому будущему.

Естественно, стало быть, если ведется пропаганда "Переходного периода", "Программы Минимум", или "Платформы" — то, при победе, они и будут проводиться в жизнь, а отнюдь не конечные цели, не максимум, не анархизм, ибо масса общества о последних совсем не слышала, и уровень ее сознания не мог подняться выше пропагандируемых полумер и кривомер.

"Платформа" же далеко не анархическая, а с изрядной примесью "архизма" в предлагаемых организационных и тактических положениях. Авторы "Платформы", не порывая с анархизмом, вносят в безвластническую социальную теорию властнические методы, понятия и формы: конкретная платформа — программа (пока еще максимум!), обязательное единство мнения и действия, руководящий исполком "Партии Анархистов", концентрация командования "анархической армией", коллективная ответственность (перед кем?) и т. п.

Все эти "нововведения", идущие вразрез с более или менее определившейся идеологией и тактикой анархизма, проносятся контрабандой, тщательно "упакованные" во фразеологию ортодоксального анархизма. Боязнь ли согрешить против установившихся понятий, или что другое заставляет авторов "Платформы" пользоваться контрабандой, — мы судить не беремся, но из всего наделанного шума звучат лишь две правильные нотки: 1) искание более тесной и определенной организации анархистов (необходимость очевидна) и 2) необходимость большей определенности в анархической теории. Желание организовать анархистов в один Всеобщий Союз, зывает к поддержке всех здравомыслящих анархистов, но методы организации,

*) Статья печатается в дискуссионном порядке. Не исправлены в ней поэтому и стилистические шероховатости.

основанные на "единстве идеологии и тактики", противоречат этому желанию. Авторы "Платформы", на самом деле, пытаются выловить из временного хаоса в анархическом движении согласных с их идеологией и тактикой, образовать свою партию, свою секту, став сразу во враждебное отношение ко всем несогласным с ними, определенно заявляя: кто не с нами, — тот против нас. Это ли объединители?!

Грехом непогрешимости страдает также "Ответ" на "Платформу", резко осуждающий "ересь" ее автора, но не выступающий за черты ортодоксальных взглядов по затронутым вопросам. Глубочайшего внимания всех анархистов заслуживает ссылка "Ответа" на методы организации анархистов, принятые в России Конференцией "Набат" в 1918-19 гг. и практиковавшиеся до разгрома набатовцев большевиками. Дело организации анархистов незначителен откладывать в долгий ящик до начала "процесса разработки и уяснения наших идей", как советуют авторы "Ответа", ибо без общей связи всех течений анархистов (хотя бы в каждой стране) едва ли будет возможно осуществление "широко дискуссионного печатного органа", способствующего выяснению вопросов и достижению возможной согласованности мнений и действий в важных вопросах.

Между различными группировками анархистов должно состояться договорное объединение, основанное на единстве конечной цели. Конечная же цель, очевидно, и для анархистов-коммунистов, и для анархистов-синдикалистов, и для анархистов-индивидуалистов и всех других оттенков анархистов, — одна общая: Свободное Сообщество свободных людей. Заживут люди в будущем обществе коммуной, трудовыми ассоциациями или поведут свое индивидуальное хозяйство, — вопрос неразрешимый в настоящем и должен быть проверен опытным путем, согласно взглядам отдельных лиц и группировок. Каждый анархист видит на пути к свободе самые существенные препятствия: Власть и Капитал, против которых и должны быть сосредоточены с различных стратегических пунктов

силы ищущих Свободы. Их надо побороть, преодолеть; от них надо обезопасить и будущее.

Это не синтез анархизма, которого так спасается М. Корн, и который, якобы, разлетится прахом, когда индивидуалисты начнут практиковать свободную любовь в своих "натуральных колониях", а синдикалисты никак не спойдутся с коммунистами из-за разницы взглядов на роль профессиональных союзов.

Нет! Общая цель и общие враги — это почва, на которой растут разнообразные растения — идеи, почва, дающая и рост и направление деятельности.

Средства и пункты приложения наших сил в высшей степени разнообразны: и кто может определить чья работа ценнее и успешнее в разложении современного строя: коммунистов, синдикалистов или индивидуалистов? В построении же будущего общества разве мы намереваемся принудить индивидуалистов жить коммуной, или же помещаем коммунистам и синдикалистам организовать трудовые ассоциации? Разве анархисты силой будут убеждать и убеждаться, а не наглядным практическим опытом? Мы лишь теоретически предполагаем, как лучше может устроиться индивидуальная и общественная жизнь людей в будущем, но разрешить спор о преимуществах той или иной теории может только их практическое осуществление. Мы противники насилия, и власть отрицаем не только других над нами, но и нашу над другими. Цель всей деятельности анархистов в том и заключается, дабы достигнуть такого сожительства людей, в котором ни одна группировка людей, ни один индивид не имеют ни права, ни власти, ни побуждения, ни возможность даже мешать другим группировкам и индивидуумам устраиваться так, как им желательно, соблюдая в своих взаимоотношениях один великий принцип, памяти Л. Черного: Не вреди!

Нам предлагают организацию с "единством идеологии и тактики". Но разве возможно достичь добровольно (выколотить, — да!) такого единства, от людей с различными склонностями, темпераментами, характерами и

мышлениями? Это разнообразие натур людских нам, анархистам, необходимо учесть в организациях и взаимоотношениях, что поведет к большей терпимости и взаимному уважению, и, в конечном результате, поведет к большей согласованности в мышлении, идеологии и действиях.

Деятельность человека тем продуктивнее, чем гармоничнее окружающая его среда; значит, однотонность и шаблон в организации, как среды, умертвит саму организацию и отнюдь не привлечет масс, а скорее оттолкнет их; и, наоборот, разнообразие организации и некоторое разнообразие мнений в организации оживят движение и привлекут больше сторонников. Организации анархо-коммунистические, анархо-синдикалистические, анархо-индивидуалистические, просто анархические, колонии свободников, кружки рабочих, кружки интеллигентов, промышленные союзы и промысловые артели, кооперативы и т. п. дадут нам большую силу и влияние во всех прослойках современного общества. Анархические организации составляют ядро наступательных сил, а различные родственные по духу организации разоружают предубеждения и разлагают сопротивление новым идеям, своей пропагандой выявляя отдельные несуразности настоящего строя.

Анархическая организация все еще представляется нам не иначе, как федерацией или конфедерацией кружков, групп, союзов и т. д., объединенных в некоторых исключительных случаях лишь подобием "единства идеологии и тактики", а в большинстве случаев — общностью конечной цели, местной работой и местными условиями. В деревнях, селах и городах индивиды с анархическим восприятием группируются в кружки и союзы для саморазвития и пропаганды своих идей. Эти кружки и союзы объединяются между собой для ведения более крупной пропагандистской работы (издание газеты, журнала, литературы и т. п.) в объединении областные или же в объединение целой страны. В основу кружка, союза или объединения полагается договор для общей деятельности: пропаганды, самозащиты и взаимопомощи; а выходение

из договора свободно после простого предварительного осведомления других договорившихся сторон. Было бы предпочтительно, чтобы кружки и союзы были на первых порах из членов несколько уже спевшихся во взглядах и намеченной работе, а впоследствии производился бы подбор по взглядам и деятельности свойственным каждому члену.

В объединениях сборного характера, т. е. объединениях по договору разнообразных по идеологическим уклонам течений анархической мысли и деятельности, необходимо установиться живой обмен мнений и создание "широко дискуссионных печатных органов". Ни коммунисты, ни синдикалисты, ни индивидуалисты в частности не могут по существу создать непартийных органов печати, ибо всякое такое подобное объединение партийно.

Мы говорим о терпимости и искреннем отношении к нашим идеям и работе, — будем же практиковать это на деле, не боясь пресловутой "борьбы внутри", ибо эта борьба мнений, при добросовестном отношении, бывает ярким врагом узости и способствует выяснению спорных вопросов.

Мы вместе с автором "Платформы" отрицаем и отрицаем безответственность, вытекающую в среде неорганизованных анархистов, но считаем, что в анархическом движении установлена обычаями и практикой ответственность моральная: каждый член за свои поступки и дела в общественной работе ответственен своей группе или союзу, а группа или союз — всему объединению в лице его периодических съездов. Из областных объединений или же Федераций различных стран, может создаваться и Международное объединение, включающее всех анархистов и построенное на договоре.

Такое объединение не стыдно будет наименовать: **"Всесобщи́м Союзом Анархистов"**.

Коснемся положения дел местного русского анархического движения. Мы говорим "русского", ибо чуть ли не каждая народность (в том числе и русская) имеет свои крошечные анархические группировки, которые издают бледные по содержанию и бед-

ные материально разноязычные ежемесячники, еженедельники, за редким исключением (F. A. S.), кончающие скорострелкой смертью. Авархическое движение, утвердившееся в русской колонии еще до революции 1917 г. вокруг еженедельника "Голос Труда", вспыхнуло ярким пламенем в дни Российской революции и дошло до вершин своего влияния в 1918-19 и 1920 годах, издавая газеты, журналы и тонны литературы. После разгрома Союзов Русских Рабочих и депортации более деятельных работников движения, вследствие непрекращающихся преследований и арестов, — движение ушло в подполье и начало издание ежемесячника "Волны". Вокруг этого журнала вскоре (в 1919 г.) собрались разбросанные реакцией, но революционно настроенные товарищи и заложили Федерацию Анархистов Коммунистов Северной Америки и Канады. Движение началось с северо-запада (Детройта и Канады), но вскоре связалось и с востоком, где еженедельник "Рабочий и Крестьянин", не проводивший определенной черты между большевизмом и анархизмом, поднял под влияние организации "Союза Российских Тружеников", с заметным анархическим уклоном, и, после слабого сопротивления, был переименован в "Американские Известия", с антибольшевистской и проанархической тенденцией. Федерация А.-К. окрепла, начала издавать брошюры и книги, но благодаря недостатку интеллектуальных работников и трудностям нелегального издания журнала, в 1920 г. перевела издание журнала на восток: сначала в Филадельфию, а затем после 2-3 номеров в Нью-Йорк. Отношение между Федерацией и "Амер. Изв.", полувраждебные вначале из-за неопределенной позиции последних и суровой непреклонности первой, к концу 1920 г. стали налаживаться: представители "Амер. Изв." появляются на Съездах Федерации, и после многих дебатов на двух Съездах было, наконец, решено, взять под моральную опеку и оказывать материальную помощь газете "Амер. Изв.". "Союз Российских Тружеников", и до того не ладивший с редакцией, стал во враждебную оппозицию и к журналу "Волна" и к газете "Американские

Известия". Оппозиция усилилась еще раньше группой из 5-6 человек, вышедших из Федерации по личным недоразумениям.

Оппозиция выпускает журнал "Буревестник", который прекращает свое существование на 4-ом номере, но оппозиция продолжает вербовать членов в группы Федерации, внося раскол и дразни в довольно дружную до того среду. Федерация постепенно разлагается и слабеет: в начале 1923 года решает уйти из удручающей атмосферы дразг Нью-Йорка, и переводит издание на запад (место рождения). Дразги скоро затихают, но финансовое положение журнала ухудшается. Журнал возвращается в Нью-Йорк и издается при "Амер. Изв." (позднее "Рассвет"). Оба издания бойкотируются "Союзом Российских Тружеников".

В 1924 году журнал "Волна" прекращается, Федерация ликвидируется и движение переходит на почву самообразования в открытые Союзы и группируется вокруг еженедельника "А. И.", а затем ежедневника "Рассвет" (прежника "А. И."). Из развалин бывшей Федерации оппозиция организует несколько групп и, приняв в последнее время на себя имя "Федерации Анархо-Коммунистов Северной Америки и Канады", ведет "заграничную" работу, финансируя издание "Дело Труда" в Париже и распространяя его здесь. Около года назад некоторые старые товарищи из бывшей Федерации начали издание полуанархического, полнаучного журнала "Пробуждение", около которого начали собираться, мечтающие о более широкой деятельности, товарищи; но который захирел из-за недостатка средств и выходит нерегулярно.

Журнал был встречен враждебно настоящей Федерацией; так же враждебно была поражена членами бывшей Федерации А.-К. попытка членом настоящей Федерации получить часть имущества: машин и книг из склада "Рассвета", после перевода "Рассвета" в Чикаго. Газета "Рассвет", с переводом в Чикаго и еще задолго до того, отделилась от какого-либо влияния анархических групп и организаций, а в настоящее время всецело встречает поддержку в безличных политичес-

гих организациях, Обществах Взаимопомощи, Прогрессивных Обществах и т. п. Газета не претендует на анархизм, но изредка помещает анархические статьи, как остатки прошлых связей и настоящего пребывания в редакции нескольких старых работников анархического движения.)

Стороны оппозиции, безсильные что-либо делать сами по-себе, враждой и бойкотом мешают какой-либо работе, перебраниваются устно и печатно, а при случае кончают спор жестоким аргументом — кулаком.

Члены настоящей Федерации не разделяют мнений и не вполне согласны с позднейшими идеологическими выпадами духовных опекунов и редакторов "Дело Труда", но, не смотря на длительные сборы, все еще не могут наладить издания своего журнала здесь, в Америке. Считая себя стопроцентными анархистами, они не желают объединиться с другими, которые в своей работе выходят за рамки и пределы, якобы, начертанные анархизмом. Грустность подобного положения очевидна для каждого в своем уме человека: оно подобно ссоре тоголевских Ивана Ивановича с Ивановичем Никифоровичем. Грустно смотреть и больно видеть такую картину всем, кому дорога не кличка анархиста, а успех анархического движения.

В своей работе мы задаемся перевоспитанием общества, но себя-то упускаем из вида: "Врач, исцелился сам!", или — "Не лучше-ль на себя, кума оборотиться!" Какие тут воспитатели!? В каждом анархисте должны быть глубоко укоренены природой или воспитаны высоконравственные качества человека; в среде же русско-американских анархистов, судя по их поступкам, анархистов-то очень мало. Беда все таки еще поправима, если организации поставят в основу своей деятельности поднятие культурного уровня своих членов и воспитание их в духе истинного анархизма, анархической терпимости и солидарности.

Но тут снова существенный недостаток: много ли имеется организаций и имеется-ли у них достаточно сил для постановки воспитательной работы в своей среде? Очень мало и со скудными силами, — звучит беспрет-

растный ответ. Анархическое движение распылилось: громогласные "ораторы - агитаторы" с годами приутихли, с'агитированные, не познав сущности анархизма, отошли на прежние позиции, часть "сознательных" подалась в сторону прогресса вообще и распылилась в беспартийных организациях, некоторые находят оправдание своему существованию в "культурно-просветительной работе" хотя бы совместно с монархистами и братчиками. Там и сям попадаются анархисты одиночки с недоумением и беспомощно взвращение (только взвращение!) на эту картину разложения когда-то мощного анархического движения. Нигде до такой степени не очевидно на необходимость одной общей организации анархистов, говорящих на русском языке. Первым делом надо бы собрать всех старых товарищей, рассеянных по всем уголкам Соединенных Штатов и Канады, в анархические группы, клубы и союзы, а затем уже приступить к воспитательной работе в своей среде и в среде колонии вообще.

В Нью-Йорке собралось с десяток старых работников бывшей Федерации и, обсудив настоящее положение, решили временно посвятить свой досуг и силы этой собирательной и объединительной работе. Свою группу назвали: Союз Друзей Свободы, а краеугольным камнем Союза положили: самовоспитание, саморазвитие и способствование анархическому движению. В своих взаимоотношениях нашли необходимым практиковать свободу мысли и слова, безусловную честность с собой и с другими, полную терпимость к мнениям и частной личной жизни сочленов и т. п. Самовоспитанию способствовать лучше всего дружеской средой и беседами на все житейские отношения. Саморазвитие, мощная опора воспитания, поставлено впереди, ибо лишь широкое познание науки и жизни может дать человеку устойчивое мировоззрение. С этой целью Союз Друзей Свободы устраивает читки, собеседования, доклады на научные, общественные и политические темы; обсуждение и выяснение текущих важных событий, учет прошлого и проектирование будущего. Способствование анархическому движению, по нашему мнению, может выразить-

ся весьма разнообразно: глубокое знакомство с анархическим идеалом и пропаганда его лично и коллективно, акты взаимопомощи и самозащиты (помощь заключенным и больным товарищам и революционные единичные и массовые выступления) и т. п. Говоря о терпимости в мнениях, мы понимаем, что каждый член организации не может, а посему не обязан, быть одного и того же мнения в вопросах теории и практики анархизма и других сторон жизни. Если мы не можем быть узко анархо-коммунистами, анархо-синдикалистами, или анархо-индивидуалистами, то, по нашему мнению, это еще не смертный грех: в своих понятиях мы можем быть коммунистами, в деятельности — синдикалистами, а в жизни — индивидуалистами; или с понятием синдикализма, можем верить в практическую коммунизма; или же будучи индивидуалистами — допускать работу в синдикатах и их значение в строительстве будущего, допускать коммунистическое хозяйство наряду с индивидуалистическим. Можем ли мы, анархисты, допускать непогрешимость той или иной теории, можем ли мы оправдывать слепую веру и следование учению одного или другого теоретика анархизма?

Нет, конечно нет! Каждое учение, каждая теория обычно растворяются в индивидуальных мозгах мыслящего читателя и слушателя, пригоняются к уровню его развития, сочетаются с его понятиями, создавая новые формы и образы: лишь слепая вера может принять без размышлений все то, что ей подсунут досужие умы. Мы можем быть более склонны к тому или иному учению вообще, находя в нем более общего со своими понятиями, но в деталях иметь свои особые мнен-

ия, комбинируемые или же оригинальные. Критический подход ко всему в жизни определяет разумного человека, и мы должны способствовать, свободному мнению и выражению его, а не подавлять его. Личная жизнь каждого из нас должна быть нашим "святой святых", и вторжение в нее, доколе она руководится принципом: Не вреди! (не делай зла другим), должно порицаться и устраниваться в наших взаимоотношениях. (Нетерпимость к мнениям и мерило "анархичности" поступков своих товарищей неоднократно приводило в прошлом к развалу организации или к отпадению более свободолобных членов).

Успех наших заданий определит будущее, а пока мы, в твердой уверенности в общности интересов анархистов всех толков, призываем всех говорящих по-русски анархистов, единиц и групп, отозваться на наш зов и помочь подготовить почву для объединения русско-американского анархического движения (не поглощения или вхождения, а действительного объединения по договору), которое впоследствии может наладить объединение и с иноязычными группами.

Пишите нам о своих нуждах, желаниях и положении, приложите свою мысль и руки к делу оживления анархического движения, а мы с своей стороны готовы принять и дать совет, рады получить и оказать помощь по мере сил. Наш адрес:

J. Loginoff

c/o Bell Book Store

130 E. 7th St.,

New York, N. Y.

С товарищеским приветом

Союз Друзей Свободы.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГРУППЫ "ПРОБУЖДЕНИЕ"

Принимая во внимание, что Заграничная группа русских анархистов-коммунистов в своем органе "Дело Труда" занялась распространением клеветы против журнала "Пробуждение", позорящей идеал анархического коммунизма, называя его издателей "предателями, лицемерами и фашистами", группа "Пробуждение" решила вынести свой протест против работы этих клеветников и их органа "Дело Труда". Причем, мы должны указать, что "Дело Труда" не только позорно клеветает по адресу журнала "Пробуждение" и его издателей, но и на его сотрудников, утверждая, что "Пробуждение" является "фашистским" органом. Необходимо еще указать и на то, что "Дело Труда" ведет дезорганизаторскую работу самого низкого свойства и вносит деморализацию в анархические ряды. Таким образом "Д. Т." усугубляет: злобу, клевету и человеконенавистничество. Эта деморализация уже сказалась на нравах членов Федерации А.-К. групп С. Ш. и Канады. Появление брошюры С. Володькина "Что такое рассветовщина" этому тоже является доказательством. Володькин в своей брошюре касается конференции "Пробуждение" и подвергает резкой критике те решения, которые конференция выносила. А между тем, Володькин в конференции "Пробуждение" никакого участия не принимал и лично не присутствовал. Следовательно, он ничего решительно не знает, какие обсуждались вопросы на конференции и какие выносились решения. Поэтому все его аргументы, приведенные в этой бездарной и безобразной брошюре против конференции "Пробуждение", являются либо бредом больного человека, либо умышленной ложью. Володькин своим лжеством хотел выслужиться очевидно перед Аршиновым. Результатом этой клеветнической кампании явилось выступление Худолея против журнала "Пробуждение". Худолей находится в Москве и не получил ни одного номера журнала "Пробуждение", но тем не менее производит из Москвы какую то своеобразную кристаллизацию в наших рядах. По-

видимому, он сновывался на брошюре Володькина и выступил с такой едкостью против "Пробуждения". Понятно, что Худолей снабжал ложными информацией Аршинов и члены Федерации А.-К. групп С. Ш. Все они обвиняют пробужденцев - рассветовцев в том, что они "похитили у Федерации, наборные машины, склад и магазин", которых Федерация никогда не имела, а предъявляет на это право. Люди, которые не находятся в курсе этого дела, могут поверить этой лжи. Кажется, что время уже положить конец этой кукольной комедии. Для чего это понадобилось им производить такое издательство над моральным правилом анархизма, которое говорит: "поступай с другими людьми так, как желаешь чтобы они поступали с тобой"? Где же терпение, уважение, дружба и солидарность, как главный залог нашей победы? Доколе этот дикий разгул лжи и клеветы будет иметь место в анархическом движении? Грав говорит, что нет ничего преступнее, как приводить чужие мысли до глупости. Парижская группа анархистов — Волин, Соболев, Стаймер, Флешин и Шварц — первая сделала клич к анархистам и вынесла свой протест против анархо-хулиганства "Дело Труда" (см. "Голос Труда" № 291). С своей стороны, мы добавим, что такую же работу ведет Федерация А.-К. групп С. Ш., которая принимает участие в издании "Дело Труда" и заполняет его страницы ложью и клеветой.

Группа "Пробуждение" заявляет, что ни какого отношения не имеет к реакционным элементам (фашистам, монархистам, капиталистам) в чем ее обвиняют. Целью группы "Пробуждение", во-первых, является распространение среди широких масс идей анархического коммунизма и, во-вторых, вести работу чисто культурно-просветительного характера.

Такие начала были положены в работу группы "Пробуждение". Эту работу группа "Пробуждение" и старалась выполнять постольку, постольку это было возможно.

Группа "Пробуждение".

ОТЧЕТ ПО ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА "ПРОБУЖДЕНИЕ" ОТ 12-го СЕНТЯБРЯ 1927 ПО 12-ое АВГУСТА 1928.

ПРИХОД.			
И. Тарасов. Рочестер, Н. Я.	Добровольный фонд	\$10.00	55.00
П. Шумович. Торонто, Канада	От предприятия	1.00	181.35
Е. Шакуза. Юнгстаун, О.	От розыгрыша Энциклопедии	2.00	20.25
Г. Бренко. Амбрдж, Па.	От распространения журнала "Пробуждение"	5.00	88.35
Л. Факс. Детройт, Мич.		1.00	
С. Филиппов. Скрантон, Па.		1.30	
С. Нагорный. Нью-Йорк.		12.00	
М. Верлов. Нью-Йорк.		3.70	
А. Псаан. Статт, Вил.		3.25	
Медвинч. Юнгстаун, О.		1.00	
Гейгер. Юнгстаун, О.		1.00	
С. Степовой. Интернационал Фолс, Мич.		5.00	
Прогр. О-во Взаим. Ньюарк, Н. Дж.		15.00	
Подписка		114.30	
Распространение		161.98	
С. Нагорный. Нью-Йорк. От розыгрыша картины		56.50	
С. Скарчук. Балт. Мич. Подписной лист № 6-й		16.00	
Ф. Саввич. Гери. Инд.	№1-й	10.00	
С. Андреевич. Елизабет, Н. Дж.	№2-й	18.70	
В. Кузь. Нью-Дж.	№8-й	1.50	
Д. Котон Н. Гамильтон Онт. Канада	№7-й	12.00	
Группа Друзей Свободы. Нью-Йорк	№5-й	7.00	
Карпена. Нью-Йорк	№4-й	4.50	
ДЕТРОИТ МИЧ.			
Добровольный фонд		45.00	
		ИТОГО	\$858.78
РАСХОД.			
Изданье журнала		\$505.00	
Сотрудники (заграничные)		40.15	
Дефицит от двух предприятий		13.94	
Плакаты на предприятие		10.00	
За перемену заголовка		5.00	
Телеграмма в Москву		4.40	
Д. Горбачевичу за пьесы		1.25	
Мелкие расходы		9.78	
Покрытие долга заимообразных		55.00	
Покрытие дефицита от прошлого отчета		18.21	
Выслано в Москву (в Черный Крест и Музей Кропоткина)		92.00	
		ИТОГО	\$754.73
		Общий приход	\$853.78
		Общий расход	754.73
		Переходная сумма	99.05
		Комиссия: Г-н. А. Демчук, И. Соколович.	

С следующего номера журнал "Пробуждение" будет
выходить под новой редакцией.